

Envr. 1078 d

1392/68

Em. 1018 d

54 112

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgt 176 / 4150

ПОХОДНЫЙ ЗАПИСКИ

Русско-Осетинский

МОСКВА

1836.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

Рускаго Офицера.

МОСКВА

1836.

25/10

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

РУССКАГО ОФИЦЕРА,

ИЗДАННЫЯ

И. Лажечниковымъ.

.... и нашъ вѣкъ произвелъ также добродѣтели
и дарованія, достойныя подражанія потомства!

К. Тацитъ, Лѣт. Кн. III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1836.

ПОХОДЫ

ЗАПИСКИ

РАСКАЗЫ ОФИЦЕРА

ВЫДАНЫ

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ при экземпляра. Москва. Іюля 2 дня
1835 года.

Ценсоръ *Болдыревъ.*

МОСКВА.

въ типографіи Н. Степанова

1836

ВСЕМЪЛОСТІВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ

Описаніе знаменитыхъ подвизовъ Россійскаго
Монаха и народа Его въ священный храмъ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

похвально въ столицѣ Вашей, Всемъло-

стивѣйшая Государыня! въ храмъ Божій

предъ нами стоишь, какъ на Свѣтѣ

Великаго Монаха и Матери народа Русска-

го!

ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСѢЕВНЪ.

Всемълоствѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

въ Олонецъ 1859.

С. Петербургъ.

Възвощающій

Князь Ламзбергъ.

ВЪ НАШЕПЪАТОРСКОНЪ БЕЛНДСТЪА

ВЪМНОЖЕННЕНЪ ПОДЪАРИТЪ

ЕЖИГАБЕТЪ АЛЕКСАНДРЪ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Описаніе нѣкоторыхъ подвиговъ Россійскаго Монарха и народа Его въ славнѣйшую брань за свободу Европы: описаніе, сдѣланное мною между путевыми наблюденіями, осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшая Государыня! ибо кому ближе принадлежать оно можетъ, какъ не Супругъ Великаго Монарха и Матери народа Русскаго?

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

20 Октября 1820.

С. Петербургъ.

ВѢРНОПОДДАНЫЙ

Иванъ Лажечниковъ.

ВСЕМИЛОСТИВЫЯ ГОСУДАРНИ!

Описание, изъясняющее потребности Российскаго
Монаха и народа Это въ священномъ брѣне
и свободѣ Евангеліи: описаніе, сближающее юную
землю, измѣненіи надъ нѣбесными, орудіи
поверженіи къ сполненію Вашимъ, Всенито-
стивительная ГОСУДАРНИ! но кому ближе
примысливать оное можется, какъ не Свѣдѣ-
тельству Монаха и Матери народа Русска-

207

ВСЕМИЛОСТИВЫЯ ГОСУДАРНИ!

Вашего Императорскаго Величества

20 Октября 1820.

С. Петербургъ.

ВЕРНОУКАЗАННЫЙ

Иванъ Александровичъ

А.) Списокъ съ Рескрипта къ Генералъ-
Лейтенанту Графу Остерману.

Графъ Александръ Ивановичъ! Поднесенный
вамъ опъ Богемскихъ жипелей кубокъ, укра-
шенный разными сея земли каменьями, еспъ
пріятное для Опечеспва Нашего свидѣтель-
ство чистосердечной благодарности сего наро-
да, за опвращеніе опъ него опасности без-
смертнѣмъ при Кульмъ подвигомъ Россійской
Гвардіи. Я въ полной мѣрѣ ободряю испра-
шиваемое вами въ письмѣ вашемъ распоря-
женіе о семъ кубкѣ; но не могу оспавить
безъ замѣчанія, чпо вы, опдавая должную спра-
ведливостъ участвовавшимъ въ семъ знамени-
шомъ сраженіи воинамъ, забыли себя, погда
когда вы въ ономъ предводишельствовали, и по-
теряніемъ руки своей купили побѣду. — Об-
спояпельство, умолченное вашею скромностію,
но незабвенное Опечеспвомъ, и которое ко-
нечно не преспанетъ швердиться въ успахъ
попомства! Пребываю вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ.

21 Февраля 1817.

С. П. Бургъ.

Б.) Сколько лѣтъ тому назадъ знаменитый
Делиль предсказывалъ взведеніе Лудовика на
пронъ опцевъ его рукою Монарха Россійска-
го! Само Провидѣніе, кажется, вдохнуло въ не-
го духъ прорицанія, когда онъ писалъ слѣдую-
щее мѣсто въ своей Поэмѣ DE LA PITIÉ:

Jeune et digne héritier de l'Empire des Czars!

Sur toi le monde entier a fixé ses regards

и проч.

Souviens-toi de ton nom: ALEXANDRE autrefois

Fit monter un viellard sur le trône des Rois:

Sur le front de Louis tu mettras la couronne.

Le scèptre le plus beau c'est celui que l'on donne.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая нынѣ мои записки, спалъ бы я напрасно, въ извиненіе ихъ неисправносшей, представляя, что я писалъ ихъ на походахъ, при свѣтѣ бивуачныхъ коспровъ, на барабанахъ и не рѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго рядомъ со мною войска. Все эшо могло служить оправданіемъ пѣмъ сочинителямъ, копорые — шакъ сказахъ — на горячемъ слѣду прошедшей войны издавали свои походныя замѣчанія. Въ чешыре мирные года долженъ я былъ имѣхъ время исправить погрѣшности моего шворенія; и если чинатели сдѣлаюхъ надъ нимъ спрогій приговоръ, шо виновахъ одинъ авторъ, а не обстоятельство. Въ ушѣшеніе себя и въ облегченіе страха, копорый чувствуюхъ издахъ, готоваясь представляхъ предъ общій судъ, скажу, что большая часть моихъ записокъ помѣщена была въ извѣснѣйшихъ нашихъ журналахъ и что онѣ заслужили одобреніе многихъ почтенныхъ Литтераторовъ. Оспалось

мнѣ сожалѣшь (можетъ бышь, одному мнѣ) о невозвратной потерѣ, которую я сдѣлалъ, лишившись, во время курьерской поѣздки 1817 года, цѣлой огромной пепради съ походными записками. Нынѣ издаю только уцѣлѣвшія опѣ сего кораблекрушенія, и пошому съ 16 Мая 1813 года предлагаюшся онѣ опривками. Сначала думалъ я замѣнить мою потерю, принявъ написать новыя записки въ кабинетѣ моемъ; но память мнѣ измѣняла, и для того принужденъ я былъ разсѣяться съ начашымъ шрудомъ. — Еще долженъ я предупредить читателя, чтобы онъ не ожидалъ найти въ сей книгѣ подробное описаніе маршей и сраженій, тактическія замѣчанія и наблюденія, однимъ словомъ полныя источники для бышописателя прошедшей кампаніи. — Авторъ не посвящалъ себя совершенно военному дѣлу, и для того не принималъ на себя шруднѣйшихъ обязанностей военного историка. Онъ издаеъ нынѣ свои записки въ видѣ замѣчаній простаго походнаго наблюдателя, описывавшаго единственно то, что было близко къ нему, что онъ видѣлъ, слышалъ достойнаго примѣчанія и что находилъ, въ кругу своемъ, великаго и прекраснаго въ подвигахъ Русскаго гражданина и воина.

ЗАМѢТКА КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Перечиславъ нынѣ мои »Походныя Записки,« я увѣ-
рился, что ихъ надобно было-бы вовсе передѣлать
опъ начального до послѣдняго листа, или не печа-
тать. Въ первомъ случаѣ я имѣлъ мысль издавъ ихъ
подъ именемъ »Воспоминаній:« на этошъ трудъ не до-
спаетъ у меня теперь времени. Не печатавъ вновь
нынѣ сихъ »Записокъ« я не могъ, потому что на это
есть воля хозяина ихъ, книгопродавца Н. Н. Глазуро-
ва, къ которому онъ посупили въ собственность
уже нѣсколько лѣтъ назадъ и у котораго по нимъ
я теперь въ долгу.

Февраля 14-го, 1836.

Тверь.

ЗАДАЧА О ВТОРОМ ОН АНТА

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

1 8 1 2.

С. Кривякино, 20 Сентября. Случалось ли вамъ видѣть дупя, приговоренное спояшь въ мрачномъ углу комнапы въ то время, когда роковой часъ, назначенный для окончанія прудовъ учебныхъ, ударилъ въ кругу поварищей его и возвѣспилъ сердцамъ ихъ благословенную свободу? — Умолкли громаы, поражавшіе ихъ съ высотъ кафедръ; исчезли изъ виду почтенный, черный кафтанъ и высокоумудрый парикъ; даже шарканье грознаго, школьнаго властелина не опдается болѣе въ длинныхъ переходахъ. Золошая свобода! восклицають юные мудрецы, и лепяшь срывають вѣнки съ величавыхъ соперниковъ и созидають новыя царства на горахъ Воробьевыхъ.... И пакъ, видите ли это

дипя, стоящее въ мрачномъ углу опустѣвшей комнапы? Взоры его обращены на роковую дверь, откуда товарищи его успремились пожинать лавры безсмертія; частые вздохи волнуютъ грудь его, и слезы струятся по розовымъ щекамъ несчастнаго. Но вдругъ сверкнула передъ нимъ мысль о свободѣ *перваго* чело-вѣка. Онъ гордо подымаетъ голову; сердце его бьется сильнѣе — и тяжкія узы для него болѣе не сущесвуютъ, и грозная темница его не ужасаетъ! Онъ уже съ копіемъ въ рукахъ впезапно является въ рядахъ Беллоны, мѣшаетъ крикъ побѣды съ крикомъ сражающихся, получаетъ тяжелыя раны и уносится на плащѣ.... (вы ожидаете великаго явленія?).... въ домъ родипельскій, гдѣ готовятся для него свѣжіе лавры, распущіе въ садахъ столицы — рядомъ со смиренною липою. Тутъ занавѣсъ опускается.... Жаль мнѣ героя моего, очень жаль! — Кто, подобно ему, не любитъ золопой свободы? Кто, для любви къ себѣ, не дипя въ міръ семъ?

И я во всемъ сходенъ съ симъ слабымъ, бѣднымъ пвореніемъ!....

Бранише меня, какъ вамъ угодно, друзья мои! бросайте на меня всѣ стрѣлы Сервантовъ: я не отражаю ихъ; но спокойно, какъ новый рыцарь печальнаго образа, опъ мирныхъ полей и уединенной хижины, бѣгу искать слав-

ныхъ происшествій и — если должно — сра-
жаться даже съ мѣльницами!

Мечъ гремитъ на бедрѣ моемъ и возвѣщаетъ
мнѣ время явиться на поля славы. Тройка ко-
ней, приведенныхъ изъ Русской Оракіи, или,
просто, съ береговъ Дона, роетъ снѣжные
бугры съ неперпѣнія опвезтъ новаго сына
Марсова къ нѣжному его родителю. Но слезы
родныхъ, безцѣнныхъ сердцу, велятъ еще ска-
зать имъ роковое: прости! Прощайте, друзья
мои! прощайте, мои милыя! Удостоивайте
иногда воспоминаніемъ того, который такъ
неожиданно покинулъ родныя поля и тихій
кровъ опеческій, оставилъ пріюпы любви
и дружбы, и что еще неблагодарнѣе, умѣлъ
такъ скоро расстаться съ вами, безцѣнные
мои!

На Мячковскомъ курганѣ, 12 Октября. Нико-
гда не проѣзжаю Мяковского кургана безъ
того, чтобы не взойти на него. Бывало, въ
красные дни природы и моей родины, остано-
вливался я здѣсь любоваться прелестными
видами. Тогда все восхищало меня: и свѣплая
въ извилинахъ Москва-рѣка, многочисленными
судами покрывая, и селенія, на живописныхъ
ея берегахъ расположенныя, и росписные, пе-
спрые луга съ озерами своими, и бѣлыя,
известковыя горы, дымящіяся на подобіе

маленькихъ Везувіевъ. Тогда любилъ, по цѣлымъ часамъ, взорами и сердцемъ бродить съ возвышеній, одѣтыхъ цвѣтными коврами, на пригорки, далеко золопо жавъ разливающіе, — изъ Мячкова, господствующаго надъ мрачными лѣсами, въ живописное Быково, собою въ водахъ красующееся, — и наконецъ въ шуманномъ, сизомъ опдаленіи искапъ Москвы бѣлокаменной. Нынѣ, когда пожары войны пылаютъ еще на родномъ небосклонѣ, когда природа и люди унылы, прихожу сюда внимапъ бурямъ осеннимъ и смотрѣпъ, какъ черныя тучи несутся надъ головой моей, какъ вихрь роепъ желтые листья и мчипъ ихъ по крупому берегу. Смерть и разрушеніе почіупъ на холмахъ могильныхъ; — печальна окрестность: мрачна и душа моя!

Безъ риторической фигуры можно, конечно, сказапъ, что всякая высота возвышаепъ чувства и мысли. Стою на гордомъ курганѣ и повпораю за прекраснымъ пѣвцемъ его:

Сюда приди, о Россѣ, свой санъ и долгъ узнапъ.

Никогда не чувспвовалъ я такъ сильно красоты сего изреченія, какъ *теперь*, стоя на сей величественной насыпи, копорой святыню берегли вѣки, на семъ памятникѣ славы нашихъ предковъ и могилѣ храбрыхъ. Такъ, на семъ знаменитомъ холмѣ, клянусь прахомъ опцевъ моихъ и побою, родина священная! клянусь,

что честь и Опечесство будутъ вездѣ моими спутниками; — и если изгоню ихъ когда нибудь изъ моего сердца, если забуду ихъ въ пыли бивъ и мирныхъ хижинахъ: то пусть недостоинъ буду имени Русскаго; пускай все милое мнѣ и Богъ меня забудутъ!

Москва, у Кремля, 13 Октября. «Эпо ли сполница бѣлокаменная?» — спрашивалъ я себя со вздохомъ, подъѣзжая къ Москвѣ. — «Гдѣ златые куполы церквей, вѣнчавшіе Царицу городовъ Русскихъ? Гдѣ высокія палаты, украшеніе и гордость ея? Одинъ *Иванъ Великій* печально возносился надъ обширной грудой развалинъ; только одинокія колокольни и дома, съ мрачнымъ клеймомъ пожаровъ, кое-гдѣ показывающіяся. Быстро промчалась буря разрушенія надъ спѣнами Московскими, но глубоки слѣды, ею оставленные!» Подъѣзжаю къ Таганской заспавѣ. Мракъ вечерній начиналъ спускаться надъ окружностію; чувства унынія и ужаса возраспали болѣе и болѣе въ душѣ моей. Близъ караульни показался огонекъ, зашмѣваемый бродящими людьми. Въѣзжаю въ заспаву и нахожу Изюмскихъ Гусаръ, расположенныхъ около нее бивуаками. Схожу съ повозки, иду далѣе по улицамъ, и не узнаю ихъ. Здѣсь стоятъ спѣны безъ кровель и церкви обезглавленные; тамъ

возносятся одинокія трубы; тупъ лежатъ одни пепелища домовъ, еще дымящіяся и наполняющія улицы тяжелымъ смрадомъ: вездѣ слѣды опустошенія, вездѣ памятники злодѣяній враговъ и предметы къ оживленію мщенія нашего! Ужасно воемъ вѣперъ, пролепая сквозь окны и двери опустошенныхъ домовъ, или спонемъ совою, шевеля желѣзные листы, опрывки кровель. Вокругъ меня мракъ и тишина могилъ! Только индѣ, подъ мрачными сводами, препещетъ огонекъ у пустыннаго сторожа развалинъ; кое-гдѣ слабый голосъ выносятся изъ погребовъ, или слышенъ въ шалашахъ робкій шепотъ. Иду по улицамъ, кажется, совсѣмъ незнакомымъ; — ни одно живое существо не попадается мнѣ на встрѣчу; — иду, и спотыкаюсь о мерпвую лошадь!... Давно ли рои народа кипѣли и шумъ не молкъ въ спѣнахъ Москвы? Давно ли по этой улицѣ, въ богатыхъ экипажахъ, встрѣчались сыны фортуны и мчались изъ жилища разсѣянія въ обитель моды? Не въ этомъ ли домѣ, за три мѣсяца передъ симъ, толпа рабовъ поклонялась набитому червонцами мѣшку, или старому пергаменту? Не въ этомъ ли имуществѣ, здоровье и самая жизнь полагались на одну роковую карту? Не здѣсь ли роскошь, на счетъ тысячи ближнихъ, собирала дань со всѣхъ частей

свѣта, чѣмбы угостить могущество одного? Здѣсь зарывалъ скупецъ свое золото; сюда же придетъ онъ оплакивать его потерю, и на томъ же прагѣ, гдѣ опказывалъ всякому въ помощи, узнаетъ, каково быть въ бѣдѣности и не найти сердецъ сострадапельныхъ. За этой спѣной нѣкогда стоялъ великолѣпный туалетъ: умыванія Ниноны, похищенные у любимой Сулпанши бѣлилы, сопни чепчиковъ и шляпокъ, тысяча и одинъ визитный билетъ, увы! достались въ жертву пламени. Что сказала бы красавица, когда, на мѣсто сихъ драгоценностей, нашла бы она—мертваго Француза? Ужасно и подумать объ этомъ!...

Васъ позвалъ бы я сюда, гордые богачи! и указалъ бы вамъ на превратности жизни сей. Съ вами пошелъ бы гулять по развалинамъ, ненасытные чesполубцы, воздвигающіе себѣ храмы и памятники на бѣдспвіяхъ народныхъ! Призвалъ бы сюда и васъ, ученики безвѣрія! и далъ бы вамъ взглянуть на вражескіе прупы, лишенные погребенія, брошенные въ пищу вранамъ и по смерти живо говорящіе, что гнѣвъ Божій, рано или поздно, караетъ преступниковъ. Здѣсь другъ чesловѣчества вздохнулъ бы со мною объ участи несчастныхъ и могилу добродѣтельнаго почпилъ бы искреннею слезою.

Сижу теперь на развалинахъ Кремля, и на обломкѣ его стѣнъ пишу мои замѣчанія. И сіе жилище Царей нашихъ, сей священный Палладіумъ Москвы не поберегла рука разрушенія! . . . Большая часть башенъ и стѣнъ подорвана; не пощаженъ самъ Иванъ Великій, сей памятникъ Царскаго благоразумія, среди бѣдствій народныхъ, украшавшій столицу два вѣка, пропекшіе мимо его съ благоговѣніемъ. — Благословляю мечъ, карающій враговъ Опечества и правъ его; клянусь губительное желѣзо, разрушающее памятники святыни и славы народной!

С. Троицкое, подѣ Москвою, 15 Октября. Побѣжденъ бытъ не можетъ народъ, въ самыхъ бѣдствіяхъ гордый своимъ именемъ, въ самыхъ горестныхъ поперяхъ не лишившійся добрыхъ нравовъ, среди жесточайшихъ оборотовъ судьбы хранящій твердо вѣру и законы праотцевъ! Москва была нѣсколько дней во власти иноплеменныхъ, Москва превращена въ пепелъ; но духъ свободы и любви къ Опечеству не переставали никогда оживлять древнюю столицу Россіи. Добродѣтели сіи сопровождаютъ нынѣ мирнаго гражданина въ самое изгнаніе изъ мѣстъ родины и неразлучны съ воиномъ, кипящимъ оптимизмомъ за пепелъ родныхъ жилищъ и права свои. Силь-

ны Богъ и Царь Русскій; могучи мышцами и духомъ попомки Славянъ — и Россія побѣждена бытъ не можетъ!

Каждый день слышу повѣствованія о твердости житей, необходимостію въ Москвѣ заключенныхъ во время пребыванія тамъ Французовъ. Спросите, кто были сіи жители? — нищіе, сирые, бѣдныя вдовы, безпріютныя и слабые старцы. Между дѣянїями сихъ героевъ, злыя слухи донесли до насъ — со всѣми прибавленїями, обыкновенно наполняющими подобныя рассказы о происшествїяхъ, копорыхъ мы не были зрителями — пресупленія одного или двухъ челоуѣкъ, измѣнившихъ законамъ чести и Бога. Но вѣрнѣйшія извѣстія, на которыхъ намъ прїятнѣе основываться, утверждаютъ, что сіи злодѣи были не Русскіе. Мы готовы даже вѣрить, что они не принадлежали никакому народу. Кто не можетъ бытъ вѣрнымъ сыномъ Опечества, недостойнъ назваться согражданиномъ грубыхъ Каннибаловъ; онъ не имѣетъ ничего священнаго на землѣ; нѣтъ для него ни имени, ни родства, ни связей; — цѣлая вселенная его чуждается. Благословенная Богомъ Россія не знаетъ подобныхъ изверговъ: она сильна вѣрными сынами.

Картина Москвы, съ одной стороны наводненной толпами иноплеменныхъ, дышу-

щихъ грабежемъ и безначаліемъ, съ другой огражденной твердоспїю духа оставшейся въ ней горсти жителей, представляетъ Исторіи прекрасныя черты, подражанія достойныя. Москва является въ ней, какъ знаменитая, древняя жена, сѣдѣющая на развалинахъ величественнаго храма и защищаемая вѣрною, небольшою семьею пропивъ многочисленной шайки грабителей. Жестоко обманула Французовъ надежда, обрѣсть въ Русскихъ грубыхъ варваровъ, обывшихъ подклонять выю подъ чужое ярмо! Слѣдующіе подвиги служатъ тому свидѣтельствомъ.

Кровавое зарево пожаровъ обжекало древнюю столицу Россіи; огромныя палаты и бѣдныя хижины превращались въ развалины; храмы Божіи предавались поруганію и толпы иноплеменныхъ бродягъ безъ соспраданія, безъ чести и вѣры праздновали на пепелищахъ уничтоженіе всѣхъ добродѣтелей. Вдругъ, среди поржественныхъ восклицаній порока, среди вопля спарцевъ, женъ и дѣтей, раздаются громкіе, утѣшительные голоса. Это голоса свободы! говорятъ угнѣщенные и спекаются на зовъ ея. Въ Огородникахъ спойтъ храмъ, посвященный имени Св. Харитона. Туда собираются они, вооруженные булавами, ножами, серпами и вилами; находятъ съ каждымъ днемъ новыхъ по-

варищей несчаспїя; соспавляють между собою особенное общество; спроятъ себѣ шалаши вокругъ церкви, и клянупся защищать ее отъ нападенїя безвѣрныхъ до послѣдняго дыханїя. Каждый день приходящїи они въ церковь сію возсылають молибвы къ пресполю Бога объ изгнанїи врага изъ Опечеспва, о ниспосланїи побѣды Русскимъ воинамъ, здравїя и славы законному Государю. Нѣсколько разъ покушаются непрїатели уничпожить священнослуженїе и превратить храмъ Божїй въ конюшню; но при первомъ покушенїи ихъ, герои-нищїе вооруженными сопнями спекаются вокругъ церкви, ударяющъ въ набашъ и заспавляють самыхъ мнимыхъ побѣдипелей удивляться ихъ мужеспву и рѣшительности. Нѣкоторые изъ Французскихъ смѣльчаковъ пыпаются, съ накрыпою головою, присутспвовать при опправленїи Богослуженїя; но поднятыя вверхъ вилы и грозные голоса свободы принуждають гордыхъ пришлецовъ смиричься предъ законами слабыхъ и нищихъ. Церковь, охраняемая споль мужеспвенными защитниками, донынѣ уцѣлѣла и свидѣтельспвуетъ каждому, что вѣрносшь Царямъ, вѣрѣ и кореннымъ добродѣтелямъ есть пвердѣйшїй оплотъ прошиву неравнаго могущеспва и бѣдспвїй, на землю посылаемыхъ.

Священникъ Срѣтенскаго монастыря, извѣстный примѣрною жизнію своею, не успрашилъ жестокостей иноплеменныхъ. Вѣрный своему Государю и правиламъ совѣсти, во всѣхъ молитвахъ своихъ возносилъ онъ къ престолу Бога имя Помазанника Его. Буонапарть, узнавъ о семъ, послалъ къ нему грозный приказъ исключитъ сіе имя изъ церковныхъ моливъ и впредь упоминатъ въ нихъ Наполеона, Императора Франціи и прочихъ земель. » Я присягалъ одному Царю Русскому, и не хочу знать никакого другаго, — съ твердостію сказалъ паспырь посланнымъ, и продолжалъ съ бѣльшимъ рвеніемъ молиться о здоровіи законнаго Государя. Ему угрожають висѣлицею на Срѣтенскомъ бульварѣ. » Донесите Наполеону — отвѣчалъ онъ исполнителямъ приказовъ его — донесите ему, что подъ рукою палача буду еще молиться объ Александрѣ. Не страшна смерть тому, кто умираетъ за Царя и вѣру. « — Къ чести доносителей должно сказать, что они нашли отвѣтъ сей геройскимъ, достойнымъ даже Французскаго народа, изобразили его такимъ предводителемъ своему, и оставили неколебимаго Священника исполнять долгъ его до самаго побѣга великихъ легионовъ изъ Москвы.

Римъ славился одною Лукреціею; древняя столица Русскихъ можетъ гордиться двумя.

На берегу Москвы-рѣки, въ скромномъ жилищѣ, аспавался одинъ изъ служителей алтарей для попеченія о приходской церкви и тайнаго надзиранія за схороненнымъ имъ церковнымъ богатствомъ. Сокровища, храму принадлежащія, умѣлъ онъ сберечь отъ хищническихъ взоровъ; но не укрылось отъ нихъ сокровище, ему собственно принадлежащее и для него безцѣннѣйшее всѣхъ богатствъ земныхъ — двѣ дочери, милыя и прекрасныя, какъ сама Природа, какъ она невинныя. Подъ надзоромъ умнаго, просвѣщеннаго и добродѣтельнаго опца взлелѣянныя, росли онѣ для исполненія надеждъ его и украшенія свѣта; — вскорѣ готовились онѣ усыпаться цвѣтами радости и любви жизненный путь двухъ юношей, избранныхъ ими по волѣ сердца. Въ сіи смутныя времена забывали помышлять о собственномъ счастьи; думали только объ успокоеніи Отечества. Обрученные принуждены были разлучиться почти у подножія брачнаго алтаря; клятва вѣчнаго союза готова была вылетѣть изъ устъ ихъ, и уста выговорили ужасное *прости* на вѣки; мѣсто сулимыхъ имъ любовію удовольствій заступила мрачная мысль о бѣдствіяхъ общественныхъ — и мечты, не давно подносившія имъ брачныя розы, казали уже имъ въ будущности одни могильные холмы, бранными ог-

ними и пожарами освѣщаемые. Разлука ужасная! но ее пребоваѣ неумолимый рокъ — и друзья, повинувась ему, распались съ гореспнымъ предчувспвіемъ. Вскорѣ припекли въ Москву орды разноплеменные. Простые солдапы, гордясъ безначаліемъ, повиновались однимъ желаніямъ своимъ; начальники вмѣспо того, чпобы давапъ подчиненнымъ примѣръ воздержности и кропоспи, подражали имъ въ своеволіи. Скромное жилище Священника не избѣгло ихъ посѣщенія; тамъ увидѣли они прелеспныхъ сеспръ, и по праву побѣды нарекли ихъ заранѣ своими данницами. Чпобы уловипъ ихъ скорѣ въ свои сѣпи, употребляли они сначала хипроспъ, ласкапельспва, обѣщанія, любовь, кляпвы и даже священное имя Бога; но видя предложенія свои отвергнуспыми съ презрѣніемъ и пвердоспю, они прибѣгнули къ силѣ. Въ скоромъ времени (эпо было къ вечеру) опсупспвіе опца послужило имъ къ совершенію злодѣйскаго ихъ намѣренія. Цѣлою разбойнической шайкою ворвались они въ комнапу, гдѣ находились обѣ сеспры, и заспали ихъ молящимися передъ распяпіемъ. Не уважая ни мольбы, ни слезъ ихъ, смѣясъ изображенію Божеспвеннаго Спрадальца на землѣ и Судіи небеснаго, которое несчастпныя обнимали вмѣспо защипы, злодѣи связали имъ руки и повлекли ихъ изъ до-

му. Приближась къ Каменному мосту, сеспры уговорились, на чуждомъ похищителямъ языкъ, вооружиться пропивъ нихъ обманомъ и рѣшиться, для избѣжанія вѣчнаго позора, умереть добродѣтельными. Рѣшились — и слезы осушены; пихая покорность волѣ сильныхъ показала уже во взорахъ ихъ; улыбка любви порхнула на померпвѣлыхъ устахъ, и нѣжный, сладкій голосъ просилъ облегчить ихъ узы. Какое жестокое сердце не пронулось бы сею просьбою, съ которою, казалось, сливались обѣщанія и надежды? Варвары, обманутые наружностію своихъ плѣнницъ и припомъ увѣренные въ силу своей, исполнили ихъ желаніе. Пустивъ за нѣсколько шаговъ отъ нихъ передовую стражу, сопровождая ихъ въ отдаленіи большою толпою съ комическими пѣснями, они хотѣли доказатьъ тѣмъ свое великодушіе. Но—кто изъ нихъ того ожидалъ? — Обѣ сеспры, приближась къ срединѣ Каменнаго моста, схватя другъ дружку за руки, пустились бѣжать, перелѣзли одни перилы, перекрестились, показали рукою на небо, взлѣзли на другія перилы и одна за другою — бросились въ рѣку! Все это совершилось въ нѣсколько мгновеній. Французы отъ изумленія и ужаса стояли неподвижны, не вѣрили глазамъ своимъ, и не знали, что начать. Хотѣли выпалить несчастныхъ изъ

воды, но нашедъ ихъ совершенно обезображенными сильнымъ ударомъ о камни, во множествѣ раздѣляющіе теченіе Москвы - рѣки, отдали ихъ на произволъ стремнины. Въ глубокомъ молчаніи, какъ приговоренные къ смерти преступники, возвратились они домой. Въ сердце не смѣли они заглянуть: въ немъ гнѣздилися уже грозный спутникъ, до престола Вѣчнаго Судіи съ ними неразлучный; не осмѣливались они взирать и на небо: тамъ начертана была будущая судьба ихъ! — Что сдѣлалось съ несчастнымъ опцемъ? Онъ въ объятіяхъ вѣры спарался искать утѣшенія и, можетъ быть, нынѣ нашелъ его. Что сдѣлалось съ злополучными женихами? Ничего не слыхалъ. Если бы я писалъ романъ, а не истинное приключеніе, то сказалъ бы, что одинъ изъ нихъ путемъ смерти и славы соединился съ любезною; другой же, заключивъ себя въ монастырскихъ стѣнахъ, оспался только пѣломъ жить на землѣ....

Сопни подобныхъ происшествій ознаменовали Сентябрь мѣсяць 1812 года; Французскіе бивуаки въ Москвѣ блиспали многими подобными огнями. Безумные пришлецы узнали, каково незваннымъ гостямъ госпитишь въ Русской столицѣ, и какимъ образомъ рабствуютъ на Сѣверѣ. Не одна тысяча ихъ лежишь въ погребахъ, колодезяхъ и подъ мѣль-

ницами. — Если бы собрать все черты мужества, твердости нравовъ и другихъ добродѣтелей, исполнявшихъ Русскихъ во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, то можно бы написать цѣлыя книги. Искуснымъ перу, рѣзцу и кисти предстоятъ трудъ и слава вывести изъ мрака неизвѣстности геройскія дѣла соотечественниковъ и представить ихъ во всемъ блескѣ на сцену міра.

Москва, 18 Октября. Москва начинаетъ спряться съ себя пепелъ и мало по малу оживляется. Геній ея, бродя по развалинамъ, собираетъ снова дѣшей вокругъ печальной, но всегда безцѣнной сердцу матери и ласкаетъ ихъ утѣшительною надеждою, что счастье, богатство и слава посыплютъ на нее свѣжіе вѣнки. Жители по немногу спекаются въ Москву. Между развалинами ходятъ иные, какъ Радклиффы привидѣнія, и ищутъ слѣдовъ своихъ жилищъ и имуществъ; другіе, одиночкою или парами, встрѣчаются вамъ на улицахъ и спрашиваютъ васъ о той, на которой сами находятся. Черезъ заставы пробираются огромные возы съ жизненными потребностями; на рынкахъ волнуется народъ и жужжитъ, какъ рой пчельный съ приближеніемъ цвѣтущей весны. Ремесленники на площадяхъ предлагаютъ вамъ свои услуги; каменщики и плот-

ники считають пучные задапки. Уже извошки на быспрыхъ иноходцахъ мчашъ васъ изъ края въ край города, и Петербургская карета одинъ разъ въ сутки спучитъ по мостовой. Уже шумитъ попоръ, и веселое его эхо опзывается въ моемъ сердцѣ. Въ Москвѣ можете нынѣ найти теплый уголь, вкусный обѣдъ, всѣ необходимыя потребности жизни за недорогую цѣну и даже предметы роскоши. Передъ развалинами Госпинаго Двора видите скромныя палатки, сполы, стулья и пренужники, на которыхъ лежатъ товары, хопя не въ изобиліи, но довольно хорошіе. Каждый день принимаетъ городъ лучшій и пріятнѣйшій видъ. Можно сравнить Москву съ прекрасною женщиною, которая во время печальнаго праура лишилась лучшихъ своихъ прелестей. Наступилъ конецъ горестнаго испытанія, и она, забывъ *прошедшее*, улыбается будущему, спѣшитъ рядиться въ новую, разноцвѣтную одежду, любитъ въ заркалѣ оживленіемъ своихъ прелестей, и съ каждою новою минутою готовитъ своимъ обожателямъ новыя пріятности.

Наконецъ расстаюсь съ побою, Москва, древнее жилище Царей, колыбель и гробъ многихъ изъ нихъ, средоточіе богатства, изобилія и веселостей Россіи, и родина моя священная! Видѣлъ я тебя цвѣтущею, красивою,

величественною; зрѣлъ я твои развалины: да порадуюсь нѣкогда возобновленію твоего великолѣпія, красоты и славы твоей — и скажу съ гордостью Москвитянина:

Что мапушки Москвы и краше и милѣе?

С. Хатунъ, 20 Октября. Въ кругу семейства одного изъ здѣшнихъ поселянъ, за дубовымъ столомъ, за Русскимъ хлѣбомъ съ солью, подтвердилъ я самъ себѣ замѣчаніе, дѣланное уже мною нѣсколько разъ на счетъ счастливой жизни крестьянъ Графини Орловой. Красивая наружность домовъ, опрятность и порядокъ во внутренности ихъ, довольство въ пищѣ ихъ обихода, чистота и богатство въ одеждахъ, свѣжесть и здоровье лицъ, живость въ обращеніи и дѣлахъ торговыхъ, болѣе людскости, болѣе разсудительности и лучшая нравственность: вотъ, что отличаетъ ихъ отъ многихъ другихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И всѣмъ этимъ обязаны они челоуколюбивымъ о нихъ попеченіямъ молодой наслѣдницы имѣнія и душевнаго богатства Героя Чесменскаго. За то нѣтъ ни одного, который бы не произносилъ ея имени съ сердечною признательностью; нѣтъ ни одного, который бы не благословлялъ кропкой милосердой своей власпиельницы. Что же

должна чувствоваться она въ душѣ своей? Какія торжества, какія награды могутъ сравниться съ удовольствіемъ брать съ тысячей богатѣйшую дань любвию, внимають себѣ отъ подданныхъ дѣтей искреннюю похвалу и слышають отзывъ ихъ благодарности во глубинѣ своего сердца? Тутъ я вспомнилъ о покойномъ Графѣ Алексѣ Григорьевичѣ, и сказалъ самъ себѣ: — » какъ родитель былъ спрашенъ врагамъ на моряхъ, такъ дочь въ хижинахъ любима и благословляема. «

Въ почтенномъ хозяинѣ моемъ представляется мнѣ живой урокъ многимъ мудрецамъ нашего вѣка. Нѣжный отецъ и вмѣстѣ строгій правитель и судія своего семейства; краснорѣчивый орапоръ за мірское дѣло, жаркій защитникъ слабого и невиннаго въ сельскихъ совѣпахъ; трудолюбивый воздѣлыватель полей и слѣдственно полезный членъ Опеческу; покорный властямъ и всякому порядку по шѣмъ же законамъ, по какимъ самъ почитаемъ въ своемъ домѣ; добрый Христіанинъ безъ умствованій; вѣрный подданный, чтящій въ Царѣ своемъ образъ Всевышняго Правителя на землѣ; мудрецъ, читающій каждый день великую книгу Природы — онъ постигнулъ сердцемъ, что слѣдовать ея простымъ велѣніямъ — есть повиноваться волѣ Бога.

Нынѣ празднуютъ здѣсь изгнаніе враговъ

изъ Москвы. Я поспѣшилъ за поселянами въ церковь. Умный пастырь, кончивъ священное служеніе, обрапилъ къ своему спаду прогательную, простую рѣчь. Онъ говорилъ о торжествѣ любви къ Отечеству, къ Царю и вѣрѣ — не фигурами, не набросанными однимъ на другое умствованиями — онъ говорилъ сердцу краснорѣчіемъ Природы, и сердце каждого понимало его безъ изъясненій. Ему извѣстно было, что простыя примѣры, собранные въ кругу пѣхъ, къ которымъ обращался, у плуга и на торжищахъ, въ дымной хижинѣ и въ богапой свѣплицѣ, подѣйствуютъ сильнѣе на душу селянина, нежели взятые изъ какой нибудь Рипорики пыльные образчики. Онъ зналъ, что нравоученіе, чистое и всѣмъ внятное, почерпнутое изъ Хриспіанской нравспвенности (которой должна также служить зеркаломъ самая жизнь пастыря), лучше запутаннаго краснорѣчія древнихъ и новыхъ умствователей; онъ зналъ что очень хорошо — и знаніе свое умѣлъ употреблять въ пользу. Крестьянинъ, слушая его съ искреннимъ, душевнымъ учаспіемъ и уваженіемъ, не имѣлъ нужды (какъ часто случается) спрашивать у своего товарища: » что говоритъ батюшка? я слышалъ, что онъ проповѣдуетъ красно, да я его не разумѣю, « и тому подобное. Жителя села, простаго сына

Природы не тронешь и не убѣдишь ученостію; онъ послушенъ болѣе краснорѣчію матери своей, и всегда вѣрный данникъ ея всѣмъ сердцемъ и душою. Хвалю прогашельное и простое рипорство здѣшняго священника, и желаю искренно, чптобы сельскіе наши паспыри взяли его образцемъ для подражанія.

Г. Калуга, 26 Октября. Первое мѣспо въ моихъ запискахъ должны занимать дѣянія сопечеспвенниковъ моихъ — дѣянія, возвышающія имя и духъ Русскаго. Слѣдующимъ повѣствованіемъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ одинъ Смоленскій помѣщикъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ самага происшествія.

.....Соединенныя войска двадцати народовъ текли въ Россію подобно грозной, черной тучѣ, носящей въ себѣ опустошеніе и гибель золопой жашвы; врага Смоленска опворились съ громомъ, и черезъ нихъ всѣ бѣдствія войны внеслись въ сердце драгоцѣннаго Опечеспва; пламя пожаровъ пробѣжало бурею до стѣнъ Кремлевскихъ. Хищеніе, развращъ и забвеніе всего священнаго грозя самимъ Небесамъ, бродили по развалинамъ городовъ и селъ; толпы несчастныхъ жителей убѣгали со страхомъ, оглядываясь на пепелищъ домовъ своихъ. Тамъ мать съ груднымъ младенцемъ укрывалась въ густопу лѣсовъ, спрашась не сполько

дикихъ звѣрей, сколько свирѣпыхъ пришельцевъ; здѣсь старикъ подъ ношею лѣпъ и бѣдствій искалъ по рощамъ и полямъ пищи для продолженія своей жизни и для семьи малолѣтнихъ дѣтей; сынъ опыскивалъ опца своего подъ развалинами, жена умоляла возвратить ей супруга: всѣ проливали слезы о разлукѣ съ милою родиною. Уже сильныя руки во мракѣ ночей ковали копья, уже косы и серпы оспрились; но часъ свободы еще не звучалъ — и гордый сынъ Сѣвера, въ ожиданіи его, запалилъ въ груди своей грозное чувство мщенія.

Наполеонъ съ адскою усмѣшкою считалъ раны, покрывавшія часть Россіи, и наблюдалъ мѣсто, гдѣ могъ бы еще вѣрнѣе поразить ее. Желая исплиить нравы Русскаго народа, онъ учредилъ на развалинахъ Смоленска верховный судъ и предписалъ ему довести до свѣденія оставшихся въ городѣ и округѣ жителей, что нѣтъ изъ нихъ, которые будутъ недовольны Русскимъ правосудіемъ и управленіемъ, могутъ требовать защиты отъ Французской расправы: видимое желаніе вооружить противу справедливой власти и опечесственныхъ законовъ какую нибудь толпу безпокойныхъ бродягъ и бросить тѣмъ искру бунта въ сердца народа! Неудовольствіе нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской Губерніи на помѣщика ихъ, оправдавъ самымъ непримѣтнымъ образомъ сіе намѣреніе, показало

между тѣмъ повелителю Французовъ, до какой степени можетъ дойти благородная гордость Русскихъ и на какія жертвы готова любовь ихъ къ Отечеству.

Извѣстный духомъ истиннаго благородства и твердости Смоленскій дворянинъ Энгельгардъ не ужаснулся нашествія непріятелей. Соболезнуя о бѣдствіяхъ родины и желая присутствіемъ своимъ облегчить горестную участь согражданъ, онъ осмался въ помѣсть свою, въ Духовскомъ уѣздѣ. Положа руку на сердце, взглянувъ на Небеса, онъ далъ Небесамъ симъ обѣтъ: среди многочисленныхъ враговъ дѣйствовать пропиву нихъ же; окруженный чужеземною властію, онъ рѣшился укоренять въ сердцахъ народа любовь къ законному Государю, и на пепелищахъ опчизны своей вознести знамя народной свободы и счастія. «Дѣла мои, совѣсть, Государь и Богъ оправдаютъ мое здѣсь пребываніе!» сказалъ онъ, и началъ исполнять священный обѣтъ свой.

Нѣкоторые крестьяне его, недовольные устройствомъ, въ которомъ онъ содержалъ ихъ во все время общаго безпорядка, негодуя на примѣрную строгость, съ которою онъ наказывалъ ихъ за участіе въ грабежѣ Французовъ и за ослушаніе пропивъ Русскихъ законовъ — крестьяне сіи, прельщенные льстивыми обѣщаніями вольности и золотыхъ

испочниковъ, рѣшились идти въ Смоленскъ къ Французскому Начальству доносить на своего помѣщика о лишеніи имъ жизни нѣсколькихъ Французовъ. Просьба крестьянъ выслушана судьями, произведено слѣдствіе, и не найдено никакихъ слѣдовъ смертоубійства. Самъ предводитель разбойнической шайки постыдился бы произнести рѣшительный приговоръ надъ Энгельгардомъ. Дѣла попекли по прежнему въ помѣстьяхъ сего послѣдняго; но духъ злобы не дремалъ: вскорѣ бунтовщики, подстрекаемые Наполеоновыми прокламаціями, соединились въ небольшую разбойническую шайку, набрали въ окрестностяхъ нѣсколько убитыхъ Французовъ, и бросивъ ихъ въ отсутствіе помѣщика подъ полы его дома, привели изъ Смоленска Французскихъ комиссаровъ для вскрытія половъ сихъ и свидѣтельства мертвыхъ тѣлъ. Энгельгардъ найденъ виновнымъ въ смертоубійствѣ и призванъ въ верховный судъ въ Смоленскъ. Возстановитель опечесивенной свободы, Вильгельмъ-Тель не являлся къ грозному припѣснителю Швейцаріи съ такою твердостью духа, съ какою вступилъ въ среду судей защитникъ славы Государа и согражданъ своихъ. Благородная гордость Русскаго дворянина, увѣренность сына Опечесива въ исполненіи своей обязанности, любовь къ Царю и вѣрѣ сіяли въ очахъ

его, управляли всѣми его движеніями и приводили въ смущеніе собравшійся для приговора его Французскій совѣтъ. Не подсудимымъ казался онъ, но судьей неколебимымъ, пишущимъ толпѣ преступниковъ приговоръ къ вѣчному ихъ посрамленію. Наконецъ Энгельгардъ осужденъ быть разспрѣлянь. » Веди меня скорѣе къ мѣсту моего торжества!« — сказалъ онъ Французскому караулу, выслушавъ со всѣмъ хладнокровіемъ приговоръ свой. — Напрасно прельщали его, опъ имени Буонапарта, свободою и прощеніемъ; тщетно обѣщали ему высокія почести и награды, если онъ опречется опъ законнаго Государя своего и объявитъ Смоленскому народу, что повелитель Французовъ есть нынѣ настоящій Монархъ Россіи и помазанникъ Божій! » Свобода моя принадлежитъ Богу и Царю Русскому! — и могъ ли Наполеонъ сдѣлать меня рабомъ своимъ? Скажите ему, что я и теперь свободенъ; скажите ему, что Русскіе дворяне умѣютъ умирать таковыми за Государя своего и Опечество!« — такъ опвѣчалъ онъ, и повторилъ снова требованіе, чтобы его вели скорѣе къ мѣсту казни. Дорогою произнесъ онъ раза два сопровождавшему его караульному офицеру извѣстный Корнельевъ стихъ:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.

Не казнь постыдна, преступленья!

На мѣстѣ казни хопѣли завязать ему глаза плапкомъ; но онъ, сорвавъ его съ негодованіемъ, сказалъ: »Русской не боится смерти!« перекрестился и ожидалъ роковой пули съ твердостію духа, удивившею самихъ палачей. Свинецъ засвиспалъ — — Энгельгарда не спало!... Но Царь * и Россія его не забудутъ; сограждане воскресятъ его въ памяти и сердцахъ своихъ, и передадутъ его попомспву въ примѣръ великихъ жертвъ любви къ Опечеству.

Пріятно мнѣ мечпаетъ объ оживленіи Русскаго Кодра въ памятникъ! Пускай Смоленское и цѣлой Россіи Дворянспво, соединясь единодушными пожертвованіями, соорудитъ памятникъ сей тому, кто такъ славно умеръ за права и честь дворянъ; пусть поспавятъ его на одной изъ площадей Смоленскихъ въ память сынамъ и правнукамъ нашимъ! Пускай на одной споронѣ его начерпаятъ: Русскому Кодру; на другой Энгельгарду—Россійское Дворянство. Смпіря на него, мирный гражданинъ прочипаетъ во взорахъ великаго обязанности свои Государю, согражданамъ и Опечеству.

* Государь Императоръ излилъ щедроты Свои на многочисленное семейспво Энгельгарда. 1820.

Покланяясь ему, молодой воинъ воскипитъ огнемъ мужества и спроситъ копье свое, *чтобы потрясть землей и адомъ*. Къ памятнику сему придутъ поучаться люди всѣхъ соспояній и званій, и познавать величіе имени Русскаго. Какой примѣръ коренныхъ нашихъ добродѣтелей! Какой богатый предметъ для художника и какое славное поле для генія!

Мечтаю — и счастливый сею мечтою, благословляю память великаго Энгельгарда и жребій, судившій мнѣ родиться Русскимъ.

Г. Росславль, 10 Ноября. Я прибылъ въ городъ вчера вечеромъ и остановился у одного Русскаго купца, гостепріимнаго и любезнаго. Послѣ сыпнаго ужина, приправленнаго голодомъ и ласками хозяина, меня оставили одного въ теплой, уютной комнатѣ успокоиться отъ походныхъ трудовъ. Двадцати-градусный морозъ дыханіемъ своимъ пушилъ окна моего жилища; стѣны трещали ежеминутно. Я сидѣлъ у разложеннаго въ камелькѣ огня, и смѣялся угрозамъ зимы. Со мною былъ Боннепъ. »Какъ великъ человекъ! — съ гордостію подумалъ я, прочитавъ два, приотрывка изъ Созерцаателя Природы: — пресмыкаясь тѣломъ по землѣ, онъ духомъ въ

небесахъ лепаетъ. Нѣпѣ, кажется, въ мірахъ для него сокрытой тайны: самъ Творецъ знакомилъ его съ чудесами творенія. Умень, могучь, величавъ, онъ зрѣлъ съ улыбкою, какъ все ему покорствуеетъ. Гроза и гордость звѣрей, левъ повинуется его взору; быспрая, какъ горный вѣпръ, серна, внимая голосу его, останавливается на краю утеса и преклоняетъ передъ нимъ вѣпъвисые рога свои; парящій подъ солнцемъ орелъ къ нему спускается, по его велѣнію. Самыя спихи ему раболѣпствуютъ. И кто на землѣ не плашилъ дани Царю земному и любимцу Небесъ? . . . «

Нынѣ видѣлъ я подобнаго себѣ въ униженіи, видѣлъ человѣка, Богомъ и людьми отброшеннаго, и признаюсь, что никогда, ничего не зрѣлъ ужаснѣе. Еще съ содроганіемъ вспоминаю сіе зрѣлище. Ночью прибылъ въ Росславль прехсопный транспортъ плѣнныхъ, пущенный изъ-подъ Краснаго при нѣсколькихъ козакахъ. Боялись съ ними заразы, и для того расположили ихъ бивуаками близъ города. Усыпивъ голодъ — нѣкоторые остатками сухарей, иные мерпвыми лошадьми и товарищами — предпочли они кочевью на снѣгу городскіе овины и сараи. Одни зарывались въ солому, другіе прятались въ трубы и печи; были даже такіе, которые, собравшись

толпою въ пустый домъ (большая часть здѣшнихъ домовъ еще безъ хозяевъ), ложились десятками другъ на друга, зажигали его со всѣхъ чепырехъ угловъ, и содѣлывались жертвою бузумія своего. По упрѣ собрали козаки оставшихся и не досчитали болѣе двухъ сотъ. Меньшую половину изъ сего числа полагали умершею, другую бродящею по всѣмъ концамъ города. Я не успѣлъ проснуться, какъ привалила ко мнѣ толпа Французовъ, Испанцевъ, Поляковъ, Вестфальцевъ, Баварцевъ, Прусаковъ, Испанцевъ и, Богъ знаетъ какихъ народовъ! Думаю, что эпоха построения Вавилонской башни не производила такого сипраннаго и жалкаго смѣшенія языковъ. Каждый не говорилъ, а споналъ на своемъ наречіи; всѣ проклинали Буонапарша, виновника ихъ бѣдствій. Одинъ сказалъ мнѣ: »братъ мой, послѣдняя подпора шестидесятилѣтняго опца, погибъ въ горахъ Гишпаніи; а я осужденъ найти себѣ могилу въ Русскихъ снѣгахъ.« Другій: »освободясь отъ прехъ конскрипцій деньгами, не избѣгнулъ я чепвершой — и теперь, въ удаленіи отъ оливъ роднаго Лангедока, въ разлукѣ съ семействомъ и милою невѣстою, гляжу съ ужасомъ на приближеніе смерти.« Третій: »не нуженъ ли вамъ хорошій кучеръ? я управлялъ шесперкою коней у Министра Финансовъ и игралъ не по-

слѣднее лице въ конюшнѣ и тайной пріемной Его Превосходительства. Четвертый: »парикмахеры нравоучители въ Россіи неизвѣстны; а я, обладая искусствомъ убирать волосы, могу преподавать за шуалепомъ Эпикурову философію. Въ Парижѣ былъ я въ славу; если же у васъ не перестанутъ подражать обычаямъ первой столицы міра, то...» Бѣднякъ не договорилъ, увидѣвъ въ рукахъ моего хозяина кусокъ хлѣба. Какой-то Нѣмецъ брался развесить у Русскихъ карпофель и научить ихъ находить вкусъ въ супѣ изъ костей. Споявшій подлѣ Нормандецъ божился, что подъ надзоромъ его Русскій барченокъ въ шесть мѣсяцевъ будетъ совершеннымъ Парижаниномъ. Сыскался одинъ Гасконецъ, который, пребуя только года времени, нѣсколькихъ милліоновъ рублей и, кажется, тысячъ пяти сотъ войска, обѣщался привезти Наполеона въ Москву въ желѣзной клѣпкѣ. Всякій предлагалъ свои услуги и хотѣлъ въ награду одного куска хлѣба и шеплаго угла. Ужасно было смотрѣть на спранныю ихъ одежду, едва прикрывающую наготу тѣла, на черныя, задымившіяся лица ихъ, на помные и вмѣстѣ страшные взоры, въ копорыхъ, казалось, потухала жизнь и водворялись мученія ада! Не возможно пробыть съ ними пяти минутъ въ одной комнаѣ, такъ силенъ смрадъ, проис-

ходящій опъ смѣси дыму съ пищею лошади-
наго мяса. Если бы не принимали всѣхъ воз-
можныхъ мѣръ для предохраненія жителей
опъ заразы и если бы зима, съ жестокими
морозами своими, не пришла къ симъ пред-
осторожностямъ на помощь; то чума со всѣми
ужасами посѣпила бы неизбежно края сіи.

Къ чести Русскаго гостепріимства и че-
ловѣколюбія, хозяинъ мой, не смотря на зло-
рѣчивые толки, пренебрегая страхомъ сдѣ-
лапся больнымъ, взялся быть благодѣте-
лемъ погибающихъ. Незнакомый съ древними
школами, не считая себя членомъ ни одной
изъ новѣйшихъ, послушный только нравствен-
ности, чистой, не искаженной предразсудками, и
повинуясь природному чувству состраданія, онъ
попустилъ въ душѣ своей чувство мщенія, и
помня, что врагъ перестаетъ быть таковымъ,
когда обезоруженъ и слабъ, онъ дѣлалъ добро
всякому, кто только требовалъ его помощи.
» Несчастные довольно уже наказаны гнѣвомъ
Божіимъ « — говорилъ онъ, собирая къ себѣ
злополучныхъ плѣнниковъ. Онъ согрѣвалъ ихъ,
кормилъ, одѣвалъ, лѣчилъ и наконецъ опу-
скалъ ихъ въ печальное странствованіе. Спа-
раніями его оживленные узники, осыпая его
тысячью благословеній, благословляли съ нимъ
вмѣстѣ имя Русское. » Если хотя одинъ изъ
насъ возвратится въ свое семейство « — го-

ворили они, распаваясь съ нимъ со слезами —
 »по заклаемъ дѣшей и весь родъ нашъ по-
 чищамъ за роднаго всякаго Русскаго, копо-
 раго жребій войны пошлемъ на поля наши;
 заклаемъ ихъ облегчашъ для него узы плѣна
 всѣми жизненными выгодами и усладимъ для
 него разлуку съ Опечеспвомъ упѣшеніями
 дружбы и братства. «

Хвала и слава имени Русскому! на бранныхъ
 поляхъ гремитъ онъ побѣдами; въ мирныхъ
 хижинахъ цвѣтешъ соспрандіемъ. Хвала вамъ,
 сердца чувспвишельныя! Герою воспещешъ
 народъ среди шумныхъ поржеспвѣ своихъ; че-
 ловѣка благодѣшельнаго вспомнущъ несчаст-
 ные въ молипвахъ своихъ у преспіола Бога.—
 Моженъ бытъ, найдущся люди, которые ис-
 толкуютъ въ худую спорону дѣянія Росслав-
 скаго купца; но чиспаго совѣспію оправдаешъ
 Сердцевѣдецъ.

»Вы не видѣли еще человѣка на послѣд-
 ней степени уничиженія, « сказалъ мнѣ хо-
 зяинъ: »пойдемте по городскимъ улицамъ, я
 покажу вамъ его, и вы ужаснетесь! « — Въ
 самомъ дѣлѣ, что увидѣлъ я, вышедши изъ
 дому? ... Волосы спановяпся дыбомъ; сердце
 замираешъ опъ ужаса, и перо на силу пови-
 нуется мнѣ для изображенія человѣка, испо-
 щившаго милоспії Творца и наконецъ всѣмъ
 гнѣвомъ Его постигнушаго. Поруганные храмы,

разграбленныя и пополенные жилища, обезчещенныя жены и дѣвы, лишенные пріюта сироты и сироты требовали отъ Небесъ мщенія, и Небеса послали его наконецъ въ примѣръ вселенной. Всѣ бѣдспвія войны, всѣ ужасы Природы стеклись вмѣстѣ, чтобы пасть разомъ на главы пресупниковъ: бѣгство, голодъ, морозъ и всѣ возможные потери соединились въ одно неслыханное доселѣ наказаніе. Безсмысленныя твари не были никогда такъ унижены, какъ человекъ въ мрачную сію эпоху. Гляжу вокругъ себя со страхомъ, и вижу людей въ самыхъ мучительныхъ положеніяхъ. Одинъ, въ женской изорванной одеждѣ, ползетъ на колѣняхъ и локтяхъ; другой, полунагій, шедши падаетъ на взничь окостенѣлый; третій грызетъ лошадиную ногу; четвертый съ обезображеннымъ лицомъ вылезаетъ изъ-подъ развалинъ. Пятый отъ слабости присѣлъ у порога хижины: снѣгъ клоками падаетъ на обнаженную грудь его; всѣ члены его трепещутъ отъ конвульсій; видно, что онъ борется еще со смертію. Онъ вспоминаетъ отца, мать, любезныхъ сердцу, милое отечество; уста его произносятъ еще имя Бога. Слышу послѣдній вздохъ жизни — и содрогаюсь отъ ужаса!... Нѣтъ средствъ помочь тѣмъ, копорымъ сама Природа отказала въ помощи. Люди сострадательные, находя сихъ несчастныхъ на ули-

цахъ, обогрѣвали ихъ и насыщали за обильною прापезою, но не въ состояніи уже были возвратити многимъ изъ нихъ истощенной жизненной силы.

Воптъ подобный мнѣ человѣкъ! воптъ Царь земли! — сказалъ я самъ себѣ, и съ мрачными мыслями, съ чувствомъ унынія возвратился домой. — Бѣдное человѣчество!...

Придите разсѣять черныя мечты моего воображенія вы, благодѣтели рода человѣческаго! И вы, умы безсмертные, посѣпите меня въ моемъ уединеніи. Типы, Маркъ-Авреліи, Генрихи, Пепры, Екаперины, Пожарскіе, Сокрапы, Невтоны и Державины! окружите меня Геніемъ добра, ума и великихъ дѣлъ вашихъ. Да забуду въ вашей бесѣдѣ, какъ можетъ быть униженъ человѣкъ, и стряхнувъ съ него прахъ земнаго рабства, да возвышу его снова до безмертнаго величія вашего!

Мѣстечко Шкловъ, 11 Ноября. Воптъ и Шкловъ! сказалъ я съ съ восторгомъ, переѣзжая широкій Днѣпръ, на берегу котораго сидитъ самое мѣспечко. Ни одинъ путешественникъ — знакомый и неизвѣстный, знатный и безчиновный, богатый и бѣдный — не имѣлъ свободы проѣхать черезъ Шкловъ, не завернувъ къ знаменитому его обладателю. Ни одинъ госпъ

не выѣзжалъ изъ него, не заплачивъ дани удивленія богатству и вкусу, съ копорымъ его угощали, не принеши дани уваженія и благодарности тому, копорый всѣ непріятности пышнаго вельможи умѣлъ прикрывать какою-то очаровательною любезностію и ласками своими. Здѣсь была столица роскоши и удовольствій. Все, что богатства въ союзѣ съ умомъ и вкусомъ произвеси въ состояніи; все, что Природа создавъ и искусства украсишь могутъ; все, о чемъ только нѣга, обильная выдумками, мечтаетъ и что совершитъ она можетъ: было собрано въ цвѣтущемъ Шкловѣ. Сюда щедроты благодѣтельнаго вельможи призывали Музы вмѣстѣ съ богомъ войны и здѣсь основали имъ пріятное жилище. Въ здѣшній Кадепскій Корпусъ со всѣхъ споровъ Россіи и Польши стекались тысячами благородные юноши. Тутъ науки просвѣщали умы и сердца ихъ, искусства ихъ украшали и чистая нравственность образовала; всѣ вмѣстѣ производили полезныхъ Отечеству мужей и доставляли ей славныхъ защитниковъ. Здѣсь жилъ наконецъ любимецъ фортуны, окруженный уваженіемъ тысячей чужестранцевъ и единоземцевъ, прелестями и ласками роя Грацій, блескомъ, шумомъ и красотою строевъ конныхъ и пѣшихъ кадетовъ, пышностію и веселостями двора своего, благодарностію имъ

осчастливленныхъ, однимъ словомъ, здѣсь жилъ Зоричъ! — Зоричъ болѣе не существуетъ и съ нимъ переспалъ *жить* Шкловъ. Это нынѣ — обыкновенное Польское мѣстечко, въ которое богачье Жиды, худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, или испорченнымъ Русскимъ, приглашаютъ путешественника, и изъ котораго низкія, неопрысканныя корчмы заставляютъ его скорѣе удалиться.

Г. Борисовъ, 14 Ноября. Путь отъ Рославля до Борисова устроенъ мерзвыми пѣлами, которыя представляются глазамъ въ разныхъ ужасныхъ видахъ. Никого не встрѣчаешь на дорогѣ сей, кромѣ изуродованныхъ морозами воиновъ *великой арміи* въ женскихъ, крестьянскихъ, жидовскихъ и другихъ спранныхъ одѣяніяхъ. Первый разъ въ жизни вижу печальный маскарадъ. Сосженные корчмы, опустошенные деревни и бродящіе около развалинъ своихъ съ *палашемъ* при боку Шляпичи, ограбленные великими своими избавителями — Французами: вотъ предметы, которые повсюду не слишкомъ пріятно! Около Борисова и въ самомъ городѣ любовался я трофеями Русскихъ. На поляхъ сихъ, въ сихъ оградахъ довершено сокрушеніе сильнѣйшей арміи (какой никогда не существовало), носившей ужасъ отъ дворца Эскуріальскаго до стѣнъ Кремлевскихъ. Предводившій

ее Геній, пріучившій самую смерть спрашивать его, дававшій законы Царямъ и признававшій власть Бога только на небесахъ, бѣжитъ теперь безъ души опъ горсти преслѣдующихъ его козаковъ. Можно сказать, что онъ такъ упомянулъ форпуну своими непрерывными успѣхами въ дедалъ кабинета и на чистомъ рапномъ полѣ, что она вдругъ отказалась служить ему. Справедливѣе прибавить должно, что онъ упомянулъ терпѣніе Небесъ до того, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ излили на него весь гнѣвъ свой. — Чѣмъ-то кончился его военное и политическое поприще? Будетъ ли онъ умѣть, воспользовавшись ужаснымъ урокомъ, загладить свои ошибки и преступленія? Познаетъ ли себя виновнымъ предъ судомъ людей и Неба, и замѣнитъ ли ненасытную спрасть честолюбія истинною любовію ко благу своего народа и спокойствію общему? Какого имени удостоится онъ опъ будущихъ поколѣній? — *Намъ*, до сего часа, предоспавлено дать ему только нѣ имена, на какія могутъ имѣть право дѣянія, противныя законамъ чести, справедливости и любви къ ближнему, — дѣянія, копорыя должны питать въ душѣ нашей одно чувство ненависти и попусить въ ней всякое доброе чувство, прежде возбужденное его полезными Франціи прудами и военными подвигами.

Хотѣлъ бы перомъ военнаго наблюдателя начертать планъ Борисовскаго дѣла; желалъ бы удержать въ моей записной книгѣ распоряженія полководцевъ, содѣйствовавшія наиболѣе къ успѣху побѣды или къ замедленію ея, уловить минушу, которой покорствуя Геній, рѣшаетъ судьбу битвы, — съ холоднымъ, терпѣливымъ безпристрастіемъ разобрать ошибки, которыя были вскорѣ исправлены, или сопровождались важнѣйшими послѣдствіями. Но возмозносіе слишкомъ часто не соглашается съ доброю волею. Кругъ обзрѣній частнаго Офицера тѣсно ограниченъ: онъ не простирается далѣе его дивизіи или, много, корпуса. Свѣденія почерпаетъ онъ: или на самомъ полѣ сраженія, гдѣ онъ дѣйствуетъ на чертѣ, ему назначенной, и не видитъ, что дѣлается на другихъ; или въ кругу товарищей, рассказывающихъ ему о томъ, что около нихъ происходило; или въ общемъ мнѣніи, которое иногда бываетъ худой судья и цѣнитель нашихъ дѣлъ. Соображаясь съ подобными свѣденіями, онъ дѣлаетъ по нимъ свои сужденія, и не рѣдко ошибается. Таково положеніе наше, когда, не имѣя вѣрныхъ источниковъ, хотимъ поцеголять замѣчаніями на счетъ стратегическихъ *линій* и *пунктовъ* какого нибудь сраженія. За грубыя ошибки достается намъ, какъ обыкновенно достается

въ подобныхъ случаяхъ мирнымъ героямъ кабинета опъ полевыхъ героев : награда извѣстная — смѣхъ сожалѣнія ! Воспользуясь собственнымъ моимъ замѣчаніемъ, упомяну только о томъ, что къ намъ ближе и извѣстнѣе. Скажу, что соображенія Главнокомандующаго, доставившія намъ безчисленные профен, не могли быть съ большею тонкостью и мудростью обдуманы; что Генераль Милорадовичъ, пріобыкшій первый встрѣчать и первый провожать непріятеля, всегда собиравъ вѣнки и щедро раздавалъ ихъ своимъ сотрудникамъ, Герой всегда отважный и счастливый, осприлъ на враговъ смертоносные шпыки своихъ гренадеръ; что готовился славно вспомоществовать ему дальновидный и храбрый Генераль Ермоловъ съ военными товарищами; но что Судьба не дозволила *вполнѣ* совершившися начертаніямъ вождя Русскихъ войскъ и рвенію сподвижниковъ его, уберегая конечно хищника престоловъ и нарушителя правъ народныхъ для жесточайшаго наказанія.

Г. Минскъ, 20 Ноября. Первый городъ опъ самой Калуги, въ копоромъ можно засыпать розами наслажденія пропеченный путь, утѣянный ужасами смерти и безпокойствами жизненными! Здѣсь имѣешь уже способы понѣ-

жить взоры и вкусъ; здѣсь наконецъ эпикурействуютъ наши сѣверные Герои послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ стоической школы.

Я вступилъ въ Польшу, и не вижу еще Польскаго города. Кто здѣшніе обитатели? — Жидаы. Къ кому прибѣгнута для покупки, или продажи? — къ Жидамъ. Гдѣ найдешь здѣсь художниковъ и масперовыхъ? — между Жидами. Они продадутъ, купятъ, сдѣлаютъ, сыщутъ и доставятъ все, что только продать, купить, сдѣлать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, все искусства и художества плаваютъ богатую дань оборотливому и проворному Евреямъ, — и золото Польши большею частію сыплется въ широкіе ихъ карманы. Въ удѣлъ природнымъ ея обитателямъ достались: воздѣлываніе земли и защищеніе ея. Они питаютъ и обороняютъ чуждый народъ, который, спокойно сидя въ своихъ конторахъ, лавкахъ, масперскихъ и корчмахъ, собираетъ съ нихъ же деньги и ихъ же обманываетъ.

Зеленая корчма подъ Вильною, 1 Декабря. Сладкія мечты воображенія! куда переносите вы меня изъ дремучихъ лѣсовъ Липвы, изъ

мрачной корчмы Польской?... Ахъ! вы переселяете меня на мѣста, сердцу драгоцѣнныя — на милую родину!

Сижу теперь въ семейномъ кругу почтеннаго Русскаго дворянина. Шумитъ буря; метель засыпаетъ окна мирной обители и возноситъ около нее снѣжные валы. Но завывающая буря и крупящійся въ снѣгахъ вихоръ насъ не ужасаютъ; мы сидимъ у разложеннаго въ каминѣ огня и любимъ розовымъ пламенемъ, порхающимъ по угольямъ. Дрожащій старецъ, глава семейства, рассказываетъ намъ, какъ Задунайскій унижилъ Чалму, какъ Испанскій сломилъ рога буйной Прагѣ и караль на горахъ Альпійскихъ учителей въ искусствѣ военномъ. Другой, ближайшій родственникъ дому, повѣствуетъ о мудрыхъ дѣяніяхъ Екатерины, о великихъ мужахъ Ея вѣка и золотомъ Ея царствованіи. Двѣ замужнія женщины, цвѣтущія душевною и тѣлесною красотою, и племянницы ихъ, числомъ и прелестями Граціи, слушаютъ со вниманіемъ рассказы почтенныхъ лѣтами и опытностію родственниковъ. Вся душа ихъ, кажется, во взорахъ и на устахъ краснорѣчивыхъ повѣствователей. Спарики вдругъ умолкаютъ. Розовое пламя умираетъ мало по малу; Ангелъ тишины и унынія пролетаетъ надъ нашимъ кругомъ. Долго царствуетъ глубокое спокойствіе;

наконецъ оно прерывается общими жалобами на разлуку. Тѣ сѣшуютъ о супругахъ, другія о любезныхъ братьяхъ, претѣи о сыновьяхъ, препорученныхъ битвамъ и славъ опечесивенной войны. Одна изъ прелестныхъ не смѣетъ и роптать вслухъ на горестную свою участь; тихій вздохъ вылепаетъ изъ груди ея, — и эптоъ вздохъ принадлежитъ милому ея жениху. » Гдѣ-то теперь любезные сердцу нашему? укрыты ли отъ бурь и непогоды? живы ли, здоровы ли они? думаютъ ли объ насъ въ спранахъ чуждыхъ, опдаленныхъ? « говорятъ онѣ — все снова умолкаетъ, снова та же мерпвая тишина царствуетъ. Вдругъ слышны слабые звуки колокольчика—слышны, и теряются въ опдаленіи. Но звуки ближе, ближе, уже на дворѣ, уже у крыльца.... Прелестныя летятъ изъ комнаты, и скоро возвращаются — съ военными вѣдомостями въ рукахъ. Всѣ садятся по мѣстамъ. Опець семейства претепущую рукою беретъ за газеты, надѣваетъ очки, возводитъ взоры къ Небесамъ и читаетъ: » Въ незабвенный день К.... битвы Роммиспиръ А... « Эпто внукъ мой! — говоритъ старецъ дрожащимъ голосомъ. — Эпто нашъ брапецъ! Ради Бога, продолжайте, дѣдушка! — восклицаютъ прѣкрасныя. — Эпто онъ, — съ сердечною боязнію шепчетъ милая невѣста. Спа-

рець, повинуюсь прелестнымъ родспвенницамъ, повинуется сердцу своему. » Ропмиспръ А. . . , видя, чпо Французская бапарея, наведенная на лѣвое наше крыло, вырывала сопни жерпвѣ изъ твердыхъ рядовъ и приводила въ опасность жизнь многихъ Генераловъ, вызвался лепѣшь со ввѣреннымъ ему эскадрономъ на бапарею сію, и поклялся честію своею уничтожитъ адское ея дѣйствіе. Честъ Русскаго Офицера священна—и предложеніе его принято съ удовольствіемъ. Громы бапареи ужасно грянули — еще разъ грянули. . . . и вдругъ умолкли! Ропмиспръ былъ уже на ней, привелъ въ замѣшапельспво ея защитниковъ, захватилъ большую часпъ ея орудій, и покрытый ранами и славою, возвратился къ своему мѣсту. Самъ Фельдмаршалъ встрѣпилъ его съ поздравленіемъ и собственною рукою надѣлъ на него Георгіевскій крестъ. « — — — —

— Эй! корчмарь! — Еврей! — водки! . . . — Я хопѣлъ было продолжитъ мое пребываніе въ кругу любезнаго семейспва, хопѣлъ предсавитъ радость дѣда и милыхъ внучекъ; думалъ описать черпу мужеспва и великодушія другихъ родспвенниковъ; но принужденъ теперь возвратиться скорѣе въ дремучіе лѣса Липвы, въ бѣдную Польскою корчму и сказать воображенію: остановись!

Сей часъ пришли сюда два Русскіе Офице-

ра, которые самымъ страннымъ голосомъ пре-
буютъ водки. Одинъ изъ нихъ бьетъ по спо-
лу грозно нагайкою; другой, называя себя ка-
кимъ-то Княземъ (конечно Тапарскимъ), пор-
мошитъ немилосердо корчмаря Жида и жену
его, попомъ дѣлаетъ съ нимъ мировую за
спаканомъ водки, ссорится за другимъ и
бьетъ его за прешымъ. Одинъ подходитъ
ко мнѣ съ вопросами: что я за человѣкъ? не
Французскій ли шпионъ? ... Я смотрю на него
съ удивленіемъ; попомъ съ сожалѣніемъ усмѣ-
хаюсь, пожимаю плечами и продолжаю пи-
сать.

Пускай въ семействѣ Русскаго дворянина
скажутъ, прочтя нѣкогда мои записки: »дай
Богъ, чтобъ ни одинъ изъ сихъ Офицеровъ не
былъ моимъ брапомъ и даже дальнимъ род-
ственникомъ!« Объ невѣстѣ и говоритъ не
нужно: какая дѣвушка, хопя бы она не имѣла
ничего, кромѣ своей души, хопя бы она была
дочь простаго ремесленника — какая дѣвушка
согласится дать руку подобному господи-
ну? ...

Воспитаніе есть лучшее украшеніе воина.
Званіе его, давая ему особенныя преимуще-
ства, не присвоиваетъ ему права быть гру-
бымъ, необходимельнымъ и жестокимъ; на-
противъ того добродушіе, любезность и чув-
ствительность должны быть вплеены въ

вѣнокъ его вмѣстѣ съ мужествомъ, твердостью духа и пренебреженіемъ всѣхъ опасностей. Грозный, какъ левъ, среди волненій шумящей битвы, кропкій, любезный и сострадательный въ мирной хижинѣ — вопль оплеченныя черпы истиннаго воина!

Г. Вильна, 12 Декабря. Исполнился обѣтъ Государя проливъ неожиданныхъ бурь судьбы ополчившагося твердостью духа и увѣренностью въ любви къ Нему сыновъ Его; услышаны Небесами молитвы вѣрнаго Ему народа, среди мірскихъ превратностей сохранившаго свои коренныя добродѣтели и нравы; увѣнчались успѣхами мужество и пируды войска Его, великаго на бранныхъ снѣгахъ и на пепелищахъ родныхъ хижинъ: — не осталось уже ни одного врага на лицѣ любезнаго Отечества! Красуйся, цвѣти, величайся снова, Россія! но въ красотѣ, богатствѣ и славѣ твоей не забудь начерпать на скрижаляхъ вѣчности Имя Монарха, Своею твердостью опсправившаго твое уничиженіе; не оставь врѣзавъ въ нихъ кляпву Его: не положить оружія, доколь ни единого непріятельскаго воина не останется въ твоихъ предѣлахъ. Пускай сыны наши, величаясь именемъ Русскаго, въ

благородной гордости повѣспвуютъ сынамъ и внукамъ своимъ о Томъ, Кому обязаны они благополучіемъ ходитъ по вселенной съ возвышенною головою и смѣлыми очами! Пускай дѣянiя Его будутъ первымъ лепепаніемъ младенца, начальными предметами воспитанiя юноши, любимымъ разговоромъ мужа и послѣднимъ у гроба воспоминаніемъ старца! Пусть память Александра I со слезами благодарности въ роды родовъ благословляется, и любовь къ Нему на сердцахъ народныхъ вознесется къ престолу Бога!

Бѣдные осипки непріятельской арміи бѣгутъ уже за Нѣменомъ. Мы начинаемъ дышать воздухомъ счастiя; опдыхая здѣсь, мы веселимся—веселимся тѣмъ болѣе, что опголоски нашихъ торжествъ и радостей опдадутся скоро въ сердце любезнаго Опечества. Къ дополненію счастiя сего, съ нами Князь Смоленскій, упомянутый побѣдами, опдыхающій здѣсь на лаврахъ, собранныхъ съ полумилліона враговъ. » Иди спасать Россію, « сказалъ ему Монархъ въ Пепровомъ градѣ, и повпорили по сердца народа. » Ты спаси-тель Россіи! « — говоритъ ему нынѣ Государь въ Вильнѣ, и благодарное Опечесство поздравляетъ его симъ именемъ, и вселенная имъ уже Кушужева привѣспивуетъ! Чпо долженъ ощущать Свѣплѣйшій, видя къ нему

явныя милости Небесъ, благоволеніе Государя и любовь ввѣренныхъ ему войскъ; внимая благодарности Россіи, привѣспвіамъ міра и тайному опзыву собственнаго сердца, говорящаго ему, что ни одинъ побѣдитель не всходилъ на подобную высоту славы? . . . Онъ восхищается въ душѣ своей, и восхищеніе дѣлитъ съ сотрудниками-героями. Къ довершенію нашего блаженства, Государь Императоръ извоилъ прибыть въ Вильну (вчерашняго числа). Минупныя бѣдспвіа Опечесства, труды и опасости военныя, собственные попері, болѣзни и несчастія — все забыто въ рядахъ храбрахъ, восхищенныхъ пріѣздомъ любимаго Монарха. Одинъ взоръ Его освѣпилъ мрачное прошедшее; одинъ мигъ покрылъ годы!

Вильна торжествуетъ прибытіе Государя. Душамъ обыкновеннымъ сродно мщеніе; но великодушный Александръ мспилъ Вильнѣ одною милостию и благодаритъ ее за радостныя привѣспвіа. Весь городъ блистаетъ разноцвѣтными огнями; вездѣ свѣтло снаружи — каково — то внутри? . . . На рапушѣ опличается опъ многихъ другихъ прозрачныхъ картинъ изображеніе Генія Россіи, карающаго толпу Галловъ, и надъ нимъ парящаго съ лавровымъ вѣнкомъ двуглаваго орла. Говорятъ, что подобное изображеніе, съ лес-

пными для Наполеона перемѣнами, укрывало по же зданіе, когда честолубецъ, приковавъ Поляковъ къ колесницѣ своей, огнемъ войны освѣщаль путь свой въ Россію. Послѣдую великому примѣру, мы не хопимъ сего слышать, забываемъ прошедшее и радуемся опъ души настоящему.

На дняхъ Государь Императоръ удостоилъ Своимъ присутствіемъ балъ, данный Свѣпльѣйшимъ для Русскихъ Офицеровъ и Польскаго дворянства. Вспрѣча доспюйна была Высокаго Госіа и хозяина-героя. Государь, входя въ залу, невольно наступилъ ногою на Французскія знамена, изъ которыхъ (такъ я слышалъ) одно держалъ самъ Фельдмаршалъ и при входѣ Великаго Посѣтителя невидимо преклонилъ изъ-за дверей *. Знамена сіи на дняхъ опбины у непріятеля. Говоряшъ, что Императоръ былъ восхищенъ сею встрѣчею и обнималъ Фельдмаршала, подарившаго Его такимъ неожиданнымъ торжествомъ. Польскія дамы рассказываютъ также съ воспоргомъ, что Князь въ сей вечеръ былъ съ ними любезенъ до безконечности. »Не однихъ лавровъ достоинъ Купузовъ,« говорили онѣ: »мы готовы поднести ему вѣн-

* Прекрасный предметъ для картины!

ки изъ лучшихъ розъ и миртъ, сорванныхъ въ цвѣтникахъ Польскихъ. «

Тамъ же, 14 Декабря. Вильна покоится въ долину, окруженной высопами и перестѣкаемой рѣками Вильею и впадающею въ нее Вилейкою. Городъ не обширенъ, но красивѣе, многолюднѣе и живѣе многихъ губернскихъ городовъ Россіи. Сообщеніемъ окружныхъ водъ съ Балтійскимъ моремъ торговля здѣшняя процвѣтаетъ. Улицы здѣсь не широки; дома порядочной высоты и почти всѣ каменные. Большая часть изъ нихъ, особенно на главныхъ улицахъ, построена подъ одну крышку. Зодчество церквей довольно величественно. Впрочемъ я не видалъ здѣсь зданій, передъ которыми можно бы остановиться съ чувствомъ удивленія.

Достоины здѣсь замѣчанія Университетъ и Домъ Милосердія: одинъ обязанъ существованіемъ своимъ монаху, другой—женщинамъ. Первый основанъ въ 1570 году Епископомъ Валеріаномъ Пропазевичемъ, утверждень Королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, обновленъ и возвеличенъ благодѣтельными щедротами Императора Александра. Второй, учрежденный шѣми, которыя вездѣ и всегда соспавляютъ лучшую опраду чловѣчества, процвѣтаетъ неусыпными ихъ попеченіями. Дѣ-

вѣтки извѣстнѣйшихъ фамилій здѣшнихъ не стыдятся, обходя весь городъ, просить милостыню для бѣдныхъ, ввѣренныхъ Богомъ добродѣтели ихъ сердцу и относить къ нимъ собранныя подаянія. Чего въ подобныя путешествія не переносятъ нѣжные члены ихъ отъ непогоды, отъ безпокойной мостовой, отъ обязанности сходить въ мрачные, сырые погреба и взлѣзать на чердаки, гдѣ обитаютъ несчастные, требующіе ихъ помощи? За то холодное, убійственное равнодушіе не смѣетъ встрѣтиться съ ихъ взоромъ, симъ краснорѣчивымъ ходащаемъ за челоуѣчество: — кто не опадаетъ послѣдняго за сей умоляющій взглядъ, за одно слово, обворожающее душу вашу?.. Путешественникъ, обозрѣвъ здѣшній Домъ Милосердія, не выдетъ изъ него, не заплапавъ сердечной дани симъ благопворнымъ сущесвамъ, посланнымъ на землю для утѣшенія и благополучія нашего.

За городомъ, на острой высотѣ, есть примѣчательный памятникъ древности. Нѣкогда въ развалинахъ замка горспъ Русскихъ, какъ сподвижники Леонида, защищалась противъ многочисленныхъ войскъ Казимира V, занявшаго уже Вильну Поляками — защищалась героически, и погреблась подъ бойницами!

16 Декабря. Здѣшняя площадь представля-
 етъ каждое утро видъ военной ярмарки. Пе-
 спропа и волненіе на ней необычайныя! Тутъ
 грубые жишели Азіатскихъ племенъ, Тапаринъ и
 Калмыкъ,носятъ на булапныхъ стрѣлахъ своихъ
 Брегетовы и Нордпоновы часы; тамъ провор-
 ный Козакъ ведетъ на грозномъ арканѣ своемъ
 нѣсколько Англійскихъ лошадей; здѣсь тяже-
 лый Кирассиръ предлагаетъ вамъ Брабантскія
 кружева и Кашемирскія шали; далѣе живой
 Егеръ мѣняетъ кучу наполеонсдорговъ на Рус-
 скія ассигнаціи, или усатый Гренадеръ про-
 даетъ вамъ богатую звѣзду Французскаго
 Маршала; вездѣ шныряютъ между ими обороп-
 ливые Жиды, получающіе всѣ сіи вещи за
 полцѣны и менѣе. Можно судить по этому
 торжищу, какъ богата была жатва добычей,
 мечами собранныхъ съ *непріятелей* на бран-
 ныхъ поляхъ.

Нынѣ Вильна окуривается: на всѣхъ ули-
 цахъ дымятся пучки соломы для очищенія
 воздуха и предохраненія города опъ заразы,
 могущей случиться опъ безсмѣтнаго числа ле-
 жащихъ въ округѣ и въ городѣ мершвыхъ
 пѣлъ. Всякій часъ умираетъ въ гошпиталяхъ
 и домахъ множество плѣнныхъ разныхъ наро-
 довъ: ихъ возятъ каждый день навьюченными
 санями за Вилью и Вилейку. Благодаря му-
 дрымъ попеченіямъ Правительсва, жишели и

войска снабжены всѣми средствами для защиты себя отъ прилипчивыхъ болѣзней.

Здѣсь снаряжаютъ нѣсколько сотъ Испанцевъ, одѣваяютъ ихъ чисто и тепло, и ведутъ въ Ригу для отправленія опшуда на мѣста ихъ родины. Наполеонъ, въ несправедливо начатой войнѣ, захвативъ ихъ близъ Пиренейскихъ горъ, одѣлъ въ свои легкіе мундиры во Франціи и послалъ на снѣга Сѣвера воевать противу Русскихъ. Александръ, во брани Богомъ оправданный, сдѣлавъ ихъ Своими плѣнными, снабдилъ всѣми жизненными выгодами, и возвращаетъ нынѣ родителямъ дѣтей, женамъ супруговъ, любви ея радость, дружбѣ ея утѣшеніе и сыновъ опечеспву.

Вильна, 18 Декабря. Опечеспвенная война кончилась; но слава ея должна во всемъ величїи оживиться для нашего попомспва. Не довольно, чптобы уста краснорѣчивыхъ спарцевъ передали ее дѣтямъ и внукамъ своимъ; мало еще того, чптобы рѣзецъ и кисть по частямъ перенесли ее будущимъ поколѣніямъ, и чптобы перо историка начерпало ее на листахъ безсмертія: — ей необходимъ памятникъ, копорый, смѣясь угрозамъ времени, переселялъ бы ее всю вдругъ во взоры и сердца попомковъ. Блистательный даръ краснорѣчія, неизъясни-

мыя прелести поэзіи, обворожительная власть живописи и ваянія, могутъ сильно дѣйствовать на чувства, науками упонченныя, на умы, просвѣщеніемъ образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могутъ ли онѣ имѣть такое вліяніе на умы и сердца простаго народа? Въ состояніи ли пронутъ ремесленника, работника и земледѣльца, вышедшихъ изъ рукъ Природы съ чувствами, хотя способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусомъ и науками? — Памятникъ опечесвленной войны долженъ бытъ краснорѣчивъ для всѣхъ состояній. Надобно, чпобы онъ въ одно время дѣйствовалъ на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина; чпобы всѣ они умѣли *понимать* его величіе и сближаться имъ со славою сей войны. Нужно, чпобы памятникъ сей соединялъ въ одно время мужеспвенныя дѣянія сыновъ Россіи, пвердоспъ духа ея Государя и милосердіе великаго Провидѣнія, въ 1812 году споль явно покрывшаго ее щипомъ своимъ. Войны-солдапы и войны-поселяне, защитники Опечесства, ожидающъ сего памятника, какъ свидѣтельствва ихъ храбрости, терпѣнія и любви къ родинѣ; Россія просипъ его для Монарха, хранипеля ея свободы, имени и величія; народъ, исполненный чистой вѣры, пребуешъ его для вѣчнаго воспоминанія милоспей Творца и изъявленія

Ему чувствъ благодарности. Какимъ же произведеніемъ искусства исполнятъ вдругъ надежду войска и гражданъ, мольбу Россіи и требованіе народа? — Сооруженіемъ величественнаго храма, посвященнаго имени *Спасителя*, украшеннаго изображеніемъ Государя въ минуру рѣшипельнаго Его объѣма; окруженнаго профессіями нынѣшней войны и статуями умершихъ на поляхъ славы Русскихъ героев! Москва, какъ славная жертва нынѣшней войны, должна обладать и гордиться симъ богатымъ памятникомъ.

Мысль храма сего принадлежитъ Генералу Кикину. Относя столь справедливо Богу успѣхи и славу опечесненной войны сей (не опнимая славы дѣяній опъ войска и Вождя его), со всею основательностію и краснорѣчіемъ описываетъ онъ явныя благодѣянія Небесъ и доказываетъ, что никакой памятникъ не можетъ быть приличіе храма во имя Спасителя. Мысль счастливая, исполняющая общія желанія, и достойная быть приведена въ дѣйствіе! Говорятъ, что начертаніе сего храма представлено взорамъ Государя Императора; уже ласкаютъ насъ пріятнымъ для каждаго Русскаго слухомъ, что оно Имъ благосклонно принято и будетъ вскорѣ утверждено *.

* Авторъ имѣлъ счастье видѣть заложеніе сего храма въ Москвѣ 12 Октября 1817 года.

— 19 Декабря. Неразлучный соругникъ Суворова по пуги его побѣдъ и краснорѣчивый ихъ повѣспивователъ, почпеннѣйшій Е. Б. Фуксъ (находящійся нынѣ при Свѣплѣйшемъ), чипалъ намъ на дняхъ опрывокъ, написанный имъ по случаю подаренной Графинею Анной Алексѣевной Орловой Генералу Милорадовичу сабли, по многимъ опношеніямъ драгоцѣнной. Она пожалована была Великою Екатериною покойному Графу Алексѣю Григорьевичу за побѣду подъ Чесмою и нынѣ дочерью его прислана Герою, какъ дань благодарности за огражденіе имъ опъ враговъ праха родителя ея. Въ семъ дарѣ чувспво дѣпской привязанности соединилось съ любовью къ Опечеспву— любовью, бывшею всегда наслѣдспвенною въ родѣ Орловыхъ и особенно ими доказанною въ нынѣшнюю войну безчисленными пожерп-вованіями всякаго рода. — Здѣсь нѣжная дочь явила себя испинною гражданкою. Оправданъ выборъ безсмертной Государыни, и духъ Ея утѣшенъ!

Мысленно представляю себѣ поплъ мигъ, въ копорый нашъ Баярдъ даетъ обѣплъ передъ лицомъ Неба и войска освятиплъ полученный имъ даръ новыми славными подвигами. Одушевленные его чувспвами войны клянупся водрузиплъ Русское знамя на землѣ непріятель-

ской; всѣ взоры обращены къ драгоцѣнному мечу; всѣ уста, кажется, говорятъ:

Веди насъ симъ мечемъ на новый подвигъ бранный!
Въ борьбѣ кровавыхъ битвъ ему пойдемъ во слѣдъ: —
Залогъ, величіемъ и красою данный,
Вѣрный естъ залогъ побѣдъ!

— 20. — Часто въ обществѣ военномъ читаемъ и разбираемъ *Пѣвца въ станѣ Русскихъ*, новѣйшее произведеніе Г. Жуковскаго. Почти всѣ наши выучили уже сію піесу наизусть. Вѣрю и чувствую теперь, какимъ образомъ Тирпей водилъ къ побѣдѣ спрои Грековъ. Какая Поэзія! какой неизъяснимый даръ увлекаетъ за собою душу воиновъ! Желалъ бы даже спросить Пѣвца, въ какой магіи почерпнулъ онъ власъ переносить душу сію, куда онъ хочетъ, и велѣть ей чувствовать по волѣ непостоянныхъ прихотей его?... Захочетъ — и я въ станѣ военномъ, подъ покровомъ яснаго вечера, среди огней бивуака, бесѣдую съ друзьями за круговою чашею о славѣ нашихъ предковъ. Пѣвецъ, наспроивъ душу мою къ какому-то унылому о нихъ воспоминанію, вскорѣ ободряетъ ее, говоря, что памятъ великихъ не слезъ, но подражанія достойна. — Великъ — и я переношу сердце на милую родину,

Спрану, гдѣ мы впервые
 Вкусили сладость бытія.
 Поля, холмы родные,
 Роднаго неба милый свѣтъ,
 Знакомые попоки,
 Златыя игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки:
 Что вашу прелесть замѣнишь? —
 О родина святая!
 Какое сердце не дрожитъ,
 Тебя благословляя?

* *
 *

Тамъ все, и проч.

Трогательное, сладчайшее воспоминаніе объ
 Опечесствѣ! Какое сердце, въ самомъ дѣлѣ, не
 дрожитъ, чипая сіи стихи? Надобно почто
 быть въ удаленіи отъ милой родины, подъ
 непостояннымъ небомъ чуждыхъ земель, среди
 ужасовъ войны и подъ всегдашнимъ надзоромъ
 смерти, чпобы живо чувствоватъ всю пре-
 лестъ этихъ стиховъ. Кто лучше насъ, без-
 домныхъ спранниковъ, ощущаетъ всю красо-
 ту и силу ихъ? Они невольно извлекаютъ
 слезы и велятъ сердцу вырываться на крова-
 вый пиръ пропивъ враговъ Опечества и дру-
 зей незабвенныхъ!

Всѣ добродѣтели военныя прелестно изо-
 бражены Поэтомъ: какою неизъяснимою силою
 влечетъ онъ подражатъ имъ! какимъ клеймомъ
 уничиженія означенъ у него малодушный! —

Онъ не принадлежишь къ сообществу храбрыхъ; онъ чуждый всякому Русскому. Хотимъ ли видѣть изображеніе истиннаго Героя? — Вотъ оно:

Тотъ нашъ, кто первый въ бой лепится

На гибель сопосапа;

Кто слабость падшаго щадитъ

И грозно мститъ за брата!

Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;

Онъ махомъ мощной длани

Ихъ мчитъ во сраженіе врагамъ,

Въ среду шумящей брани!

Ему веселье — битвы гласъ!

Спокоенъ подъ громами;

Онъ свой послѣдній видитъ часъ

Беспрашными очами!

Читая изображеніе лучшихъ полководцевъ нынѣшней войны, думаешь, что Певецъ въ самомъ дѣлѣ родился въ шумномъ станѣ военномъ, возросъ и воспитывался среди копій и мечей, сопровождалъ храбрыхъ въ грозныя, кипущія битвы, замѣчалъ опличительныя черты ихъ мужества, и нынѣ ихъ воспѣваетъ. — Какой воинъ, особенно родившійся подъ стѣною Кремлевскихъ стѣнъ, какой воинъ не воспламенитъ огнемъ мужества, внимая воспорженному симъ чувствомъ Певцу? — Неувядаемы цвѣты, копорые бросаетъ онъ на славныя могилы Кульнева, Кутайцева и Баграмяна, и спонущіе надъ ними звуки его лиры сполько

же безсмертны, какъ и дѣла ихъ. — Поэпу знакомы, конечно, всѣ прелести дружбы: для того-то онъ такъ хорошо описываетъ ее.

— Многие говорятъ, что чувство сіе болѣе не существуетъ на свѣтѣ: — сдѣлаю въ его пользу небольшое отступленіе отъ предмета моего. — Совѣтую имъ заглянуть въ спанъ военный: тамъ вѣрно увидятъ они дружбу, покоющуюся подъ щитомъ прямодушія и чести. Военнымъ не знакома двуличная учтивость; свѣтское притворство чуждо открытой душѣ ихъ; низкое корыстолюбіе было всегда ихъ первымъ врагомъ. Когда храбрый воинъ подаетъ вамъ свою руку, вѣрьте, что онъ подаетъ вамъ тогда сердце свое. Когда онъ говоритъ вамъ: будь мнѣ другомъ! тогда знайте, что онъ, для вашихъ нуждъ готовъ вынуть послѣдній рубль на днѣ своего кошелька; что онъ въ пылу битвы, не разсуждая объ опасностяхъ, не дѣлая разчисленій, спанетъ за васъ грудью, и для сохраненія вашего имени, потопитъ жизнь свою должною жертвою. Оресты и Пилалы не чрезвычайныя явленія между военными. Если бы господа новѣйшіе философы поспурили перешагнуть за порогъ мирнаго ихъ кабинета и заглянуть въ дымные бивуаки, гдѣ послѣдній сухарь дѣлился по-поламъ для брата, гдѣ нѣсколько воиновъ защищаю-

пся однимъ соломеннымъ щипомъ опъ бурь и
ненаспья, и часпо однимъ плащемъ согрѣ-
ваюпся; если бы мудрецы сіи послѣдовали
за храбрыми въ борьбу грозныхъ бипвъ, гдѣ
другъ выручаепъ друга изъ объятій смерти:
по невольно признались бы они, что священ-
ное, великое чувство дружбы еще въ свѣтѣ
обипаепъ.

Но любовь — краса, богатство и награ-
да воина — еще прелестнѣе въ устахъ По-
эпа.

Любовь одно со славой!

Пускай судьба сблизипъ два существа не-
поспижимою тайною взаимности; пускай свя-
жепъ сердце ихъ узломъ чистыхъ, вѣчныхъ
наслажденій, познакомипъ ихъ съ блажен-
ствомъ земнаго и небеснаго рая — и тогда
пусть опдѣлипъ одно существо опъ друга-
го, чптобы препоручипъ его опасностямъ бра-
ни, на зашипу милой!

Онъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое лепипъ!
Нѣпъ страха, нѣпъ преграды!
Чего, чего не совершипъ
Для сладостной награды? ...

★
★ ★

Опвѣдай врагъ испоргнупъ щипъ,
Рукою данный милой! ...
Свяпый обѣпъ на немъ горипъ:
Твоя и за могилой!

И умереть пріятно за ту, съ копорою
намъ такъ сладоспна была жизнь!

Когда жъ предѣлъ нашъ въ бипвѣ паспѣ,
Погибнемъ съ наслажденьемъ!

Изъ спрoфы: *Довѣренность къ Творцу*, и
слѣдующей за нею, можно составить прекрас-
ный военный капихизисъ. Спрoфа: *Но свѣтъ-*
лыхъ облаковъ гряда, самая карпинная! Не
льзя изобразить живѣе восходъ зари, часъ
передъ бипвою, звукъ вѣсповаго перуна, пре-
вогу въ станѣ; не возможно лучше пригото-
вить сердце къ помной безвѣспности бу-
дущаго жребія нашего — жребія, который раз-
вяжешъ на кровавомъ полѣ узелъ нашей жиз-
ни и счастливейшихъ ея мечпаній.

Время и мѣсто не позволяють мнѣ разо-
братъ всѣ красоты *Пъвца*; онѣ безчислен-
ны! Трудъ сей принадлежишь поспояинному
обитателю мирнаго кабинета. Довольно ска-
зать, что *Пъвецъ во станѣ Русскихъ* сдѣлалъ
эпоху въ Русской словесности и — въ серд-
цахъ воиновъ!

В. А. Жуковскій прибылъ теперъ въ Виль-
ну съ главною кварпирою; дѣливъ съ защит-
никами Опечества всѣ трудности нынѣшней
войны, онъ дѣлитъ съ ними здѣсь и славу.
Мнѣ сказывали, что онъ былъ опасно боленъ,

но что, молитвами Музъ и попеченіями ихъ, лучший цвѣпокъ Парнасса оживаетъ. — Чего не дѣлаетъ слава? Цѣлая страна, цѣлый народъ плачутъ у болѣзненнаго одра великаго человека, между тѣмъ какъ холодный долгъ роетъ каждый день могилы людей безвѣстныхъ, и пупникъ съ равнодушіемъ мимо ихъ проходитъ!

Вильна, 22 Декабря. Какъ прелестна Польша! — Покоится ли на роскошномъ диванѣ: это Венера, ласкающая дитя любви на колыбеляхъ своихъ, окруженная Играми, Смѣхами и Нѣгою, въ часъ, когда ожидаетъ къ себѣ величественнаго Марса, или нѣжнаго Адониса! Кружится ли въ мазуркѣ: это милая Флора, играющая съ Зефиромъ! Собираетъ ли милоспыню для бѣдныхъ, скрывая родъ и прелести свои подъ флеромъ скромности: это существо, копорому въ древнія времена вознесли бы алтари! — Польша одѣвается прелестно. Спанъ ея — спанъ Нимфы: Купидонъ, во младенчествѣ своемъ, могъ бы окружить его ручонками своими. Посмотрите на ножку ея: она вылипа по формѣ ноги Медицейской Венеры; она обута Граціями! Каждое движеніе Польки есть жизнь; каждое изъясненіе ея — душа! Никто скорѣе ея не оживитъ скучнаго общества; никто конеч-

но скорѣе не воскреситъ мертвыхъ чувствованій нелюдима и не образуетъ по своему сердца cadaго мужчины. Пустите въ кругъ живыхъ Полекъ молодаго человека, вышедшаго изъ рукъ Природы неловкимъ, необразованнымъ, холоднымъ къ изящному — и вы увидите, какъ онъ перемѣнится въ школѣ сей; вы увидите, какъ развернется въ немъ умъ, дарованія и чувства! Не рѣдко случалось, что ненавидимикъ мрачныхъ лѣсовъ Польши оспавался умирать подъ тѣнью липы, осѣняющей домъ какой нибудь милой Сармапки....

Вопъ порпиретъ Польки, на-скоро снятый съ природы! Жалѣю, что долженъ его испорчить, сказавъ то, что я слышалъ о нравственности ихъ. Я повторю здѣсь чужія слова; собственныхъ моихъ замѣчаній на сей предметъ не успѣлъ я еще сдѣлать.

Польки воспитываются для общества, а не для домашней жизни, не для супруга. Кажется, ихъ образуютъ для того только, чтобы блистать въ большомъ кругу, водить за собою толпу поклонниковъ и гремѣть наружными достоинствами. Дѣлать счастье одного, есть удѣлъ немногихъ изъ нихъ. Выпренность, непостоянство суть опличительный ихъ характеръ. Нигдѣ нѣтъ столько разводовъ, какъ въ Польшѣ. Сколько здѣсь женщинъ,

которыя, разведясь съ двумя мужьями, выходили за претпьяго; сколько такихъ, которыя новыми супругами куплены у старыхъ за высокую цѣну!...

Сказалъ бы болѣе; но всѣхъ злорѣчивыхъ полковъ не перескажешь!... Довольно и сихъ черныхъ оппѣнковъ, чтобы испорчить мою картину.— — — О истина! за чѣмъ пришла ты своею мрачною кистью замарать блестящія краски, наложенныя мною въ воспоргѣ чувствъ моихъ?..

— 24 Декабря. Я долженъ, конечно, благодарить судьбу, указавшую мнѣ нынѣ бросить якорь мой въ Московскомъ Гренадерскомъ полку. Въ Молдавіи его иначе не называли, какъ храбрый Московскій полкъ. Офицеры и солдаты его дерутся, какъ львы. Безсмертный Суворовъ любилъ его: на берегахъ Требіо и подъ спѣнами Нови подарилъ онъ сему Герою и Опечеству Французскія знамена. Базардчикъ еще съ трепетомъ говоритъ о немъ. Бородино видѣло его ужасныя потери и славные подвиги.

По случаю перевода моего, я долженъ былъ прибѣгнуть къ Начальнику Главнаго Штаба Генералу Коновницину. Въ шесть часовъ утра былъ я у него съ бумагами. Дверь кабинета храбраго Генерала не есть дверь пріемной

празднаго вельможи: она опворяется поспѣшъ по слову *нужда*. Адьюпандъ его, Г. Павленко (доспойный находишься при такомъ Начальникѣ) ввелъ меня къ нему немедленно. Если бы я не приготавлился идти къ извѣстному воину, то подумалъ бы, что пришелъ къ мудрецу: такъ поразило меня умное, тонкое его лице! Нѣтъ, Лафатеръ основалъ науку свою не на однихъ мечтательныхъ догадкахъ! Когда вы сокрыли бы для физиономика дѣянія Ковницына во мракъ неизвѣстности, тогда одна наружность сего Генерала возбудила бы въ душѣ наблюдателя то уваженіе, которымъ Россія уже давно приноситъ дань военнымъ и кабинетнымъ дарованіямъ храбраго искуснаго Полководца и неупомимаго Начальника Главнаго Штаба.

1813.

М. Меречъ, 1 Января. Наспупилъ новый годъ. Сколько слезъ, сколько благословеній сопровождали старый въ бурномъ его печеніи! Какою же данью почипяпъ славный его конецъ? — Приношеніемъ сердечной благодарности къ престолу Вѣчнаго, испытывающаго умы и душу Россіи въ горниль несчастія и поспавившаго ее попомъ, во всемъ блескъ, на неколебимую высоту: да пройдутъ мимо вѣки, и часъ разрушенія міровъ заспанетъ ее не измѣнившееся въ величіи своемъ. Монархъ Россіи первый показалъ примѣръ сей благодарности. Въ маленькомъ мѣстечкѣ Меречъ, на берегу Нѣмена, Повелитель народовъ и вождь побѣдоносныхъ Его войскъ, въ сердечномъ умиленіи, слагали земное величіе у подножія Царя Царей, и славу пропекшаго года приносили Ему въ дань: Богомъ дерованное Богу возвращали!

Всевышнему угодно было неизвѣстное мѣстечко, бѣдный, смиренный храмъ избрать мѣстомъ торжества Своего Могущества и Благости для того, чтобы яснѣе показать всю щепу человѣческаго величія. Началось моленіе, исчезли тѣлы, земныя опличія забвенны, и человѣкъ предсталъ предъ Лице Творца своего въ ничтожествѣ смертнаго. Мрачная картина прошедшаго представилась его взорамъ; пожары, плѣнъ, болѣзни, самая смерть въ безчисленныхъ видахъ явились предъ него со всѣми ужасами прошедшей войны; онъ увидѣлъ себя въ браняхъ своихъ, изнемогшихъ подъ бременемъ нужды и спрдацій; онъ узрѣлъ себя въ тысячахъ оспововъ, по снѣгамъ разбросанныхъ, и съ чувствомъ униженія, со слезами благодарности обратился ко Всеблагому, вынесшему его изъ среды сихъ бѣдствій. — Молитва нынѣшняго дня есть прогашельное раскаяніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ своей не поспигали Руки Промысла, и чистая, сердечная дань сыновъ, вѣрныхъ Ея опредѣленіямъ.

— Я встрѣтилъ новый годъ въ глухую полночь, на жесточайшемъ морозѣ, среди улицъ бѣднаго Мереча. Главная квартира на силу въ немъ умѣщалась. Ни одного уголка, гдѣ преклонить и согрѣть бы замерзшіе члены мои! Я точно походилъ на спранспвующаго рыца-

ря печальнаго образа. Санхо-Панса мой считалъ на небѣ ясныя звѣзды, а мои Россинанты уныло смотрѣли на голую, снѣжную равнину. Не знаю, что было бы со мною, если бы конно-гвардейскій вахмистръ, при Свѣплѣйшемъ находящійся, не отворилъ мнѣ двери своего сердца и бѣдной своей хижины. Входя въ нее, я думалъ, что вступаю въ храмъ, гостепріимству посвященный. Русскій солдатъ угощалъ опѣ души Русскаго Офицера. Чайникъ закипѣлъ, и я, казалось, принялъ новую жизнь. Мой Санхо-Панса и лошади мои не были забыты. Теплый уголь для меня разчищенъ, послана свѣжая солома и положена подушка, взятая хозяиномъ опѣ собспвеннаго изголовья. Я бросился на роскошную сію постелю и, слушая солдатъ, рассказывающихъ о добротѣ души Свѣплѣйшаго и о любви ихъ къ нему, заснулъ слаще всякаго Лукулла. По утру хотѣлъ было я, въ знакъ благодарности, сунуть бездѣлицу въ руку добраго вахмистра; но онъ ничего не принялъ, считая обидою плашежъ за гостепріимство.

М. Ликъ, 9 Января. Царства, какъ бы опѣ сна, пробуждаются. Сѣверная владычица указываетъ имъ на свое величіе, — и Пруссія, одушевленная славнымъ ея примѣромъ, первая дружелюбно протягиваетъ руку Россіи и мо-

лишь ее: да соединясь твердымъ единодушіемъ, сокрушатъ онъ колоссъ честолюбія, обогранный кровію милліоновъ людей, и на развалинахъ его да воздвигнутъ мирнымъ добродѣтелямъ храмъ, который Небесами сохранится для будущихъ вѣковъ. — Какой народъ не любитъ возстановленія своего имени? какой плѣнникъ, оковами опягченный, не восхищается надеждою свободы? — Великъ народъ, въ трудной борьбѣ съ неровными силами сохранившій всю славу своего имени; почтенъ и шопъ, который, поперявъ сіе имя въ бурю политическихъ обстоятельствъ, при первой благопріятной возможности, спѣшилъ ополчиться всѣми силами и средствами своими для возстановленія его. Справедливый историкъ нынѣшнихъ временъ возвѣститъ потомству, что Россія первая указала Царямъ и Царствамъ путь къ свободѣ и славѣ; — что Пруссія первая смѣло шагнула на пути семъ и посмѣялась игу, которымъ опягчена была вмѣстѣ съ половиною Европы. Уже граждане и воины Пруссіе единогласно кричатъ: миръ съ Русскими; война Французамъ! Уже Король желаніемъ своимъ спѣшилъ, кажется, на встрѣчу требованіямъ войска и народа.

Мы идемъ теперь по Польшею, по Пруссіею. Жители послѣдней принимаютъ насъ, какъ давно жданныхъ друзей. Государь не

успѣлъ спустить на границу Пруссіи, и пріобрѣлъ уже искреннюю любовь здѣшнихъ жителей. Въ городахъ почтенные инвалиды привѣтствуютъ Его опъ души громкимъ: ура! граждане называютъ Его своимъ избавителемъ, а прекрасныя женщины усыпаютъ цвѣтами путь скромнаго Побѣдителя. Въ деревняхъ безъ боязни толпятся около Него добродушные поселяне и сопровождаютъ Его своими благословеніями. Въ проѣздѣ Императора черезъ Прусскую деревню, одинъ девяностолѣтній старикъ, смотря на Него, залился слезами. О чемъ плачешь ты? — спросили его Русскіе Офицеры. » Плачу опъ радости! « — отвѣчалъ онъ: » Кто видѣлъ Великаго Фридерика подъ Цорндорфомъ, когда онъ велъ нашъ Лихновскій полкъ къ побѣдѣ, и кто видѣлъ Великаго Александра, напоминающаго намъ, что мы Прусаки, тотъ можетъ умереть съ удовольствіемъ. « — Черезъ день старикъ слегъ, въ самомъ дѣлѣ, въ постелю и (такъ рассказывали идущіе за нами) умеръ вскорѣ, какъ померкаетъ пихая заря вечера, сопровождая солнце въ величественномъ его теченіи.

Перейдите рубежъ, раздѣляющій Польшу съ Пруссіею, и новая, пріятная картина представится вашимъ глазамъ. Тамъ много даетъ Природа; здѣсь Природа не скупѣе, но трудо-

любіе умѣетъ къ щедротамъ ея примѣшивать свои награды. Мы проѣпились уже, кажется, съ ужасными лѣсами, въ таинственномъ мракѣ копорыхъ терялись подобно древнимъ Друидамъ; проѣпились и со степями, на копорыхъ упомянутый взоръ насилу находилъ бѣдную деревеньку. Здѣсь напротивъ мало лѣсовъ, и тѣ, копорые распути, можно назвать не иначе, какъ только рошицами. Поля же такъ населены, что на каждаго двухъ версхахъ встрѣчаешь прекрасныя деревни. Почти въ каждой изъ нихъ найдете пракпиръ, хотя не богатый, но въ копоромъ можно имѣть кофе, хорошее масло съ бѣлымъ хлѣбомъ и порядочные bratwurst, сосиски. Каждый пракпиръ имѣетъ свою вывѣску, украшенную разнаго рода живописными и знаками, копорыми небеса, земля и воды изобилуютъ. Очень часто оселъ на вывѣскѣ заманиваетъ васъ къ своему обладателю парой стиховъ съ богатыми рифмами, копорыя могли бы украсить поэмы новыхъ Третьяковскихъ. Вы видите, что и здѣсь есть ученые между четвероногими. — Деревенскіе дома окружены садами, и выглядываютъ изъ нихъ только бѣлыми трубами своими. Внутренность ихъ совсѣмъ не похожа на внутренность Польскихъ *хатъ*. Какая въ нихъ чистота, какой порядокъ! Изба просторная, очагъ въ ней выбѣленный, посуда

поспавлена въ большомъ порядкѣ, въ нѣсколь-
кихъ рядахъ за прибитыми къ стѣнѣ дощеч-
ками, составляющими родъ опкрытаго шкапа;
вся кухня въ особенномъ сбереженіи. — Я не
нахожу ничего лучше (разумѣется для ѣзды
солдатской, а не пупешесвенника) здѣшней
ѣзды на крестьянскихъ высокихъ и огромныхъ
телегахъ, на которыхъ спелется военная
поспелъ — солома. Ихъ везетъ доброю ры-
сью большая, могучая пара лошадей, замѣняю-
щая вамъ шесть или болѣе клячъ Польскихъ.

Югансбургъ, Января. Небольшое мѣстечко!
Сей часъ угадаешь по чистотѣ, по выбѣлен-
нымъ домамъ съ крышками изъ черепицы, что
мѣстечко это принадлежитъ Прусакамъ. Но-
вые нравы, новые обычаи, и признаюсь, въ
пользу Нѣмцевъ! Я спою теперь у ремеслен-
ника. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ
одной мастерская и кухня, въ другой гости-
ная и спальня нѣжныхъ супруговъ. Внуpren-
ность послѣднихъ убрана хорошою мебелью.
Ничто не блеспитъ въ нихъ, но всякая вещь
нравится глазамъ, потому что всякая вещь
на своемъ мѣстѣ, каждая бездѣлица показы-
ваетъ искусство, трудолюбіе и порядокъ. На
стѣнѣ висятъ часы, напоминающіе обитате-
лямъ дома о времени работы и отдохновенія.

У дверей стоить скромный клавесинъ и ожидаетъ, чтобы прелестные пальчики хозяйки дали ему жизнь и душу. На окошкахъ въ глиняныхъ вазахъ цвѣтутъ резеда и гвоздика; въ уединенномъ углу комнаты опдѣргиваю маленькую зеленую занавѣсь, и нахожу Библию, Молишвенникъ, Геснера и Гёте. На стѣнахъ висятъ картины, представляющія разные черты изъ жизни любимаго Короля Прусскаго. Тамъ Великій Фридерикъ съ проницательными взорами, съ длинною косою за плечами, на бѣшенномъ конѣ разѣзжаетъ по полямъ Росбаха и даритъ заранѣе полки свои побѣдою. Здѣсь видите, какъ непріятельскій Пандуръ прицѣлился въ него; но примѣтивъ, что Король хладнокровно грозитъ на него своею проспью, онъ опускаетъ ружье и спавовицся неподвижнымъ отъ страха. Вотъ и прелестная Королева Луиза: она улыбается вамъ улыбкою Ангела. Тутъ не забыть и Суворовъ нашъ, переходящій Черповъ мостъ. Не удивляюсь, находя образъ его въ почтеніи у чужеземцевъ. — Великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ!

Не пребудьте къ себѣ хозяина дома. Онъ сидитъ въ своей мастерской и не беспокоится ни о чемъ, какъ о работѣ своей. Нахлобучивъ колпакъ на голову, въ кожаномъ своемъ фаршукѣ, не выпуская шпурки изъ

рша, пропягивая иногда руку къ огромному спакану пива, передъ нимъ неизмѣнно стоящему, флегматически разпѣвая любимую пѣсенку, онъ въ опредѣленные часы трудовъ глухъ, слѣпъ и нѣмъ для всего посторонняго. Поработаю нѣсколько времени больше обыкновеннаго — думаешь Русской — и заготовлю хлѣбосолецамъ моимъ болѣе мяса, меду и браги! Лишній часъ труда — говоритъ Нѣмецъ — и лишнее украшеніе въ моей комнаѣ! Но вотъ дочь хозяина, миловидная Нѣмочка, въ бѣломъ плащецѣ, завѣшенномъ чернымъ тафтянымъ передникомъ. Нуженъ ли вамъ кофе? — и прелестная подаетъ вамъ его съ бѣлымъ прекраснымъ хлѣбомъ. Наспаетъ ли часъ обѣда? — и та же красавица поспѣваетъ на кухню, помогаетъ матери въ спряпаньи, накрываетъ на столъ, снова сбѣгаетъ на кухню, въ погребъ, и потомъ безъ суевы, безъ разсѣянности, угоститъ васъ, какъ не лѣзя лучше. Она же послѣ обѣда сыграетъ вамъ на клавесинѣ опзывную Тирольскою пѣсню, или какой нибудь пріятный вальсъ; потомъ сядетъ за рукодѣлье, или побесѣдуетъ съ героями любимыхъ ея романистовъ, Коцебу и Лафонпена; а вечеромъ — готова на балъ!

Вотъ каковы дочери Нѣмецкихъ ремесленниковъ! Вы удивляетесь? Но послѣдуйте за мною на балъ, который даетъ Принцъ Ме-

кленбургскій Карлъ прекрасному полу Іогансбурга, и вы принесете новую дань удивленія къ ногамъ милыхъ Нѣмочекъ. Здѣсь не разсылаютъ просительныхъ билетовъ, не нужно мучить толпу слугъ для раздачи ихъ по домамъ; но довольно двухъ, прехъ увѣдомительныхъ словъ Бургомистру, довольно сказать: Русскіе Офицеры просятъ городъ на балъ — и неприхотливое общество города у васъ на вечеринкѣ въ назначенный вами часъ. Почетныя семейства Ландрапа и Бургомистра, Паспорскія дочери, дочери здѣшнихъ купцовъ и ремесленниковъ, двѣ, при дѣвушки изъ уѣзда съ маперями своими или родственницами, составляютъ не блестящее, но пріятное общество сіе. Всѣ такъ приспойно, съ такимъ вкусомъ одѣшы, такъ ловко танцуютъ, такъ умно васъ занимаютъ, что вы забудетесь и станете мечтать, что находитесь въ порядочномъ кругѣ Московскомъ. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, принадлежащія къ семействамъ начальниковъ уѣзда и города, говорятъ очень хорошо по Французски *. Но что вообразите вы о дочери какогонибудь съдельника, или поршпаго, когда Русскій Генералъ въ нѣсколькихъ звѣздахъ подниметъ

* Упоминаю о Французскомъ языкѣ для тѣхъ, которые считаютъ его за главное достоинство образованнаго человека.

ее на панецъ? Вы думаете, что она опоро-
пѣла, смѣшалась опѣ заспѣнчивости, не зна-
етъ, что дѣлать, что сказать ему? Напро-
тивъ, она сама заводитъ съ нимъ разговоръ,
находитъ случай изъяснить ему свою благодар-
ность, вплетаетъ шуда же какую нибудь ми-
лую похвалу Героямъ Сѣвера, умѣющимъ по-
бѣждать и веселиться, и очаровательною
силою переноситъ его въ царство любезно-
сти. Еще повторяю: вотъ каковы Нѣмки! Мы
только что успѣли ихъ узнать, и уже въ
восхищеніи опѣ нихъ!

Цѣхановъ, Января. Опять въ Польшѣ! Гдѣ
скрыпѣлся опѣ роя Жидовъ, скучающихъ вамъ
предложеніемъ пятгоспныхъ услугъ? Скоро ли
переспанетъ возмущаетъ душу видъ Польскихъ
кресстьянъ, падающихъ къ ногамъ вашимъ и
безпрестанно обнимающихъ ваши колѣна? Мнѣ
кажется, что я съ цвѣтущихъ луговъ, гдѣ
веселіе и свобода кружатся въ хороводахъ,
перенесенъ въ болоты непроходимыя, въ ко-
торыхъ помятся несчастные пупники жизни,
шуда сердитой рукою Судьбы заброшенные. —
Проходя здѣшнія мѣста, пробѣгаешь будто
бы мрачныя страницы изъ исторіи феодалъ-
наго правленія среднихъ вѣковъ, картина ко-
торого и въ описаніи возмущаетъ душу. Хо-

пія просвѣщеніе вводять сюда по немногу
 любовь къ чловѣчеству; хотя оно говоритъ
 сильнымъ и знающимъ въ пользу правъ его:
 но встрѣчаемо на пути своемъ корыстполю-
 біемъ и слѣпою любовью къ частной выгодѣ,
 оно не можетъ дѣлать большихъ успѣховъ.
 И до нынѣ чловѣкъ не смѣдился считатьъ
 подобнаго ему вещью, не краснѣетъ, видя его
 ползущимъ у ногъ своихъ, какъ пресмыкаю-
 щееся животное! Не спрашивайте о нрав-
 ственности здѣшняго народа: — существуетъ
 ли она тамъ, гдѣ ея торгуютъ? — Здѣсь
 нѣтъ ни одного селенія безъ корчмы, или,
 просто, всѣ здѣшнія селенія можно назвать
 корчмами. Большая часть помѣщиковъ, въ де-
 ревняхъ своихъ, занимаются торговлею хлѣб-
 нымъ виномъ, опдають крестьянъ на упой
 Жидамъ, и подспрекають такимъ образомъ
 невоздержность ихъ, за нравы которыхъ
 должны отвѣчать Высочайшему Правителю.
 Надобно искренно жалѣть о странѣ, гдѣ зо-
 лото цѣнится дороже добрыхъ нравовъ, со-
 ставляющихъ душу и силу Царствъ. Раскры-
 ваю Робертсона, и кспати выписываю изъ
 него нѣсколько спрокъ, меня поразившихъ:
 L'état le plus corrompu de la société humaine
 est celui où les hommes ont perdu leur indépen-
 dance et la simplicité de leurs mœurs primitives,
 sans être arrivés à ce degré de civilisation où un

sentiment de justice et d'honneur sert de frein aux passions féroces et cruelles. *Tableau de l'état de l'Europe*, T. 1. p. 27 *.

Плоцкъ, 30 Января. Гордая Висла молчитъ, пропуская черезъ себя каждый день нѣсколько тысячъ Русскихъ. Природа и политическія обстоятельства принуждаютъ ее къ сему молчанію. Маршалъ департамента Плоцкаго и предводитель здѣшняго ополченія, Генералъ Е...кій, вздумалъ было представлять лице Димосѳена, вѣщающими Рѣчами возбуждая народъ къ единому вооруженію противу Русскихъ; но не получивъ въ удѣлъ краснорѣчія Аѳинскаго Орафора, онъ имѣлъ съ нимъ одинакую участь полководца. Димосѳенъ бѣжалъ съ поля сраженія, узрѣвъ мечи храбрыхъ Македонянъ; Е...кій поспѣшно скрылся изъ дому своего, завидя издали копья Донскихъ Козаковъ. Соловей эпопъ вздумалъ было пѣть красное солнышко весны тогда, когда бури осеннія шумѣли надъ

* Переводъ Сюара. — Самое испорченное состояніе общества находится тамъ, гдѣ люди поперяли свою независимость и простоту первобытныхъ нравовъ, не достигнувъ еще той степени образованности, на которой чувства правосудія и чести служатъ уздой спрасямъ несповымъ и жестокимъ. *Картина состоянія Европы*. Т. 1. стр. 27.

опрокинутымъ его гнѣздомъ, и никто за мрачною непогодою не слушалъ его пѣсней.

Благородно всякому гражданину мечтать о возстановленіи имени своего опечеснва. Но спрана, искавшая для сего скрыпныхъ, непозволенныхъ, далекихъ средствъ; спрана, гдѣ знапность, пользуясь всѣмъ и всѣмъ управляя, единственнo о себѣ думаетъ, гдѣ народъ пресмыкается въ ничтожествѣ и гдѣ не существуетъ средняго соспоянія—спрана сія не могла льспить себя и пѣнью прежняго ея величія.

Въ Польшѣ только три соспоянія: дворянство, духовенство и земледѣльцы; чуждый народъ Жидовскій составляетъ въ ней четвертый, средній классъ. Какое необозримое между ними разспояніе! какое между ними различіе мыслей и чувспвованій! какой ужасный перевѣсъ первыхъ двухъ соспояній, между собою пѣсно связанныхъ одинакими желаніями честолубія проптивъ претпьяго, который кажется отъ нихъ совершенно отброшеннымъ! Гдѣ кольцо, связывающее сію разорванную цѣпь?... Магнашъ вздыхаетъ о Царскомъ вѣнцѣ; Епископъ, родспвенникъ или другъ помогаетъ мечтамъ его своею властью; торговецъ Еврей, считая своимъ опечеснвомъ лавку свою и домъ, не мыслилъ никогда о выгодахъ Польши; крестьянинъ, подъ игомъ бѣдности, горю-

есть о прежнемъ довольствѣ. Честолюбіе однихъ, корысполюбіе другихъ, утѣшеніе претѣихъ могутъ ли соединиться для общей пользы? ... Въ Польшѣ главная политическая пружина есть дворянство; но она дѣйствуетъ для собственной силы и величія. Сколько знапныхъ, ласкающихъ себя надеждою царствовать при первой благопріятной для нихъ переменѣ; сколько имѣетъ каждый изъ нихъ родственниковъ, друзей, приверженныхъ, подкупленныхъ, послушныхъ, составляющихъ тысячи партій! Какая сила соединитъ ихъ различную волю, различныя желанія, мысли и чувства въ одну цѣль—великую цѣль счастья опечесства? Развѣ мудрый оборотъ правленія можетъ произвести сіе чудо; развѣ исчезнетъ въ Польскихъ дворянахъ духъ честолубія и замѣнится истинною любовію къ опечесству, народъ насладится лучшею участію и, воспользуясь природными силами и богатствами, родитъ въ собственномъ классѣ земледѣльцевъ среднее сословіе: до того времени Польша останется тѣмъ, чѣмъ была уже нѣсколько лѣтъ — покорною чуждымъ Державамъ страной.

ДЕРЕВНЯ ЗДВОРЖЪ, 3 ФЕВРАЛЯ. Цвѣтъ Русскаго войска — Гвардія и Гренадеры — расположились на временныхъ квартирахъ около Плоц-

ка. Первыми попеченіями Главнокомандующаго—сбереженіе здоровья и покой Русскихъ героевъ. Свободная и теплая одежда была имъ позволена на походъ во время жестокихъ морозовъ; на споянкахъ желаетъ онъ, чптобы они веселились на широкихъ, спокойныхъ квартирахъ. За то Офицеры и нижніе чины любятъ Свѣплѣйшаго, какъ отца своего »Родной бапюшка Суворовъ воскресъ въ немъ,« говорятъ солдаты: »Князь знаетъ всѣ нужды наши. Въ дѣлѣ любитъ, чптобы мы его пѣшили, а послѣ дѣла самъ не забываетъ насъ.« Можно сказать, чпто привязанность къ нему солдатъ примѣрная; она доходитъ до воспюрга. Не удивительно! Всѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ знакомы съ его личною храброспюю; уже нѣсколько десятковъ лѣтъ привыкли спремиться, по быспрому и спокойному взору его, къ опасностямъ и славѣ. Могли ль они забыть неусыпныя объ нихъ попеченія его въ печеніи прошедшихъ и нынѣшней кампаній? Почти каждый изъ нихъ знаетъ его въ лице; многіе имѣютъ счастье не рѣдко говорить съ нимъ. Иный рядовой ему кумъ, другій крестовый братъ, претій пріятель. Тотъ помнитъ, какъ жарко было такое-то дѣло, какъ ненаспны были бивуаки въ такомъ-то мѣстѣ; эптотъ масперъ рассказываетъ о веселостяхъ Молдаванскихъ; а эптотъ славно выручилъ своихъ поварищей въ

пакомъ-по сраженіи. Всѣ осыпаны его ласками и благодареніями.—Мало того, чптобы полководецъ умѣлъ приготовить войну и сдѣлать ей распоряженія, чптобы онъ въ день битвы владѣлъ быспрымъ взоромъ и спокойно умѣлъ встрѣчать ея опасности; надобно еще, чптобы онъ обладалъ волшебнымъ искусствомъ приближать и привязывать къ себѣ проспаго воина. Съ искусствомъ симъ онъ будетъ располагать по своей волѣ мышцами, умами и сердцами солдатъ; съ нимъ поведетъ онъ горсти противъ пычачъ и пріучитъ побѣду ступать по слѣдамъ своимъ. Искусствомъ симъ владѣли Тюренъ, Фридерикъ II и Суворовъ; оно досталось нынѣ Купузову вмѣстѣ съ мужеспвомъ и проницательностію ихъ. Французскій Маршалъ не прославилъ бы сполько Царства лилій, если бы не разговаривалъ съ солдатами, какъ отецъ; Прусскій Король не велъ бы семилѣтней войны и не разширилъ бы границъ своего опечества, если бы не бесѣдовалъ на бивуакахъ съ нижними чинами, закуривавшими его табачнымъ дымомъ; Герой Испалійскій не шагаль бы пакъ смѣло по Альпійскимъ горамъ, если бы не ѣдалъ съ солдатами простой кашицы. Такъ и кумовство и крестовое братство съ ними Князя Смоленскаго сблизили еще болѣе родство его со Славою!

Д. Здворжъ, 5 Февраля. Четыре, пять жилищъ на берегу озера, обрѣзаннаго дикими утесами, кругомъ огражденнаго мрачнымъ лѣсомъ—вотъ наше теперешнее жилище! Ничто свѣтское не смѣетъ нарушить молчаніе сей пустыни; только вѣтеръ, волнуя гордыя главы сосенъ, разливаеетъ около нее глухій стонъ; только опзывъ попора въ ней изрѣдка опдаеися, или охотникъ, гоняясь по утесамъ за робкою козою, прерываеетъ тишину сихъ мѣстъ. Два любовника, заключающіе весь міръ въ самихъ себѣ, или наскучившій суедами мудрецъ, не могли бы найти уединенія, болѣе сходнаго съ ихъ чувствованіями. Сколько разъ превораля я пустыню сію въ жилище счастья мирнаго и неизмѣннаго! Сколько разъ мечпалъ я о семъ счастьи, раздѣляемомъ съ нѣжнымъ другомъ! Здѣсь — думалъ я — можно прудиться для свѣта, не будучи знакомъ съ его шумомъ и суедами; здѣсь часто пвердилъ любимое изрѣченіе мое:

C'est aux champs que le coeur cultive son bonheur!

Но что можетъ мечта передъ опытомъ — мечта, которая какъ весенній вѣтерокъ ласкаеетъ челнъ по гладкой поверхности водъ и вскорѣ уступаетъ могуществу грозной бури, въ бездны его погружающей? ...

— По препорученію начальства былъ я на дняхъ посланъ въ Плоцкъ. Ночь заспигла бы меня на конѣ въ семи верспахъ опъ города, если бы Форштмейстеръ здѣшняго округа не предложилъ мнѣ гостепріимства подъ уединеннымъ кровомъ своимъ. Пріязни его и ласокъ любезной его супруги никогда не забуду.

— Плоцкъ заспалъ я шумнымъ и многолюднымъ опъ расположенной въ ней главной квартиры Государа Императора. Городъ сей можно назвапъ прелеспнымъ по площадямъ его, изъ копорыхъ одна предспавляетъ видъ вѣчной ярмарки, а другая, окруженная красивыми зданіями и обсаженная высокими пополями, соспавляетъ пріятное гульбище; но болѣе можно назвапъ его прелеспнымъ по мѣстоположенію его на возвышенномъ, крупомъ берегу Вислы. Зима лишаетъ его нынѣ лучшихъ его прелеспей. Когда придупъ красные дни и весна воскреситъ Природу; тогда ближайшіе виды съ берегу должны быпъ полны жизни и красотъ романпическихъ.

Г. Калишъ, 12 Февраля. Чѣмъ ближе къ Германіи, тѣмъ чаще видимъ хорошіе города. Искусство, трудолюбіе и вкусъ, копорые спаралось ввести въ нихъ Прусское Правипельство въ то время, когда они ему принадлежа-

ли, не успѣли еще въ нихъ совершенно исчезнуть. — Калишъ посредственной величины городокъ и довольно красивъ. Въ немъ есть Кадетскій Корпусъ.

Поле за городомъ достойно особеннаго замѣчанія. На немъ перваго числа нынѣшняго мѣсяца Генералъ Винцегероде славно опмспилъ Французамъ измѣнническій плѣнъ свой совершенною побѣдой надъ Генераломъ ихъ Ренъе. На томъ же самомъ мѣстѣ 18 Октября 1706 года Меньщиковъ съ учениками воинами далъ жестокій урокъ Шведамъ, учипелямъ нашимъ въ искусствѣ сражаться: Генералъ ихъ Мардефельдъ былъ тогда совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Здѣсь Геній Великаго Петра, черезъ пространство цѣлаго столѣтія, подастъ руку Генію Александра. — Думающъ, что на этомъ полѣ утвердятся къ западу границы обширной Русской Имперіи. Гдѣ Авача, и гдѣ Калишъ?...

Тамъ же, 15 Февраля. Вчера, гуляя за мелькающими роями Грацій, по дорожкамъ прекраснаго бульвара, усыпаннаго желтымъ пескомъ, опущеннаго зеленѣющимъ дерномъ, осѣненнаго высокими пополями, прельстился я вывѣскою практира, стоящаго на углу бульвара сего. На ней золотыми буквами начертано: Hôtel de

Paris. Столица Франціи не одного меня прельщаетъ: — кому не хочется въ Парижъ?... Вхожу въ залу, въ которой накрытъ столъ человекъ для прищипки. Рои Офицеровъ шумятъ въ разныхъ сторонахъ. Я присоединяюсь къ одному знакомому, недавно вышедшему изъ ополченія; спрашиваю его о спарыхъ моихъ пріятеляхъ, и среди разговора сажусь съ нимъ близъ молодаго Поляка, на софѣ раскидавагоса. Полякъ былъ щегольски одѣтъ и пышечью духовъ распысканъ; конфедератка съ серебряными кистями и узорами лежала близъ него. Онъ часто поправлялъ усы свои, столъ же часто смотрѣлся въ зеркало, напротивъ его висящее, и потомъ съ пренебреженіемъ оборачивался на моего товарища, который, въ порыжѣломъ опѣ бивуачнаго огня серпукѣ, съ мѣдною при бедрѣ саблею, съ длинною трубною во рту, не обращалъ на него никакого вниманія. Былъ шакъ щегольски одѣтъ, какъ былъ снаряженъ нашъ Сармапъ, и не заслужишь опѣ бѣднаго Русскаго Офицера ни одного взора удивленія, ни одного лестнаго слова, казалось ему чѣмъ-то чудеснымъ. »Вы меня закуриваете табакомъ!« — сказалъ онъ моему товарищу голосомъ досады. — Простите! — отвѣчалъ эппотъ очень хладнокровно. — »Вы служили, конечно, въ милиціи?« — началъ снова первый, перебивая не кспати

нашу рѣчь. — Служилъ; а для чего вамъ это? — отвѣчалъ въпорый, обратившись совершенно къ своему пропивнику. — » Ополченныя очень мало дѣлали въ нынѣшнюю войну. « — Больше, нежели Польская милиція, и столько, сколько требовало отъ нихъ Отечество. — » Говорятъ, что они во время сраженія подбирали мерзвыя тѣла. « — Только не своихъ, а Французовъ и также Поляковъ. Настоящее, правильное войско занято было поражениемъ полумилліона враговъ; временному оставалось возносить имъ могилы, чтобы будущіе вѣки взирали на нихъ, какъ на памятники нашей славы и позора народовъ, считавшихъ за честь быть въ рабствѣ у Наполеона. Но позвольте васъ спросить, по чему вы догадываетесь, что я служилъ въ ополченіи? — » По вашей саблѣ. « По саблѣ? это довольно смѣшно! Правда, что она не хороша снаружи; но потрудитесь взглянуть на ея клинокъ. Прошу господъ Офицеровъ также посмотреть на него. — Всѣ бывшіе въ залѣ обратились къ любопытной саблѣ. На одной сторонѣ клинка вырѣзано было: отъ дѣда внуку; на другой: при осадѣ Праги взята у Польскаго Полковника: ура! Ура! закричали всѣ предстоящіе Офицеры; ура! разнеслось по всѣмъ комнамамъ. Знайте, господинъ щеголь! — продолжалъ торжествующій поварнищъ мой, подавая Поляку блестящую

его конфедератку, — знайте, что наружность часто обманчива: не все то золото, что блеститъ; не все то достойно презрѣнія, что носитъ на себѣ печать бѣдности. Прекрасное мщеніе!

Я посмѣялся опъ всего сердца, и обнимая любезнаго побѣдителя, обѣщался ему помѣспитъ сіе приключеніе въ моихъ запискахъ. Исполняю мое обѣщаніе тѣмъ охотнѣе, что могу, описаніемъ сего происшествія, дать маленькій урокъ модному самолюбію.

Г. Калишъ, 12 Марта. Осправляюсь сей часъ на берега Бальпійскаго моря черезъ Познанъ, Франкфуртъ и Берлинъ. Путь неожиданный, сулящій мнѣ тысячу удовольствій! Я назначенъ Шефскимъ Адъютантомъ къ Принцу Мекленбургскому Карлу, и сопровождаю его на мѣсто его родины. Государь Императоръ дозволилъ ему насладиться временемъ настоящаго спокойствія посреди его семейства, котораго онъ давно не видалъ.

Дорога наша до Гамбурга очищена опъ враговъ. Молодой Герой Чернышевъ водружаетъ уже Русское копье на берегахъ Бальпійскаго моря. Покойно и пріятно ѣхаетъ по пупи, освещенномъ прожеями нашей славы! — Бѣгу на почту — и прощаюсь съ Калишемъ.

Г. Познань, 14 Марта. Удовольствіе привязало намъ крылья, и мы прилепѣли въ Познань. Я успѣлъ на него только взглянуть, и могу сказать: прекрасный, цвѣтущій городъ! Увѣряюсъ, что Варшава обширнѣе, величественнѣе и многолюднѣе; но Познань красивѣе и правильнѣе. Не удивительно: прежняя столица Польши, нося на себѣ печать древняго ея великолѣпія и могущества, означена при томъ мрачнымъ клеймомъ политическихъ неустройствъ, столько лѣтъ ее терзавшихъ. Познань, недавно оживъ * попеченіями благодѣтельнаго Прусскаго правленія, каждый день болѣе и болѣе украшаясь и обогащаясь, дышитъ свѣжесцію и красоюю весны своей. Первую можно сравнить съ важною спарушкою, горюющею въ мраморныхъ своихъ палатахъ о поперянномъ вѣнцѣ и прошедшей славы **; вѣрнѣе уподобить можно прекрасному юношѣ, съ улыбкою зовущему васъ любоваться миловидными зданіями и садами, которыхъ онъ счастливый обладатель. Хвала и честь правленію Прусскому! ему обязанъ Познань

* Онъ былъ опустошенъ наводненіемъ. Съ того времени рѣка Варпа, на которой онъ стоялъ, взяла другое теченіе.

** Съ окончаніемъ войны все перемѣнилось. Варшава процвѣтаетъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ владычествомъ Россійскаго Монарха. 1820.

(какъ и всѣ Польскіе города, бывшіе въ управленіи у Прусаковъ) нынѣшнимъ цвѣтущимъ своимъ соспояніемъ. Между разными выгодами, дарованными Пруссіею симъ городамъ, можно почестъ не послѣднимъ для нихъ благодѣяніемъ суммы, на нѣсколько лѣтъ имъ опущенныя. Деньги сіи употреблены на постройку домовъ по новѣйшей и самой правильной архитектурѣ. Не знаю, чувствуются ли сіи милости!...

Мы нашли Познань чрезвычайно шумнымъ и веселымъ. Причина тому ярмарка, которую застали мы во всей ея живости. Германія и Польша снабжаютъ ее своими издѣльями. Пока Принцъ былъ у Графа Воронцова и пока перемѣняли нашихъ лошадей, мы гуляли по площади, на которой средоточился вся ярмарка; заглядывали въ подвижныя лавки и палатки, украшенныя разными товарами; любовались богатыми образцами и красивыми вывѣсками, волнующимися почти надъ каждымъ окномъ; перебѣгали взорами съ предмета на предметъ, съ прекраснаго на полезное, и перялись наконецъ въ шумномъ роѣ многолюдства. Ничто не представляетъ живѣе дѣятельности нашей, какъ ярмарка. Зрѣлище, полное жизни и удовольствія! Тутъ видите вы Промышленность съ живыми взорами, съ тонкою улыбкой, предлагающую вамъ богатые

дары свои. Тамъ представляется вамъ Трудолюбіе, согбенное подъ тяжестью рукодѣлій своихъ и земныхъ избытковъ; оно ожидаетъ покупателей, могущихъ облегчить его бремя. Здѣсь Искусство прельщаетъ васъ тысячами пріятныхъ бездѣлокъ, тысячами полезныхъ вещей, и заставляетъ васъ преклонить колѣно передъ твореніями всеобъемлющаго ума. Далѣе Корыстолюбіе, со впалыми глазами, съ изсохшимъ, желтымъ лицомъ проспираетъ объятія свои къ блестящему металлу, звенящему въ рукахъ вашихъ. Тупъ встрѣчается съ вами Любопытство, за которымъ ходитъ зѣвающая Праздность. Тамъ же слышны и вздохи робкой Бѣдности. Но вотъ и главныя лица ярмарки — Богатство и Роскошь! они обращаютъ на себя вниманіе всей толпы, вездѣ поспѣваютъ и все оживляютъ магическимъ жезломъ своимъ.

Съ площади пошли мы въ паркпиръ на бульваръ, гдѣ ожидали насъ наши повозки. Опшуда любовались Природою, разцвѣпающею на прекрасной, тѣнистой аллеѣ; дышали ароматомъ, приносимымъ къ намъ вѣтеркомъ съ липовыхъ вершинъ, и слушали веселое пѣніе птицъ, славящихъ весну. Но въ комнату ожидало насъ новое, прелестнѣйшее зрѣлище. Три весеннія розы, при Граціи (дочери хозяина дома) рѣзвились между собою въ ожн-

даніи, конечно, шалуна Зефира, или плутишки Амура. Жестокія! онѣ опіяли у насъ весь аппетитъ, и мы изъ-за вкуснаго спола встали почти голодные. Но бѣда ведетъ за собою другую бѣду! Я хотѣлъ удалиться опѣ опасныхъ красавицъ, прибѣжалъ къ почтовой коляскѣ, которая должна была раскидать по пупи мои новыя чувства; искалъ плаща, въ которомъ хотѣлъ сокрыться опѣ прелесныхъ, и не нашелъ его: какой-то проворный Еврей успѣлъ спастись его и скрыться съ своею добычею.

О вы, которые путешествуєте съ пощимъ желудкомъ, легкимъ кошелькомъ и нѣжнымъ сердцемъ! не заѣзжайте въ Познанѣ въ трактиръ, стоящій на бульварѣ, и не заглядывайтесь такъ на красавицъ. Эти блестящія созвѣздія принесутъ къ вамъ несчастіе. Черезъ нихъ потеряете вы охоту къ пищѣ, лишитесь мантіи и — спокойствія на цѣлую дорогу!...

ШТЕРНБЕРГЪ, 15 Марта. Воля твоя, краснорѣчивый Руссо! а просвѣщеніе золотое дѣло. Загляни въ палатки кочующихъ Тапартъ, пробѣги Польскія мѣстечки, побывай въ Нѣмецкихъ городахъ — и скажи потомъ, гдѣ захотѣлъ бы выбрать постоянное твое жилище? Вѣрно, въ послѣднихъ! Нравы, образъ

жизни, все принимаетъ здѣсь опливъ просвѣщенія, и все восхищаетъ васъ.

Покуда запрягаютъ намъ въ повозку лошадей, мы любуемся изъ окна прелесною группою Нѣмочекъ, берущихъ воду у красиваго фонтана, копорый стоить среди площади. Вода бьетъ изъ чепырехъ львиныхъ пастей и падаетъ въ круглый, чистый бассейнъ, изъ дикаго камня высѣченный. Весь городъ довольствуется ею изъ эшаго фонтана. Правда, что онъ меньше всякаго нашего уѣзднаго городка, но за то многлюднѣе и въ тысячу разъ красивѣе; здѣсь почти всѣ дома построены подъ одну крышку. Содержатель почты сказывалъ мнѣ, что одна площадь составляетъ часто цѣлый Нѣмецкій городокъ, но что таковыя города встрѣчаешь здѣсь почти на каждахъ десяти верстахъ и менѣе. Народъ — не говоря уже о высшемъ и среднемъ состояніяхъ — очень чисто одѣтъ; мужчины носятъ синіе кафтаны посредственнаго сукна, длинные камзолы такого же, или краснаго цвѣта, лосинныя исподнія плашья, пестрые бумажные чулки и башмаки съ огромными свѣплыми пряжками; волосы у нихъ подобраны назадъ подъ роговой гребень; прехугольная шляпа вѣнчаетъ сіе изображеніе. Служанки, копорыхъ видѣлъ я у фонтана, всѣ чисто одѣты, въ бѣлыхъ кофтахъ и

юбкахъ, черными передниками завѣшенныхъ. Голова у нихъ искусно обвязана чернымъ шелковымъ плашкомъ и прекрасно оппѣняетъ бѣлизну ихъ лица.

Почтовые дворы здѣсь прекрасны. Входите въ контору, показываете подорожную, плашите назначенныя за каждую милю деньги и получаете сей часъ лошадей. Правда, почтовая ѣзда здѣсь чрезвычайно дорога: за три мили, наши 21 версту, плашите близъ трехъ рублей серебромъ на пару лошадей; сверхъ того берутъ съ васъ установленныя за каждую станцію *Schmiergeld*, *Trinkgeld* (на мазку колесъ и на водку) близъ серебрянаго рубля: за то нѣтъ припязаній, нѣтъ придирокъ, жалобъ и ссоръ, случающихся на нашихъ почтовыхъ дворахъ. Ёзда по здѣшней почтѣ не самая скорая и не тихая: на каждую милю назначенъ часъ ѣзды; за то вы не имѣете нужды поминуться по три часа или болѣе въ почтовой избѣ..... На Нѣмецкихъ почтовыхъ дворахъ всѣ выгоды предоспавлены путешественнику: вы можете потребовать кофе, обѣдъ и ужинъ, можете имѣть и чистую постель въ теплой покойной комнатѣ. При томъ въ каждомъ городкѣ есть два, три порядочные трактира.

Франкфуртъ на Одеръ, 16 Марта. Давно ли опѣ ярмарки, и опятѣ уже на ней! Познанская и Франкфурпская подають другъ дружкѣ руку. Купцы, особенно оборопливые Жидаы, ѣздятѣ съ той на другую, съ этой опятѣ на ту, смотря по ихъ выгодамъ. Въ дорогѣ встрѣчали и обгоняли мы огромныя фуры съ пѣварами. Длиныя повозки, покрышыя холстиною на подобіе палапокъ, изъ которыхъ выглядывали Жидовскія засаленыя шапки, Нѣмецкіе чистые чепчики и смѣшныя прехугольныя шляпы; высочайшія телѣги на двухъ высочайшихъ колесахъ, окованныхъ желѣзомъ для вѣчноспи; странная упряжь гусемъ чепырехъ, пяпи и до шести могучихъ лошадей, окупанныхъ огромными хомупинами съ мѣдными бляхами, погремушками и разноцвѣтными лоскутами: все эшо веселило насъ на пути.

Во Франкфурпѣ мы шолько чшо перемѣняемъ лошадей, и потому видѣлъ я его мелькомъ. Все, чшо могу сказапъ объ немъ, будетѣ сказано въ его пользу. Улицы въ немъ широки и правильны; чистота на нихъ чрезвычайная. Дома высоки и, какъ во всѣхъ иноспранныхъ городахъ, построены подѣ одну крышку. Всеобщая торговля его съ Берлиномъ, Данцигомъ, Варшавою оживляетѣ его и дѣлаетѣ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи. Широкой Одеръ, служащій ему зеркаломъ, по-

крытъ нынѣ многочисленными судами. Мостъ его разрушенъ Французами. Чрезвычайная живость видна на другомъ берегу, обсаженномъ деревьями, подъ тѣнью копорыхъ гуляють веселыя пары и кипятъ шумныя толпы воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ и поселянъ. На площадяхъ и улицахъ настоящій маскарадъ: тамъ не одинъ народъ, но нѣсколько народовъ! Все движется, какъ муравьи, переносящіе магазейны свои изъ одного дупла въ другое; все шумитъ, какъ рой пчельный, нашедшій для соповъ своихъ новый источникъ богатства.

ДЕРЕВНЯ Фогельсдорфъ, 17 Марта. Вообразите себѣ чистыя, гладкія дорожки Англійскихъ садовъ, и можете послѣ того имѣть понятіе о дорогѣ, ведущей отъ Франкфурта къ Берлину. Нигдѣ не видалъ я подобной. Ровна, какъ полъ, съ небольшими отъ середины скапами; обрыта съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсажена высокими пополями! Черезъ каждый малѣйшій ручей, малѣйшій оврагъ сдѣланъ каменный красивый мостикъ. Близъ рвовъ лежатъ частыя груды камней, которые, будучи разбиты на мѣлкія части, брошены въ появившіяся неровности и раздавлены тяжестью колесъ, содержащихъ дорогу въ постоянной исправности. Шоссе сіи

препоручены смотрѣнію неусыпныхъ работниковъ. Правленіе не имѣетъ нужды выдавать деньги на разныя издержки, пребуемыя для содержанія таковыхъ дорогъ; все это дѣлается не счетъ проѣзжающихъ. На каждой милѣ вамъ заграждаетъ путь небольшая засава, отъ которой цѣль проведена въ маленький красивый домикъ присава, собирающаго Chaussée-Geld, деньги за шоссе. Плапите за милю бездѣлицу, и смотрипель, не выходя изъ комнапы, опускаетъ цѣль.

Нахожу, что способъ сей содержать дороги есть легчайшій и выгоднѣйшій. Отнесши бездѣльную подасть присаву, путешественникъ можетъ спокойно капипъ по прекрасной дорогѣ, и бѣдный поселянинъ или торговецъ, отдавъ за милю какой нибудь грошъ, не боится заплапипъ двадцать грошей за то, чтобы выпащили его тяжелый возъ изъ грязи, или починили изломанную ось. Не лѣзя не похваливъ хорошаго. Здѣсь на семи верстахъ шесть, семь человекъ исправляютъ испорченную дорогу. Въ другихъ напропивъ мѣстахъ поднимаютъ цѣлыя деревни, нарушаютъ пишину лѣсовъ, попрысаютъ сердца горъ — и все это для того, чтобы исправить на нѣсколько дней бѣдный оврагъ. Здѣсь дорога, будучи однажды прочно основана и утверждена, не можетъ въ послѣдствіи времени много

портишься; попребовавъ сначала значущихъ издежекъ, не имѣешь послѣ въ нихъ нужды. Работники знаютъ свое дѣло и не знаютъ никакого другаго; всѣ припасы у нихъ заранее приготовлены, все у нихъ всегда подъ рукою. — Порядокъ — дѣло великое! — однажды установленный, онъ самъ попомъ учреждаетъ и даетъ законы.

По чему не сдѣлаешь у насъ, хопя для главнѣйшихъ дорогъ, хопя для самыхъ грязныхъ, худыхъ мѣстъ, постановленій, подобныхъ здѣшнимъ *? — Впрочемъ, безразсудно было бы мечтать объ основаніи шоссе во всемъ обширномъ нашемъ Государствѣ. Въ странѣ Гигантовъ не все по удобно, что легко въ опечесствѣ Пигмеевъ!...

БЕРЛИНЪ, 18 МАРТА. Вотъ я уже въ одномъ изъ первѣйшихъ городовъ Европы, на самой пріятной и многолюдной его улицѣ, въ лучшей

* Правительство наше, пекущееся о выгодахъ и благѣ каждаго и всѣхъ, препорученныхъ Судьбою его опеческимъ попеченіямъ, занялось уже созданіемъ прекраснѣйшей шоссе отъ новой столицы до древней. Подвигъ великій и многопрудный; но пѣмъ славнѣе будетъ его исполненіе; пѣмъ знаменитѣйшій будетъ памятникъ народнаго величія и Царской благости! Авторъ имѣлъ уже удовольствіе ѣхать близъ ста верстъ по сей шоссе, удобностию своею и красоюю превосходящей даже Нѣмецкія.

его опели; однимъ словомъ — я въ Берлинѣ, на липовой улицѣ (die Linde), въ Петербургскомъ пракпирѣ (Hotel de Petersbourg). Вхожу въ опведенное намъ жилище; пробѣгаю рядъ богатыхъ комнатъ, и спрашиваю своего поварща: не забрели ли мы ошпбкою въ домъ какого нибудь Прусскаго вельможи? — »Эпо наши бивуаки (смѣясь опвѣчаетъ онъ мнѣ), бивуаки, приготоовленные Русскими шпыками и дружелюбіемъ Прусаковъ! « — Не для изнѣженнаго ли придворнаго, баловня Форпуны, поспавленъ здѣсь эпопъ кушетъ? — » Не худо и воину поѣжитъ на немъ члены, упомянные сорокаверспнымъ маршемъ! « — Не для того ли обложены эти спѣны зеркалами, чптобы ласкать улыбку, взоръ, каждое движеніе спапнаго щеголя, любящаго миръ, моду и себя болѣе всего на свѣпѣ? — » Пріяпно и Марсову сынку, собираясь на маневры, надѣпъ передъ сими спеклами киверъ и пашку, или гоповясь идти къ какой нибудь прелеспницѣ, поправипъ усъ чернобурый въ завиткахъ! « — Чпто скажешь объ этомъ розовомъ балдахинѣ? А эпо пышное ложе, Персидскими пканями покрытое, не ждетъ ли, чптобы красавица, упомянная нѣсколькими эефирными вальсами, пришла бросипся на него, и забывшись въ сладкомъ снѣ, увидѣпъ въ мечпахъ какого нибудь бальнаго прелеспника, съ пучнымъ жабо, напрыскан-

нымъ духами à la mille-fleurs, съ чулками пѣлеснаго цвѣта, упадающаго передъ нею на колѣна? — »По чему же красавицѣ въ мечтахъ сновидѣнія не увидѣшь у ногъ своихъ какого нибудь милаго, умнаго, ловкаго гусара, копорый поклянется небесами и землею, глазами прелестной и усами своими, принесетъ ей въ жертву цѣлый рядъ враговъ и перваго Французскаго орла съ вѣрнымъ пламеннымъ сердцемъ своимъ, положишь къ ея стопамъ?...« — Все это прекрасно! Однакожь пойдѣмъ далѣе. — Подхожу къ окну. Нѣга подкладываетъ подъ локоть мой тафтяную подушку; Роскошь осѣняетъ меня занавѣсомъ, убраннымъ рукою вкуса и богатства. Отворяю окно — и прекраснѣйшій бульваръ представляется моимъ глазамъ. Берлинъ славится липовою аллеею; и какъ не гордиться ему сими высокими деревьями, посаженными Искусствомъ, Искусствомъ и Природою сбереженными? Какъ не упѣшались Берлинцамъ, сидя въ жаркой полдень въ прохладной тѣни сихъ деревъ, или гуляя вечеромъ въ заманчивой ихъ сѣни? Не выходя изъ комнапы, здѣсь дышешь воздухомъ сельскихъ садовъ и любишься живописью и шумомъ городского гульбища.

Но — вотъ и наемный слуга (Lohnlaquais)! Для иностранца это Аріаднина нить въ лабиринтѣ большихъ городовъ. Министры, Ге-

нералы, духовныя особы, ученые, купцы, однимъ словомъ всѣ соспоянія ему извѣстны; всѣ памятники, ученія и челоѣколюбивыя заведенія, театры и лавки ему знакомы. Опѣ передней до кабинета придворнаго, опѣ горницы субрепокъ до спальни прекрасной госпожи, опѣ лавки игольщика до биржи, всѣ плапаяшъ дань его пронырспву, и газепы не извѣспяпѣ васъ такъ скоро о какомъ нибудь новомъ приключеніи, какъ споокой Лонлакей. Съ помощью его, не выходя изъ дому, я сдѣлалъ всѣ мои покупки въ два часа.

Однакожъ не все сидѣть въ красивой клѣпкѣ, въ которую заперла меня дорожная усталость; надобно побываать и на волѣ, надобно осмопрѣть и городъ. Липовая аллея доспойна, чптобы на ней хотя разъ пройпиться и полюбовапсья различными лицами, движущимися взадъ и впередъ по чистымъ ея дорожкамъ. Не понравилось мнѣ то, что между щеголями и щеголихами вспрѣчалъ я много нищихъ, много мальчишекъ въ опрѣпяхъ, которые ломаются, кричапѣ и не опспстаюпѣ опѣ васъ, пока вы не сдѣлаете имъ подаянія. Всякое униженное коверканье подобныхъ намъ возбуждаепѣ какое-то негодованіе; зрѣлище пальяса не должно смѣшипѣ, но возмущапѣ душу; челоѣкъ въ униженіи не можетъ быпѣ никогда смѣшонѣ.

Подхожу къ новому дворцу, обитаемому нынѣшнимъ Королемъ, и спрашиваю: гдѣ дворецъ? Зданіе, хопя красивое, но низкое и малое! Чпо не довольно въ семъ случаѣ? — Одно обманутое воображеніе, наспроенное спихотворными вымыслами, блестящими описаніями черпоговъ земныхъ полубоговъ. Напротивъ же упѣшаетъ насъ мысль, чпо не огромныя и великолѣпныя палаты, дивящія взоръ прохожихъ, но мудрыя, опеческія дѣла, веселящія сердца народа, суть прекраснѣйшіе и славнѣйшіе памятники Царей. — Старый дворецъ есть чепвероугольное большое зданіе съ огромнымъ дворомъ въ срединѣ. Древность помрачила его спѣны и украшающія его спашуи, и даетъ ему какой-то пасмурный видъ. — Идучи по такъ называемому длинному мосту черезъ рѣку Шпре, я остановился поклониться памятнику Фридерика Великаго. Я хотѣлъ видѣть на бронзѣ его знаки, сдѣланые Русскими солдатами во время вступленія ихъ въ Берлинъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны; но я не могъ примѣпить ихъ — или опъ того, чпо самолюбіе Прусаковъ ихъ изгладило, или по причинѣ слабаго моего зрѣнія. Шпре не рѣка, а рѣчка, чуть примѣтная за домами и мѣльницами, и мостъ, черезъ нее построенный, не сподипъ названія Длиннаго. — Театръ есть большое, великолѣпное каменное

зданіе. Архитектура его и легка и богата; колоннада прекрасна! Пространная площадь, его окружающая, придаетъ ему величественную красоту. — Множество площадей украшаетъ Берлинъ; нѣкоторыя изъ нихъ обсажены разнаго рода деревьями, которыя, очищая испареніями своими городскій воздухъ, служатъ жителямъ и пріятною прогулкою. Проходя мимо Вильгельмовой площади, любовался я, какъ Прусскіе Офицеры обучали на ней рекрутъ. Кто знаетъ — думалъ я — что въ полкъ сихъ воиновъ не скрываются новые Шверины, Зейдлицы, Кейпы и Винперфельды? Кто знаетъ, что зрѣлище сихъ чепырехъ великихъ Полководцевъ, дышущихъ здѣсь въ мраморъ, не бросило уже искры славы въ юныя сердца? Война раздуетъ сію искру — и новые герои воскресятъ дѣянія спарыхъ, и признательное опечесство вмѣстѣ съ благодарнымъ Королемъ вознесутъ имъ памятники, подобные тѣмъ, которыя мы здѣсь видимъ. — Здѣшніе жители показываютъ Фридрихштрассе, какъ первую улицу въ Берлинъ и — въ Европѣ! По широтѣ и правильности ея, по красотѣ ея домовъ, можно согласиться, что это прекраснѣйшая улица. Взоръ теряется въ безконечности ея. — Берлинская фарфоровая фабрика достойна посѣщенія путешественника. Сколько лѣтъ, сколько прус-

довъ и издержекъ нужно было, чтобы довести ее до подобнаго совершенства! Знаюки отдають преимущество Мейссенской въ выдѣлкѣ глины, а Берлинской въ совершенствѣ живописи.

Ни одна черта изъ жизни Царя-воина-философа не изглаживается временемъ въ сердцахъ Прусаковъ. Провожатый мой разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, здѣсь случившійся и показывающій всю доброту души Фредерика Великаго. — Въ одно посѣщеніе Королемъ фабрики попался ему на крыльцѣ симилѣпнѣй ребенокъ, сынъ бѣдной вдовы. Мальчикъ, испугавшись неожиданной встрѣчи сей, выпустилъ изъ рукъ чашку, копорую онъ несъ домой, и началъ горько плакать. Король милоспиво подошелъ къ нему, и взявъ его за руку, сказалъ: » Не плачь, дружокъ! пойдѣмъ со мною; я велю дать тебѣ другую.« Онъ приказалъ, въ самомъ дѣлѣ, выбрать ему чашку по его вкусу, и сверхъ того сунулъ ему пихонько талеръ. — Мнѣ талера не надобно! — отвѣчалъ ребенокъ, ободрившійся ласками Монарха — подари мнѣ лучше одинъ дрейеръ, на копорый нужно мнѣ купить мапушкѣ лѣкарства. Король улыбнулся; велѣлъ сыскать у работниковъ дрейеръ, далъ его обрадованному мальчику, и не удовольспвуясь милоспіями сими, приказалъ проводить его къ матери, оппу-

спивъ для нее полдюжины чашекъ и звернувъ Фридрихсдоръ въ оберпкѣ одной изъ нихъ.

Тамъ же, 19 Марта. Нынѣ, пріѣхавъ съ Принцемъ къ Генералу Репнину, имѣлъ я удовольствіе найти у него Генерала Алексѣева. Будучи еще ребенкомъ, я знавалъ его, какъ Московскаго Полиціймейстера и хорошаго опцу моему знакомца. Время и болѣзни, послѣдствіе тяжелыхъ ранъ, перемѣнили нѣсколько его наружность; но душа его все также прекрасна, какъ была въ цвѣтущіе годы его жизни. И нынѣ та же обворожительная любезность, та же веселость нрава его не покидаютъ. Увидѣвъ его, я мечпалъ, что свидѣлся съ Москвою, съ милыми друзьями, съ веселостями безпечной юности — мечпалъ, и былъ нѣсколько мимупъ счастливъ.

Я имѣлъ также счастливый случай быть у Графа Випгенштейна. Минувшее пребываніе у него утвердило меня еще болѣе въ томъ мнѣніи, что истинно великій человекъ всегда снисходительнѣе и милосивѣе того, который высокъ одною порокою, или богатствомъ. Славныя дѣла говорятъ за перваго; и нужно ли ему, послѣ всемірнаго свидѣтельства, напоминать всякому о своемъ величіи? . . . На-

пропивъ другой, не имѣя за себя ничего, кромѣ золота, или прадѣдовскаго пергаменна, думаетъ вывѣскою гордосни обратишь на себя общее вниманіе — думаетъ, и ужасно ошибается! Защипникъ Петрова града примѣръ перваго. Я не видалъ человѣка ласковѣе, любезнѣе, милоспивѣе въ обращеніи. Величественная, благородная наружность его обольщаетъ васъ съ перваго взгляда; слова его съ каждою новою минутою пріобрѣтають новую власть надъ сердцемъ вашимъ. Не удивляюсь, что окружающіе Графа столько ему преданы.

Графъ Випгенштейнъ опдыхаетъ въ Берлинѣ на профеяхъ. Чуждый народъ торжествуетъ его здѣсь пребываніе, пока еще война не дозволила Русскимъ привѣтспвовать его сердечною благодарностію. Онъ не можетъ выѣхать со двора безъ того, чтобы толпы Прусаковъ не окружили его и не изъявили ему своей преданности громкимъ ура! — Оставя тактикамъ судить объ его военныхъ дарованіяхъ, скажу, не спрашась укора потомства, что вѣрный и славный защипникъ Петрова града, осыненный благословеніями нашего Сѣвера, смѣло вступишь въ храмъ вѣчности на ряду съ великими мужами. Графъ, опдыхая здѣсь на профеяхъ, прудится надъ пріобрѣпеніемъ новыхъ: онъ занимается воззваніемъ Германскихъ народовъ ко всеобщему

вооруженію пропиву врага ихъ свободы и
 спокойствія. Увѣренъ, что народы сіи, вни-
 мая Герою, не замедлятъ опдѣлились опъ
 честолубца, и пожелавъ колесницъ его сча-
 стливаго пуши, пристають къ братскому сою-
 зу, поднимающему оружіе на защипу правъ
 народныхъ. Достойно хвалы попомспва и за-
 мѣчанія справедливаго испорика единомушное
 рвеніе Прусаковъ и Короля ихъ къ воспано-
 вленію прежняго ихъ величія! Всѣ званія и
 соспоянія проснулись, всѣ сливають имя граж-
 данина съ именемъ воина. Опцы распаются
 съ малолѣпными дѣтьми, мужья покидаютъ
 нѣжныхъ супруговъ, сыны разлучаются съ пре-
 старѣлыми родителами; кто только можетъ
 поднять оружіе, пребуетъ его; а старцы,
 жены, дѣвы и дѣти, безсильныя нести и
 бросать на враговъ громы, сопровождають
 благословеніями идущихъ на брань опечествен-
 ную. » Не нужны намъ имущества, когда мы
 не возврапили еще лучшаго сокровища наше-
 го — имени! « говорятъ богатые, и жертвуютъ
 имѣніемъ своимъ. » Что намъ и въ жиз-
 ни, когда чуждая власпъ оковываетъ наши
 руки и души? « кричатъ бѣдные, и несутъ
 въ дань опечеству здоровье и жизнь. » Свобо-
 да! свобода! возвращеніе славы попомку Вели-
 каго Фридерика и подданнымъ его! « воскли-
 цають цѣлая Пруссія, и ополчаютъ сыновъ

своихъ. Нынѣшнее всеобщее вооруженіе Прусаковъ можно назвапъ революціей, — такъ спремипельно и единодушно сіе вооруженіе!

Обрапившись мыслями на опечеспвенную войну Русскихъ, оспановившись на нынѣшнемъ ополченіи Пруссіи, увѣримся, что любовь къ опечеспву не есть призракъ, и что привязанноспъ къ имени своему не мечта. Увѣримся, что Творецъ, бросивъ въ насъ первую искру жизни, присоединилъ къ ней искру любви къ опечеспву. Привычка младенца къ колыбели, привязанноспъ его къ кормилицѣ, — ребенка къ комнапѣ, въ копорой онъ воспитывался, и къ лугамъ, на копорыхъ онъ игрывалъ, — юноши къ мѣспу родины, не есть ли пригопвление къ сей любви? Родители, друзья, супруга, воспоминанія, спраспи, несчастія и минупы блаженспва укрѣпляютъ ее болѣе и болѣе, и доводятъ до силы, копорой мы въ совершенныхъ годахъ уже пропи- випись не можемъ. Ахъ! если бы любовь къ опечеспву, была призракомъ, то и жизнь наша не что иное была бы, какъ мрачное, печальное привидѣніе!

Опъ Графа ѣздилъ я съ Принцемъ къ Принцессѣ Бранденбургской Елисаветѣ (ка- жепся, ее такъ зовупъ). Ея Свѣпмоспъ очень ласкова, — это я очень помню; однако же не за-

былъ, что и ноги мои чувствуютъ еще боль отъ послѣдствій грознаго эпикета, принудившаго меня споятъ на нихъ нѣсколько времени. Увы! такая же участь ожидаетъ меня впередъ.... То ли дѣло друзья! за чашей круговой, на пышномъ соломенномъ ложѣ бесѣдовавъ съ дружбою о любви, или перятыся сердцемъ и мечтами въ роѣ милыхъ?...

Рупинъ, 20 Марта. Нынѣ увидѣлся я со спарымъ моимъ знакомымъ — и гдѣжъ? У шлагбаума, въ караульѣ, при выѣздѣ изъ Фербелина! Эпо онъ! закричалъ я, и гоповъ былъ изъ коляски бросишься къ нему на шею.

Помнишь ли, въ путешествіи нашего Морица, полсшаго часоваго, у котораго подъ брюхомъ молалась маленькая шпаженка — того гордаго спража городскихъ воропъ Тильзипа, который необыкновенною фигурою и странными пѣлодвиженіями привелъ въ замѣшательство Русскаго путешественника? Нынѣ встрѣшилъ насъ другой онъ у воропъ Фербелинскихъ: та же пучная, смѣшная фигура, доспойная кисти Гогарда; пѣ же странныя пѣлодвиженія; попъ же самый вопросъ: Wer sind Sie? Кто вы? поразившій слухъ мой такъ

сильно, что я невольно вздрогнул! Это былъ одинъ изъ Ландверовъ, поставленный у заставы для записыванія именъ проезжающихъ. Опомнившись опъ изумленія, полѣзъ я въ карманъ за данью моего глубочайшаго почтенія къ его полстой особѣ; но товарищъ мой, сказавъ уже наши имена, закричалъ почпаліону: *forwärts! пошелъ!* — рогъ запрубилъ, бичъ хлопнулъ — и я однимъ киваньемъ головы расплатился съ моимъ милымъ, спариннымъ знакомымъ.

ЦЕРЛЕБЕРГЪ, 21 Марта. Сѣверъ Германіи (въ той споронѣ, которую проезжаемъ) совершенно бѣденъ живописными видами. Хорошо обдѣланныя поля, большія деревни съ садами, обширныя равнины, скучные пески съ мрачными сосновыми лѣсами, болоты пересѣченныя ивовыми аллеями, — вездѣ слѣды примѣрнаго трудолюбія, но вездѣ печальное единообразіе, вездѣ повпоренія однихъ и тѣхъ же предметовъ! Напрасно мерпвая кисть хопѣла бы здѣсь оживотвориться; если бы она и заплатила дань здѣшней Природѣ, то не предспавила бы ничего, кромѣ порядочно устроеной хижины пахаря подъ тѣнію госпепріимныхъ пополей, кромѣ тучнаго вола и величеспвеннаго могучаго коня, — красоту и славу здѣш-

нихъ мѣстѣ. На югѣ Германіи царствуетъ Природа со всѣми ужасами и пріятносціями своими! — говорятъ художнику, — и арписѣтъ, съ пламенной любовію къ изящному, спѣшивъ на берега Неккера и Майна.

Трудности, преперпѣнныя въ Польшѣ, представляются намъ, какъ во снѣ. Мы совершенно забыли, что война не попустила еще огня и каждую минуточку гопова позваѣтъ насъ къ дыму своихъ бивуаковъ. Среди солдатскаго похода мы совершаемъ самое пріятное путешествіе, и бѣдные какъ Иры, наслаждаемся подобно Крезамъ. Пользуйся настоящимъ! говорятъ любезные учители счастья — и мы въ спорогой точности повинемся ихъ ученію. Каптя со станціи на другую въ покойной коляскѣ на четырехъ быспрыхъ коняхъ, покоясь на хорошихъ постеляхъ, сидя за блюдомъ форелей или фазана, любясь ключемъ Шампанскаго, біющаго со дна прадѣдовскаго покала, или слушая, какъ сокъ Гренадскихъ апельсиновъ съ пескомъ Американскаго простника бунпуетъ въ портеръ, обогащаясь каждый часъ новыми дарами природы и искусства — спрашиваемъ, улыбаясь, другъ у друга (съ поварищемъ моимъ Коленомъ): не охаетъ ли какая нибудь тысяча душъ отъ роскошнаго нашего путешествія? не имѣемъ ли нужды послаѣтъ приказъ къ бурмиспрамъ и спароспамъ нашимъ о накладкѣ на креспьянъ

оброка?... Слава Богу! удовольствія наши не покупаются цѣною кроваваго поща подобныхъ намъ. Безъ всякихъ побужденій случай плапиптъ намъ богапую подаптъ. Долго ли будетъ баловаптъ такимъ образомъ? Не знаю; но благодаря судьбу за ея милоспи, пользуемся ими.

Перлебергъ не большой, но порядочный городокъ. Мы находимся еще въ Пруссіи; черезъ нѣсколько часовъ будемъ въ Мекленбургъ.

М. Лудвигслустъ, 25 Марта. Куда бури жизни не занесутъ уплаго челна, пущеннаго на произволь судьбы по необозримому пространству океана?... Думалъ ли я, безпечный питомецъ любви и природы, вѣрный другъ полей и рощей, поспоянный жипель родной жины — думалъ ли я спорожиптъ въ шумномъ спанѣ военномъ, сыпантъ подъ пѣнію грозныхъ орудій смерпи и въ кругу сѣверныхъ героевъ бесѣдовать о безсмертіи падшихъ на поляхъ славы? мечпалъ ли я опяптъ на пупи нынѣшней войны, внимая громамъ ея, не досыпая ночей на соломенномъ ложѣ и подъ покровомъ пасмурнаго неба, встрѣчая морозы и непогоды — воображалъ ли, что жребій войны бросиптъ меня на пышные пуховики фортуны, въ жилище благодѣтельной Феи, въ цвѣтникъ Гра-

цій и заставитъ сердце мое кружиться въ вихрѣ разнообразныхъ удовольствій? ... Но что всего драгоценнѣе, всего сладостнѣе, — осиротѣвшій въ мірѣ, въ удаленіи отъ полей опечеспвленныхъ, отъ родныхъ и друзей незабвенныхъ, не могъ и мыслишь найти новое родство, новыхъ друзей и благодѣтелей на берегахъ Балтійскаго моря! Мы усладимъ для тебя разлуку съ опечеспвомъ и милыми сердцу твоему: говорятъ они, и оправдываютъ по опытомъ. — Сколько счастливыхъ и печальныхъ переменъ въ жизни человѣческой! какъ разноцвѣтна чудесная тканьъ ея! Кто можетъ предвидѣть, какими шелками изоткнется и моя собственная? ...

И такъ я въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, въ гостяхъ у любезнаго Повелителя его, въ мѣстахъ, гдѣ жила и скончалась Сестра Императора нашего. Принцъ Карлъ близъ десяти лѣтъ не былъ въ своемъ семействѣ, и попому можно вообразить, съ какими чувствами радости встрѣтили его родственники. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены свиданія; видѣлъ слезы, текущія по лицамъ ихъ; видѣлъ, какъ сынъ и дочь Великой Княгини Елены Павловны, живые портреты прекраснѣйшей душею и тѣломъ Матери, бросились съ искренними знаками радости на шею своего дя-

ди. И могъ ли я, смотря на эту семействен-
ную картину, не принести пощаенною слезою
дани Природѣ, копорая пишетъ законы и вѣн-
чаннымъ Главамъ? .. Въ этой сценѣ насъ, Ру-
скихъ, не забыли. Пріязнь, ласки, упрежденіе
нашихъ желаній, попеченіе о нашемъ покоѣ и
удовольствіяхъ, заботы о нашемъ здоровьѣ —
все это возбуждало въ сердцахъ нашихъ чув-
ства живѣйшей благодарности.

Прелестная весна улыбается намъ и сулитъ
тысячу пріятностей.

Тамъ же, 29 Марта. Я не имѣлъ нужды во-
просами пробудить въ окружающихъ меня во-
споминаній о покойной Великой Княгинѣ Еленѣ
Павловнѣ: здѣсь все говоритъ о Ней; все ста-
рается предупредить желаніе Русскихъ слы-
шать о Русской Государынѣ. Первымъ намъ при-
вѣтствіемъ Мекленбургцевъ есть благодарность
за то, что мы дали имъ такую добродѣтельную
Принцессу. При семъ чувство народного само-
любія пробуждается! Намъ ли послѣ сего не
гордиться родомъ Государей нашихъ, столько
богатыхъ доброю и величіемъ? Намъ ли не
ублажать вѣнецъ, копорого блескъ на насъ же
такъ щедро упадаетъ? Кто изъ Русскихъ не
проливаетъ слезъ восхищенія и благодарности

передъ престоломъ Вышняго Царя за то, что даровалъ великому народу Съвера земныхъ Царей по подобію Своему? — Друзья! я видѣлъ *чужій* народъ, слезами плащій дань памяти Великой Княгини, какъ родъ человѣческій приносилъ дань золотому вѣку сожалѣніемъ, что онъ уже для него не возвратится. Я зрѣлъ спарцевъ, у дверей гроба разцвѣпающихъ опъ одного разсказа, какими знаками уваженія чтила Она ихъ сѣдины и преклонныя лѣта. Былъ я въ хижинахъ, гдѣ имя Ея произносится, какъ святыня, гдѣ затвердились и передаются попомству, какъ божественныя изреченія, слова, которыми Она ободряла слабыхъ, утѣшала бѣдныхъ и печальныхъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ дѣти опкладываютъ игры, чтобы слышать опцевъ своихъ, разсказывающихъ о доброй Еленѣ — такъ называютъ Ее и поднесъ здѣшніе жители. Самые царедворцы въ палапахъ Герцогскихъ вздыхаютъ о веселостяхъ, вмѣстѣ съ Нею сокрывшихся. Какія же рѣдкія добродѣтели должны были украшать Ее, когда народъ, опъ спарца до ребенка, носилъ по ней сердечный прауръ даже при нынѣшней Наслѣдной Принцессѣ, любезной, кропкой и чувствительной!

Первымъ желаніемъ моимъ, по пріѣздѣ сюда, было поклониться праху Великой Кня-

гини; первую обязанность мою было это немедленно исполнить. Русский дьячокъ, оставшійся здѣсь послѣ смерти Ея и не хотѣвшій расстаться съ симъ драгоценнымъ прахомъ, проводилъ меня къ памятнику, его хранящему. Монументъ стоитъ въ уединенномъ мѣстѣ сада, въ мрачной сѣни деревъ, которую лучи солнечные никогда не проникаютъ: онъ простъ, красивъ и трогателенъ. Передняя его сторона украшена легкою колоннадою. На фронтонѣ крупными золотыми буквами начертано: *HELENAE PAULOWICI* (Еленѣ Павловнѣ). Во внутренности, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ лампы, все просто, кромѣ двухъ гробовъ, богато украшенныхъ и стоящихъ рядомъ: одинъ, съ лѣвой стороны отъ входа, поставленъ надъ мѣстомъ, вмѣщающимъ въ себѣ бранные останки Великой Княгини; другой, какъ говорятъ, приготовленъ Наслѣднымъ Принцемъ для него самого. Какъ рано скошенъ жадной косою смерти прекрасный сей цвѣтъ, бывшій равно украшеніемъ родныхъ и чуждыхъ полей!

Идучи отъ памятника, мы встрѣпили Принца Павла, а потомъ Принцессу Марію. Во все пребываніе наше здѣсь, они показывали къ намъ оплочно милостливое вниманіе; но нынѣ взоры ихъ изъясняли намъ что-то особенное, чего дѣтскій языкъ ихъ не могъ выразить.

Кажется, они говорили намъ: какъ мы благодарны вамъ! какъ мы любимъ васъ! Вы Русскіе — и наша *Мать* была Русская!...

Лудвигслустъ, 30 Марта. Не понимаю, что могло склонить Герцога Лудвига (опца нынѣшняго Правителя Мекленбурга) поселился со Дворомъ своимъ между сыпучими песками, болотами и мрачными сосновыми лѣсами, и назвать сіе жилище своимъ удовольствіемъ (Ludwigslust). Напропивъ я назвалъ бы его Лудвиковою пасмурностію: такъ печально и однообразно здѣшнее мѣстечко! Говорятъ, что покойный Герцогъ имѣлъ характеръ меланхолическій и скучный, и для того, не любя улыбки даже въ самой Природѣ, избралъ себѣ такое сельское убѣжище, въ коемъ Природа только хмурился и заставляешь на каждомъ шагу на нее досадовать. Не скажу, чтобы искусство не украсило сего жилища; но все, что въ немъ создано хорошаго руками человеческими, теряетъ свою цѣну при видѣ песковъ и болотъ, въ копорыхъ вязнешь, сдѣлавъ только шагъ за мѣстечко. Нынѣ въ окрестности ни зеленаго луга, ни вьющагося между упрямыми берегами ручейка, ни пригорка, съ котораго взоръ могъ бы насладиться порядочнымъ видомъ; нѣтъ совершенно того, что утѣшаетъ

насъ въ загородномъ жилищѣ. Бдучи опсюда, въ какую спорону хопите, надобно закрыть глаза на нѣсколько верстъ. Не смотря на скучную Природу здѣшнюю, весь Дворъ проводитъ большую часть года въ Лудвигслустѣ: привычка, благоговѣніе къ памяти родителей и припомъ большія издержки, на сіе мѣсто употребленныя, заставляють нынѣшняго Герцога продолжатъ въ ономъ свое пребываніе.

Во всемъ Лудвигслустѣ при улицы, изъ коихъ одна можетъ почестъся таковою, а другія только началомъ улицъ, попому что на нихъ стоить не болѣе десяти домовъ. Всѣ зданія построены на казенное иждивеніе изъ кирпича; они не выбѣлены, впрочемъ въ нихъ соблюдены всѣ выгоды, чистота и покой. Онѣ помѣщаютъ въ себѣ чиновниковъ, служителей придворныхъ и масперовыхъ. На платформѣ, противъ дворца есть также зданія лучшей архитектурѣ: въ нихъ обитають Принцъ Адольфъ и чиновники, копорые для Двора болѣе необходимы. Какъ шѣ, такъ и другія оѣнены рядами липъ и пополей. Въ мѣстечкѣ, на главной улицѣ есть порядочный прахпиръ для проѣзжающихъ и мѣщанское собраніе (bürgerclub), гдѣ пожилые граждане — по общему закону Нѣмецкой Флегмы — пьютъ пиво, курятъ табакъ, рѣшаютъ за газетами

судьбу царствъ, а молодые съ гражданками кружались и рѣзвясь въ вальсахъ.

Дворецъ есть большое чепвероугольное и поперегъ продолговатое зданіе, довольно красивое, съ некрасивыми службами, покрытыми черепицею. Противъ передняго фаса его, за зеленою плацформою, украшенною чистымъ прудомъ съ водометнами и рядами тополей къ споронѣ домовъ, возвышается Люперанская церковь. Наружное зодчество ея прекрасно; во внутренности все величественно, все соотвѣтствуетъ высокому предмету богослуженія. Входя въ нее, внимаю небесной музыкѣ, голосамъ Ангельскимъ; эфирные жители слѣпѣли, конечно, сюда, чптобы пѣснославити Творца вселенной. Зрѣніе такъ обмануто искусственными облаками; оркестръ пакъ выгодно поставленъ за ними, чпто не смѣешь и не хочешь разувѣрить себя въ сладкой мечтѣ — и съ сердцемъ, полнымъ благоговѣнія и любви ко Всевышнему, съ восторгомъ неизъяснимымъ, внимаешь небесному хору. Задняя спорона дворца обращена въ садъ. Тутъ представляется вамъ большой, правильно обрѣзанный чепвероугольный лугъ, утѣшающій взоръ бархатной своею зеленью, прямая аллея, теряющаяся въ длинѣ перспективы; справа маленькій, некрасивый домикъ, напоминающій о перемахъ, гдѣ предки наши запирали бѣдныхъ красавицъ;

а съ лѣва дикій лѣсъ. Правая сторона сада не спóитъ почти того, чтобы въ нее заглянуть: развѣ остано́вить васъ въ ней на нѣсколько минутъ прудъ съ островкомъ и домикъ, гдѣ златоперые фазаны разныхъ родовъ обитають многочисленною семьею. Лучшая прогулка съ лѣвой стороны, начиная мимо половины Принцессы Маріи. Сей часъ при входѣ въ садъ найдете маленькій лѣсокъ, въ которомъ разные о́пшѣнки зелени деревъ такъ искусно подобраны, какъ будто на ландшафтѣ собственною рукою художника. Лабиринтъ Англійскихъ дорожекъ запутываетъ ваши намѣренія: хотите идти вправо, онъ приводитъ влево, желаете пробраться въ лѣсокъ, и очутитесь у церкви. Остановимся же у нее. Вотъ могила, на которой не вижу величественнаго памятника, означающаго, что здѣсь покоится прахъ человека, именемъ своимъ гремѣвшаго въ календарныхъ спискахъ; но по зеленому дерну, ее покрывающему, и безчисленнымъ цвѣтамъ, начинающимъ на ней распускаться, примѣчаю свѣжія заботы дружбы или родства. Тутъ покоится прахъ Русскаго Офицера Графа Мусина-Пушкина; онъ умеръ на полѣ чести и славы, оплакиваемый нѣжнымъ братомъ и военными товарищами. » За васъ, друзья, и свободу народовъ! « сказалъ онъ, и испустилъ послѣднее дыханіе:—смерть

завидная для всякаго рабника, несущаго жизнь въ жертву Отечеству и пользѣ согражданъ *. — Маленькая церковь стоитъ вниманія: она готической архитектуры и очень искусно отделана. Лучи солнца, играя въ ея разноцвѣтныхъ стеклахъ, кажутъ ихъ вамъ за прозрачные изумруды, яхонты и сафиры. Въ продолженіе прогулки по остальной части сада, который есть дикій лѣсъ, займутъ васъ памятники, посвященные Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и матери нынѣ царствующаго Герцога; водопады съ шумящими каскадами, нарушающими мрачную тишину сихъ мѣстъ, звѣринецъ, гдѣ скачутъ серны, легкія какъ горный вѣтеръ, и наконецъ домикъ, гдѣ Сестра нашего Государя любила чаще быть и кормить изъ своихъ рукъ семейство голубей. И донынѣ не покидаютъ они любимаго жилища своей благодѣтельницы, и помнымъ воркованіемъ изъясляющъ, кажется, по Ней грусть свою. Домикъ сей есть сквозная галерея: она очень красива снаружи, а внутри убрана всѣми любимыми вещами покойной Великой Княгини. Она бываетъ заперта весь годъ, и только въ день Ея рожденія отворяется и посѣщается шѣми, которые благого-

* При списываніи сихъ записокъ, я помѣстилъ теперь могилу Графа Пушкина, ибо опрывокъ, въ которомъ описана смерть его, поперянь вмѣстѣ съ другими.

вѣютъ къ ея памяти и любятъ ее по смерти. Въ землѣ Мекленбургской всѣ ее любятъ донынѣ: слѣдственно посѣщпелей въ день сей бываетъ очень много. Повторю еще, что здѣсь не нужно спрашивать о Русской Государынѣ, потому что все о Ней говорятъ, всѣ предметы о Ней напоминаютъ. Особенно, творческой силѣ кисти поручено было передать Ея образъ въ разныхъ видахъ будущимъ вѣкамъ. Тамъ являлся Она, какъ нѣжная мать семейства, среди дѣтей своихъ; здѣсь представлена въ видѣ Флоры, рассыпающей на землю богатые дары свои, окруженной Зефирами, Играми и Смѣхами; шупъ утѣшаетъ взоры въ образѣ Надежды, одною рукою опершейся на якорь, другою показывающей на небо; тамъ опять въ образѣ Царицы отвѣчаетъ привѣтствіямъ чуждаго народа, принимающаго ее съ радостными восклицаніями и общающаго ей любовію своею усладить, сколько возможно, разлуку съ милою родиною; здѣсь снова являлся Она въ одеждѣ Русской поселанки; но и самый сельскій нарядъ не скроетъ, что Она рождена была повелѣвать. Во всѣхъ видахъ она образецъ красоты, любезности и крепости.

Г. Шверинъ, 3 Апрѣля. Герцогъ, желая предоставить всю честь пріема одному Принцу Карлу, отказался ѣхать съ нами въ свою столицу. Одинъ Наслѣдный Принцъ съ супругою своею прибыли сюда, и то черезъ день послѣ насъ. Торжество нашего вѣзда стоить быть описано — хопя для того, чтобы мои соотечественники улыбнулись, смотря на важную фигуру, которую представляю, калясь на колесницѣ временной Фортуны. Мнѣ самому смѣшно, въ торжествѣ семъ, играть ролю Эфестіона; но не я первый и не я послѣдній на чужомъ мѣстѣ!...

За семь верстъ отъ города встрѣтила насъ конная гвардія, состоявшая человекъ изъ двадцати. Она одѣта была, на образецъ Французскихъ жандармовъ, въ синіе мундиры съ пунцовыми обшлагами и въ прехугольных шляпахъ съ высочайшими султанами. Лошади и уборъ на нихъ были щегольскіе. Начальникъ опрѣда сказалъ маленькую привѣтственную рѣчь Принцу, на которую сей отвѣчалъ благодарственною; послѣ чего команда прокричавъ: *vivat!* раздѣлилась на двѣ половины: одна составила нашъ авангардъ, другая поскакала вслѣдъ за нами. За двѣ версты отъ города встрѣчены уже мы были разсыпною конницею: это были граждане съ начальниками уѣзда и города, Ландрапомъ и Бургоми-

спромъ. Они поздравили Принца съ прибы-
 шіемъ въ столицу опцевъ его. Поздравленія
 выражены были съ сердечнымъ краснорѣчіемъ;
 благодарность имъ соопвѣтствовала. Не мно-
 го далѣе, ожидали насъ верховыя лошади въ
 богатыхъ приборахъ. Сѣвъ на нихъ, поскака-
 ли мы въ городъ. У воротъ онаго собраны
 были Шверинскіе жители, малые и большіе,
 старцы и женщины. Народъ встрѣпилъ насъ
 громогласнымъ ура! продолжавшимся нѣсколь-
 ко минутъ. Впереди всѣхъ спояли двѣнадцать
 дѣвушекъ, одна другой прекраснѣе, одѣтыхъ
 въ бѣлое платье съ цвѣточными цѣпами и
 вѣнками. Самая прелестная изъ нихъ сказала
 маленькую рѣчь Принцу такъ искусно, съ та-
 кими пріятностями, что она обворожила бы и
 суроваго Капона. Кого не убѣдитъ такой крас-
 норѣчивый орапоръ? — думалъ я, смотря на
 ея черно-огненные глаза, и между тѣмъ про-
 пущилъ было для моей каршины самую сча-
 стливую черпу—минуту, въ которую *прекрас-*
ная надѣла лавровый вѣнокъ на Принца и
 опушала лошадь его цвѣточными перевязьми.
 Ко мнѣ и товарищамъ моимъ подошли другія
 дѣвушки и наложили на насъ такія же цѣпи.
 Въ такомъ нарядѣ, среди многочисленнаго на-
 рода, сквозь котораго лошади наши могли на
 силу продирались, при громкихъ восклицані-
 яхъ, сдѣлали мы наше торжественное вшествіе.

віе въ столицу Мекленбургской области. Квартиры были намъ приготовлены во дворцѣ Наслѣднаго Принца. Зданье не большое, но красивое! Вступивъ въ него, Принцъ долженъ былъ удовлетворить требованіямъ народа, изъясвившаго громкими восклицаніями желаніе видѣть еще сына своего Государя. Онъ исполнилъ сіи требованія, показавшись на балконѣ. Въ сію минуту шляпы полетѣли вверхъ; развѣялись различныя знамена съ цвѣтами Герцогскаго герба и съ разными надписями; раздались шумныя восклицанія: »вивають добрый Герцогъ, Принцъ Карлъ! да здравствуетъ вся фамилія нашего опца! ура Россійскому Императору, нашему Покровителю и Защитнику! ура всѣмъ добрымъ Русскимъ!« Принцъ, поблагодаривъ ихъ, почти со слезами, удалился въ свои комнаты; но волненіе народное продолжалось еще съ полчаса. Какъ скоро оно утихло и толпы разошлись, мы сопровождали нашего Шефу въ старый Герцогскій дворецъ. Тамъ сдѣлалъ онъ короткое посѣщеніе 90-лѣтней теткѣ опца своего (Принцессѣ Улрикѣ Софіи), которая, стоя уже при дверяхъ гроба, лишенная древностію лѣтъ способностей дѣйствовать и разсуждать, оживилась нашимъ приходомъ и сколько обрадована была видѣть Русскихъ, что объявила намъ свое восхищеніе съ присоеди-

неніемъ маленькаго привѣспвія. Послѣ того ходили смотрѣть тамъ же кабинетъ рѣдкостей, карпинныя галлерей и сокровищницу Герцогскую. Сколько памятниковъ искусства, наукъ, художествъ и — богатства, прибавилъ бы я, если драгоцѣнные камни могутъ споять на ряду съ изящными произведеніями ума и вкуса! — Видъ изъ дворца прелестный! Кисть живописца нашла бы здѣсь богатую жапву. Воды обширнаго озера ласкаютъ стѣны дворца, отражающъ въ зеркалъ своемъ городъ, красивые берега съ мызами, садами, рыбацкими хижинами, зелеными пригорками, и теряются наконецъ въ сизой отдаленности.

Мы не можемъ спустить за порогъ нашего жилища безъ того, чтобы не окружили насъ толпы народныя и не привѣспвовали насъ громкимъ ура! и разными другими искренними знаками воспорга и дружбы, какъ на примѣръ: *Русь добра! für ewig freunde! вѣчные друзья! Unseres blut und hertzen für ALEXANDER!* Каждый хочеть имѣть удовольствіе поговорить съ нами о нашемъ опечествѣ, о Московскомъ пожарѣ, о прошедшихъ битвахъ и прочемъ. Поэтому мы не успѣли еще видѣть городъ.

Вчера была иллюминація по всѣмъ улицамъ. Прозрачныя карпины и надписи говорили намъ

о чувствахъ жителей къ своимъ Государямъ и Русскимъ.

Я сей часъ съ бала, даннаго Принцу Миниспромъ Брандтенштейномъ. На ономъ, Наслѣдная Принцесса сдѣлала каждому изъ насъ (Русскихъ) честь пропанцовать съ нами. Фрейлина ея, милая Лютцъ, всегда алѣя розами спыдливоспи, приглашала насъ къ сей чести. Ужинали мы на особенномъ сполѣ, среди цвѣтника Грацій. Каждая изъ нихъ была любезна и прелестна; но всѣхъ прелестнѣе и любезнѣе дочь Министра. Назовите ее Нимфою, Граціею, Флорою, чѣмъ угодно: всякое изъ сихъ именъ будетъ ей прилично. Ни одна изъ нихъ не считала еще двадцатой весны своей. Прелестныя разнымъ образомъ спарались насъ занимають; онѣ пили за наше здорье искромепнаго Шампанскаго; — розы пылали на щекахъ ихъ: — я вспомнилъ Горациа *... и вздохнулъ!

Новый Штрелицъ, 6 Апрѣля. Пупемъ праздниковъ продолжали мы ѣхать сюда съ нашимъ Шефомъ по владѣніямъ опща его. Мекленбургцы, обрадованные видѣть своего Принца, послѣ девяти лѣтъ возврапившагося къ

* Или Батюшкова.

нимъ съ знаками опличія, вездѣ встрѣчали его съ искреннимъ восхищеніемъ. Освѣщенія претворяли самую ночь въ день; родное сердцу сѣвернаго жителя ура не умолкало; пиршества и балы не давали намъ успокоиться. Привѣтствія, свойственныя душамъ добрымъ, знакомили насъ съ утѣшительною мыслію, что мы, въ странѣ гостепріимства и пріязни, собираемъ награды, купленныя мужествомъ, правотою и любовію къ общей свободѣ. Въ путешествіи семъ вѣзлась еще глубже въ сердце моемъ одна изъ первѣйшихъ и неоспоримыхъ истинъ, что любовь народная къ первымъ своимъ Правителямъ есть любовь, вмѣстѣ съ нами и привязанностію къ опцамъ нашимъ рожденная. Возмите примѣръ съ жителя села, сего грубаго сына Природы, не умѣющаго притворяться; посмотрите на него: онъ плачетъ, когда рассказываютъ ему о подвигахъ добраго Государя; онъ желалъ бы облобызать край священной одежды его и — умереть скокойно!

Вчера по утра пріѣхали мы ко Двору здѣшняго Герцога, почтеннаго древностію лѣтъ и единодушнымъ о немъ добрымъ мнѣніемъ всей Германіи. Народъ его не многочисленъ, но все, что только живетъ на землѣ Шпрелицкой, составляетъ семейство, окружающее его своею любовію и благословеніями. Отецъ сво-

ихъ подданныхъ и — доброй, прекрасной Королевы Луизы, могъ ли не возбудить въ душѣ нашей особеннаго къ нему уваженія? Объ Наслѣдномъ Принцѣ ничего не могу сказать. Принцъ Карлъ находится теперь въ Прусскихъ войскахъ: говорятъ, что онъ очень любимъ солдатами. На здѣшнемъ маленькомъ Олимпѣ земномъ вспрѣтился я съ существомъ, достойнымъ украшать небесный — съ существомъ, которые нашелъ я въ дочери Герцога, Принцессѣ Сольмской, прекрасной, живой (но не столько миловидной, какъ покойная сестра ея Королева Прусская). Супруга ея, напропивъ, не наградила Природа слишкомъ пріятною наружностію. Дѣти же сей четы такъ прелестны, что не налюбишься ими. Одного съ торжественнымъ видомъ представила мнѣ мать, какъ крестника Россійскаго Государя. Малышка дышитъ уже воинскимъ духомъ: мечъ, копье, знамя, барабанъ съ нимъ не разлучны. »Я люблю очень Русскихъ — сказалъ онъ матери, указывая на насъ — они сожгли большой свой городъ и не хотѣли сдаться непріателямъ. Когда я вырасту, пойду съ ними воевать, кричать ура! и бить Французовъ.« Маменька поцѣловала за это маленькаго Героя и увѣряла насъ, что она также любитъ Русскихъ. Въ два дни, которые мы здѣсь находимся, она старалась намъ это доказать, по-

казывая къ намъ особенное вниманіе, занимая насъ въ концертѣ, за обѣдомъ, и не упустивъ ни одного случая польстить самолюбію *Гиперборейцевъ*. . . Какъ я замѣнилъ, она съ особеннымъ удовольствіемъ проводитъ время во многолюдномъ обществѣ; супругъ же ея, напротивъ, любитъ уединеніе. Онъ имѣлъ дачу близъ Новаго Шпрелица, гдѣ прелестные часы его жизни протекаютъ въ бесѣдѣ — съ фазанами! По желанію Принцессы одинъ изъ многихъ Гофмаршаловъ былъ столько снисходителенъ, что повелъ меня къ здѣшнему ваятелю въ масперскую. Здѣсь показали мнѣ бюстъ покойной Королевы, обманывающій глаза живописію и сходствомъ съ подлинникомъ. И въ мраморѣ дышитъ она неизъяснимою любезностію, и даже въ немъ очаровываетъ сердца! Опъ скульптера путеводитель мой повелъ меня въ лѣсокъ *Коппель*, который мнѣ очень хвалили. Самою престопою его нашелъ я сей лѣсокъ прелестнымъ. Искусство столько старалось въ немъ подражать Природѣ, что себя совсѣмъ забыло и выказало одну послѣднюю. Чистыя дорожки виляютъ по рошицамъ и пригоркамъ, на каждомъ шагу васъ обманываютъ, заманиваютъ къ живописнымъ видамъ, опвлекаютъ опъ ихъ къ новымъ, приводятъ то къ зеркальному пруду, гдѣ красивыя форели спадами плаваютъ, то на бархатную по-

лянку, сиренгами окруженную, гдѣ серны рѣз-
 ваясь во множествѣ, не боясь присутствія гу-
 ляющихъ. Смоля, въ какомъ мирѣ живутъ
 здѣсь люди съ живописными, вспомнишь и не-
 вольно вздохнешь о жилищѣ перваго человека.
 Надобно при семъ отдать справедливостъ Гер-
 манскимъ постановленіямъ, запрещающимъ пре-
 вожить безъ пользы спокойствіе робкихъ жи-
 телей лѣсовъ, и похвалить должно правила,
 здѣшнимъ лѣсничимъ и охотникамъ данныя.
 Имъ предписано, въ случаѣ нужды, убивать
 звѣря огнестрѣльнымъ оружіемъ, стараясь за-
 спять его одного и положить на мѣстѣ,
 чтобы противнымъ случаемъ не испугать
 прочихъ. Къ похвалѣ сей прибавить должно,
 что здѣшніе помѣщики, думающіе о пользѣ об-
 щей, равно какъ и своей, не отвлекаютъ се-
 лянина отъ плуга и семейства, чтобы сдѣ-
 лать изъ него празднаго и порочнаго человѣ-
 ка, не держатъ по эскадрону псарей и по сот-
 нямъ гончихъ и борзыхъ, не кормятъ ихъ по-
 повыми прудами крестьянъ, не топчутъ
 полей и скромнаго участка земледѣльца... Не
 скажу ничего болѣе, и обращаюсь къ прогул-
 кѣ. Послѣ нее останешься такъ доволенъ, буд-
 то провелъ нѣсколько часовъ въ обиталищѣ
 богатой сельской Природы, далеко отъ шума
 и суеты городскихъ.

Нынѣ, за споломъ сидѣлъ подлѣ меня здѣшній

Полковникъ и Командоръ Любскій, Графъ Фоссъ, человекъ очень любезный. Случившееся недавно происшествіе съ дѣтьми его сполько любопытно, что не лѣзя отказатъ себѣ въ удовольствіи сообщить его. Сынъ Графа, одиннадцатилѣтній малюпка, слыша каждый день повѣствованія объ единодушномъ вооруженіи Германіи, о святоспи долга cadaго сына опечества нести ему въ жертву спокойствіе и жизнь, о рвеніи всѣхъ соспояній освободиться отъ ига чужеземцевъ; воспламенясь сими разсказами, положилъ въ умъ своемъ, во что бы то ни спало, вступишь въ ряды ополчающихся. Съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ сообщаетъ онъ десятилѣтней сеспрѣ намѣреніе свое. »У него еспъ конь, во всемъ ему послушный и гошовый съ нимъ въ огонь лепѣтъ; дѣтскія копье, сабля, шлемъ и щипъ подъ его распоряженіемъ, эскадронъ гусаръ формируется въ Новомъ Шпрелицѣ; все споспѣшествуетъ его предпріятіямъ! Явишься къ начальнику новобранцевъ, бышь приняпу въ число ихъ, и надѣлашь чудеса храброспи—дѣло легкое и прекрасное!« Такъ начерпываетъ онъ свой рыцарскій походъ — и, въ маленькой головѣ его, уже нѣсколько Французовъ лежатъ безъ головъ! Сеспра, убѣжденная его орапорствомъ, хочетъ приняшь, хотя малое участіе въ его подвигахъ, обѣщаетъ во всемъ ему по-

мочь и хранишь геройское предпріятіе въ глубокой тайнѣ. Три дни проходятъ въ разныхъ пригопвленіяхъ, какъ то: въ приведеніи въ порядокъ грознаго воинскаго вооруженія и конскаго снаряда, въ снабженіи пухевымъ продовольствіемъ небольшой копомки, въ вышиваніи девиза на шпандартѣ для молодаго рыцаря и въ прочихъ запѣяхъ, какія только дѣши съ живымъ воображеніемъ изобрѣспи въ такомъ случаѣ могутъ. Все это дѣлается по-таенно опѣ домашнихъ; никто изъ послѣднихъ не подозрѣваетъ даже, чѣобы дѣшямъ пришло въ голову чѣо нибудь подобное. На четвертый день, часу въ пятомъ за полночь, когда сонъ покоилъ еще всѣхъ въ домѣ, дѣвочка — по сдѣланному условію — прокрадывается въ горницу, гдѣ ожидалъ ее братъ, вооруженный съ ногъ до головы; провожаетъ его въ конюшню, помогаетъ ему сѣсть на маленькаго Буцефала, отправляетъ его въ путь чести и славы съ благословеніями, и возвращается къ своей постели безъ шума, не будучи никѣмъ примѣчена. Но упру дядька одиннадцатилѣтняго героя, не нашедъ его въ постели, поднимаетъ тревогу въ домѣ. Можно вообразить о безпокойствѣ отца и матери. По исчезнувшему борзому коню догадываются о побѣгѣ; тотчасъ по всѣмъ дорогамъ разосланы гонцы. Вспомнивъ нѣкоторыя обстоя-

тельствва прошедшихъ дней, начинаютъ подозрѣвать въ сообществѣ малюпку и пребываютъ ее къ родительскому прибуналу. Ее допрашиваютъ; но ни угрозы, ни ласки не могутъ поколебать ея вѣрности: пвердая въ своемъ словѣ, она во всемъ запирается. Наконецъ по слѣдамъ и разспросамъ опыскиваютъ путь бѣглеца, догоняютъ его уже за двѣ мили (14 верстъ) отъ деревни Графской и приводятъ въ слезахъ домой. Геройское предпріятіе кончилось тѣмъ, что господина рыцаря и сообщницу его пожурили, какъ должно; осыпали ихъ попомъ поцѣлуями и — сдѣлали для нихъ дѣтскій турниръ, гдѣ маленькій побѣдитель былъ награжденъ изъ рукъ сеспры лавровымъ вѣнкомъ, и отъ родителей подарками *.

25 Апрѣля **. Купузова не спало! Вѣспѣсія бѣжитъ изъ города *** въ спанъ, изъ дво-

* За симъ не доспаютъ слѣдующія записки: 1 Присяга волонтеровъ въ *Кюстровѣ*, описаніе *Ростока*, завпракъ съ Шведскимъ Генераломъ на корабль *Елень*; 2 Бани морскія въ *Добранѣ*, видъ моря, и 3 Праздникъ, козакамъ данный Мекленбургскимъ Дворомъ, торжество побѣды, подъ Люпценомъ одержанной, Изюмскіе гусары на балѣ и прощаніе съ жителями Лудвигслуста.

** Опрывокъ сей сочиненъ въ видѣ небольшой рѣчи, копорая должна была прочтена быти въ кругу военномъ.

*** Князь Смоленскій умеръ въ Шлезскомъ городѣ Бунцлау, 16 Апрѣля.

рца въ хижину и наполняетъ все уныніемъ. Одинъ передаетъ другому сіе печальное извѣстіе, какъ будто лишился единственнаго друга или опца, какъ будто потерялъ съ нимъ все, что имѣлъ драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ. Иный отвергаетъ слухъ сей, чтобы продлить хотя на малое время сладкое заблужденіе, что Герой живетъ еще среди преданнаго ему войска; другій, соразмѣряя печеніе его жизни съ безсмертіемъ дѣлъ его, не вѣритъ, чтобы грозная коса смѣла прервать священную нить ея, чтобы опъ сего опличнѣйшаго мужа Природа попребовала себѣ дани на ровнѣ съ полною простыхъ смертныхъ. Но всеобщее сокрушеніе удостовѣряетъ насъ, что Купузовъ болѣе не существуетъ. Союзные Цари погрузились въ темную думу: кому поручатъ великое бремя Предводителея войскъ, и кто съ полною увѣренностію на свои дарованія и опытность предпріиметъ довершить подвигъ, столь славно Исполиномъ нынѣшней войны начатый и продолженный? Германія, за ранѣе предупрежденная молвою о славѣ дѣлъ его, давшая ей съ восхищеніемъ дорогу между своими народами, готовая уже совершенно преклонить вѣсы на священную сторону, обаялась вдругъ нерѣшимостію, и съ сомнѣніемъ ожидаетъ, кто замѣнитъ Вождя, исполнявшаго лучшія ея надежды. Между полководцами хо-

дипъ уже проснувшая зависть и прельщаетъ ихъ мечтами честолюбія: ибо войско лишилось того, который неоспоримою славою заставилъ ее умолкнуть; ибо не стало уже Генія, умѣвшаго соединить въ пользу общую умы безпокойные и несогласные. Здѣшній селянинъ, какъ будто увидя надежду полей своихъ съ нимъ погибшею, останавливаетъ соху на недокончанной браздѣ. » Кто защититъ плоды трудовъ моихъ — восклицаетъ онъ — когда судьба опняла у насъ защитника? « Мать ведетъ дѣтей своихъ ко гробу великаго: » онъ былъ спаситель своего Опечества — говоритъ она — поклонитесь праху его и молитесь, чтобы Всевышній послалъ нашей родинѣ подобнаго заступника! « Но кто можетъ словами предсавить сердечное сокрушеніе Русскихъ воиновъ? Одни, полагая его только на одрѣ тяжкой болѣзни, проспираются на помостѣ храма и молятъ Всеблагаго, цѣною собственнѣй ихъ жизни, сохранить дни Вождя любимаго; другіе отдають послѣднюю леппу для возженія фимиама предъ образомъ грознаго Предводителя небесныхъ силъ. Тотъ, прижавъ со слезами драгоцѣнный наперсный крестъ къ устамъ своимъ, передаетъ попомъ сію святыню, для облобызанія, товарищамъ своимъ, и рассказываетъ, какъ покойный Князь, на канунъ общаго боя, обмѣнялся симъ кре-

спомъ на мѣдный солдатскій, копорый послѣ того носилъ подъ звѣздами, опъ первыхъ Государей міра полученными; сей завѣщаетъ преспарѣлымъ родителемъ, какъ лучшее свое сокровище, серебряную монету, пожалованную ему недавно собственными руками Фельдмаршала. Иный, въ прогашельныхъ воспоминаніяхъ, проходитъ длинный рядъ годовъ, проведенныхъ въ служеніи Царю и Опечеспву подъ начальствомъ великаго, и считаесть годы сіи побѣдами, имъ спяжанными; другій повѣспвуесть о любимыхъ его изреченіяхъ, достойныхъ бытъ преданными потомству, о ласковомъ его обращеніи съ подчиненными, смягчавшемъ суровую жизнь рапника, о прудныхъ походахъ, его нѣжными заботами облегченныхъ. Никто изъ нихъ не можесть безъ слезъ говорить о смерти Свѣплѣйшаго: — въ немъ лишились они Начальника, роднаго имъ по вѣрѣ и языку опцевъ ихъ, роднаго и по любви къ нимъ и неусыпнымъ о нихъ попеченіямъ; въ немъ поперяли Предводителея, копорый, не допуспивъ посрамленія до Христо-выхъ знаменъ, пріобрелъ каждому изъ воиновъ имя хранипеля святой земли Русской. Въ одномъ спанѣ враговъ слышны радоспные клики и поржеспвуютъ смерть Героя: въ немъ видѣли они мечъ Божій, каравшій ихъ опъ полей Бородина до береговъ Эльбы. » За насъ

нынѣ и Судьба! « — провозглашаютъ они въ безумной слѣпотѣ, и веселятся унынію священныхъ легіоновъ. — Нѣтъ! мы не дадимъ смѣяться врагамъ нечестивымъ. Докажемъ имъ при первомъ боѣ, что Купузовъ не умеръ, что онъ живетъ въ духѣ Русскихъ воиновъ и что Всевышній не опниметъ опъ нихъ руки побѣды, доколѣ имя славнаго защитника опечеснѣва не изгладится изъ сердецъ современниковъ и памяти благодарнаго потомства.

Бивуаки подъ Швейдницею, 16 Маія. Я выѣхалъ изъ Лудвигслупа съ Шефомъ моимъ 2 Маія. Обратное путешествіе наше въ главную армію было черезъ Берлинъ * и восточный край Саксоніи, въ которомъ пески и лѣса, не смотря на красивые городки, дѣлали для насъ дорогу скучною и однообразною. — По множеству раненыхъ Прусаковъ, попадавшихъ намъ на встрѣчу по дорогѣ и видѣнныхъ нами въ городскихъ больницахъ, надобно судить, что Люпценское дѣло было жестоко

* Берлинъ заспали мы въ такомъ почномъ положеніи, какъ была Москва за недѣлю до вступленія въ нее непріятеля. 12 Маія Французы находились только за три мили отъ города. Благоразумнымъ распоряженіямъ Кронъ-Принца Шведскаго и храбрости его войскъ столица Пруссіи одолжена своимъ спасеніемъ.

и что подданные Фридерика оправдали въ семъ первомъ опытѣ мнѣніе Европы, взирающей на нихъ, какъ на новый оплотъ прошивъ грознаго потока, спремившагося опровергнуть политическую свободу народовъ. Къ чести Прусскихъ воиновъ долженъ сказать, что раненые ихъ, среди жеспотчайшихъ операцій, не перестаютъ заниматься благосостояніемъ опечесства: они молятъ о жизни для того, чтобы вновь сразиться со врагами и — умереть свободными!

Изъ *Либерозе* былъ я посланъ курьеромъ въ мѣсто пребыванія Главнокомандующаго арміями, опспупавшими опъ *Люшцена*. — Въ *Мускау* забраны были всѣ почповыя и обывапельскія лошади; послѣднюю пару закладывали при мнѣ для Англійскаго курьера, ѣдущаго къ Графу *Випгенштейну*. Смяпеніе въ городъ было общее; ожидали въ него непріателя, котораго передовыя войска находились за нѣсколько миль. Я былъ въ самомъ горестномъ положеніи: дожидаться здѣсь Принца, было бы не исполнить данныхъ приказаній — и для того бралъ я уже въ руки спранническій посохъ, чтобы дойти до первой станціи, гдѣ могъ еще имѣть я лошадей. Англичанинъ, сжалась надо мною, предложилъ мнѣ уголокъ въ своей повозкѣ, только съ однимъ маленькимъ чемоданомъ. Прочее офицерское имуще-

спво принужденъ я былъ оставитъ у Почтмейстера съ пѣмъ, чшобы онъ передалъ его свипѣ Принца, обѣщавшаго ѣхать по моимъ слѣдамъ. Прошивъ ожиданія моего, Принцъ взялъ другой пупъ, и Мускау, съ моими пожитками, черезъ нѣсколько часовъ, достався въ руки непріятеля *. 8 Маія въ полночь прибылъ я въ Герлицъ, гдѣ получивъ свѣжихъ лошадей, отправился съ разсвѣтомъ 9 въ деревню Вуршенъ, полагая найти въ ней главную квартиру. — На почтовой повозкѣ былъ я зришелемъ начала и продолженія Бауценскаго дѣла; былъ свидѣтелемъ, какъ Русская грудь опсстояла высоты Кенитца, Мелтейера и Пиллица. Скоро козаки проводили нагайкою моего почталіона, съ повозкою, на обратную дорогу къ Герлицу, а мнѣ предложили, за бездѣльную плапу, взяшую въ сраженіи непріятельскую лошадь, на копорой поскакалъ я опыскивать 2 Гренадерскую дивизію. Тутъ соединился я съ Шефомъ моимъ, принявшимъ уже надъ нею начальство. — 9 же вечеромъ нача-

* Сей случай доставилъ мнѣ удовольствіе испытать всю мѣру Нѣмецкой честности, копорая должна бы войти въ пословицу. На впоричномъ походѣ нашемъ во Францію 1815 года завъжалъ я въ Мускау, и получилъ отъ Почтмейстера *всѣ мои вещи въ цѣлости!* Такая безпримѣрная черта честности пѣмъ болѣе меня удивила, что Нѣмецъ не могъ и воображать о нашемъ возвращеніи, когда либо, въ его края.

ли мы опсступать. Поздно въ ночь слышны еще были громы, пускаемые съ высотъ, разсыпанныхъ по пупи къ Герлицу. Каждая гора служила успупомъ, о который опирались наши силы. Смопря на сіи высоты въ ночное время, казалось, что сами небеса бросають на враговъ перуны свои. — Опсступленіе союзниковъ есть примѣрное въ лѣтописяхъ военныхъ. Движенія нашихъ войскъ производятъ въ величайшемъ порядкѣ, такъ что они походятъ на манервы, давно выученные — хорошо изъясненные начальниками, совершенно поспигнутые и исполняемые нижними чинами. Ни одного шага даромъ не выигралъ, до сего времени, у насъ непріатель. — Объ Герлицѣ ничего не могу сказать. Все, что въ немъ есть любопытнаго — по крайней мѣрѣ то, что я слышалъ въ два часа, которые въ немъ пробылъ — есть изображеніе окружности свяпаго гроба Господня, въ маленькомъ видѣ, въ одной изъ церквей здѣшнихъ, на подобіе того, который мы имѣемъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, подъ Москвою. Говорятъ, что женщины здѣсь прелесны, и что опсюда произошла пословица: *in Sachsen schöne Mädchen wachsen* (Саксонія есть родина прекрасныхъ дѣвушекъ). Большая часть пѣхъ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, оправдываетъ сію пословицу.

.....

Много бѣлыхъ листовъ оспаеся въ записной книгѣ моей. Часто, расположившись близь бивуачнаго огня, разкрываю ее — и опъ усталости роняя карандашъ на первой начатой спрокъ, дарю Морфея всѣми моими походными замѣчаніями.

Г. Нимчъ въ Шлезии, 10 Іюля. Главная квартира по прежнему расположена около Рейхенбаха. Перемиріе продолжается (оно назначено было до 8 Іюля, но по испеченіи срока, опдалено еще до 4 Августа). Пропивныя спороны пользуясь имъ, гопова новые перуны для новаго рапоборства. Австрія на блюдапельнымъ окомъ смопришъ на сіи пригоповленія и ожидаешъ только случая, чпобы перейши на спорону справедливости.

Мы получаемъ безпрестанно свѣжія подкрѣпленія. Смопры продолжаютъ. Все предвѣщаешъ бипвы ужасныя.

На дняхъ Государь Императоръ съ Прусскимъ Королемъ посѣпили Нимчъ. Первый, будучи встрѣченъ нашимъ Корпуснымъ Начальникомъ, Генераломъ Раевскимъ, спѣшилъ обнять его. Милоспивое обращеніе съ ними Его Величества восхищаешъ Гренадеръ

Справедливая дань, отдаваемая Монархомъ достойному Полководцу предъ лицомъ преданнаго ему войска, есть залогъ новыхъ побѣдъ. Полюбовавшись прекраснымъ карауломъ, даннымъ Ихъ Величествамъ опъ Санкппетербургскаго Гренадерскаго полку, они опправились въ приготовленныя имъ жилища. На другой день, въ 6 часовъ утра, въ семи верспахъ опъ Нимча, на удобномъ полѣ, дѣлали они смопръ нашимъ Гренадерамъ. Наружноспію сихъ войскъ и движеніями ихъ Государи были очень довольны. Сыны Сѣвера въ привѣспвіяхъ любимаго Монарха почерпнули новое мужеспво и силу. Послѣ смопра, Генералъ Раевскій угощаль Ихъ Величества завпракомъ въ близъ лежащей мызѣ Коблау. Садясь за споль, Императоръ вспонилъ о хозяйкѣ дома Баронессѣ Эйгорнѣ, и пригласилъ ее, со свойспвенною Ему любезноспію, взяпъ мѣспо возлѣ Себя. Послѣ завпрака Его Величество изволилъ долго разговаривашъ въ полголоса съ Авспрійскимъ Генераломъ, присланнымъ съ порученіями опъ Двора своего. Говоряпъ, что онъ вѣспникъ при соединенія Авспріи къ священному союзу. — Государь Императоръ и Прусскій Король, удостоивъ въ сей день нѣсколькихъ лестныхъ словъ любезнѣйшаго нашего Полковника Жемчужникова, почпили симъ милоспивымъ вниманіемъ, въ

храбромъ, опличномъ Офицеръ, заслуги и дарованія.

Временемъ отдыха, дорованнаго намъ перемиріемъ, пользуемся слѣдующимъ образомъ. Иногда собравшись полною наѣздниковъ, на перелетныхъ Донцахъ, съ неразлучной нагайкою за плечами, обтекаемъ живописныя окрестности. То на равнинахъ образуемъ эскардоны, пускаемся въ нападенія, рассыпаемся, собираемся, наспигаемъ другъ друга, убѣгаемъ одинъ отъ другаго — и въ сихъ невинныхъ играхъ дѣлаемъ опыты пѣхъ грозныхъ битвъ, копорыя, можетъ быть, многимъ изъ насъ будутъ стоить жизни. То отдѣлившись отъ сорапныхъ друзей, ѣду на шумъ зовущаго къ себѣ ручейка. Въ надеждѣ на вѣрнаго коня, спускаюсь съ крупной горы, рядомъ съ грозною опасностію и вслѣдъ за нею. За то, какъ прилпно достигнуть, сквозь препятствій, цѣли своихъ желаній; какъ сладостно любоваться съ твердой земли прошедшими ужасами! Не рѣдко, слѣдуя за стопами своенравнаго пупника, не хотѣвшаго идти за другими по обыкновенному пупи, запутываюсь въ густотѣ роши. Въ такомъ случаѣ ауканье паспущки, или Тирольская пѣсня, или заунывные отголоски родныхъ звуковъ, служатъ мнѣ проводникомъ, — Почти каждое хорошее упрѣ бываю за приверсты отсюда, въ деревнѣ на сѣрныхъ во-

дахъ. Тамъ часто встрѣчаю Генерала Раевскаго, пользующагося ими. Случается, что онъ пріѣхавъ туда послѣ насъ, оберъ-офицеровъ, и не заспавъ ни одной порожней ванны, дожидается нашего выхода, не приказывая даже своему слугѣ беспокоить насъ извѣщеніемъ, что онъ находится въ передней комнаѣ. — Воды сіи дѣлаютъ много пользы нашимъ раненымъ и другимъ случайнымъ больнымъ.

Чаще всего посѣщаемъ, близъ Нимча, мѣстечко Маріендорфъ, гдѣ поселилось общество Герригутовъ (Herrnhuten). Въ сихъ путешествіяхъ бывають мнѣ пріятнѣйшими сопутниками Адъютантъ Генерала Раевского, Князь Трубецкой, умный, любезный молодой человекъ, и милый Нееловъ, Адъютантъ Генер. Чоглокова. Съ такими товарищами удовольствія получаютъ новую цѣну.

Если вы читали прекрасное описаніе Сарепты путешественникомъ въ полуденную Россію, то можете сдѣлать себѣ понятіе о здѣшней колоніи. » Но воображеніе — говоритъ Г. Измайловъ — не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь. « Правда, нѣтъ такого искуснаго пера, такой волшебной кисти, которыя могли бы передать сей способности ума полную, живую картину завидной жизни Герригутовъ. Видѣть собственными глазами зрѣлище ихъ нравовъ, обычаевъ и жи-

лишь есть наслаждение неизъяснимое; но кто лишенъ сего случая, доволенъ будетъ, когда передадутъ ему, хотя неполное, описаніе ихъ, когда подѣляясь съ нимъ, хотя по поламъ, симъ наслажденіемъ. Заключенный рукою судьбы въ тѣсной клѣткѣ своей счастливъ, порхая и мечтами за вольною птичкою.

Скажите мнѣ: радуется ли васъ, когда, шедши по голой, пустой равнинѣ, услышите отъ встрѣчнаго вамъ пупника, что скоро представится вамъ полянка, цвѣтами усыпанная, сверкающій въ долину ручеекъ и красивый пріютъ селянина? — Такъ упѣшала насъ, по дорогѣ въ колонію, мысль, что мы скоро въ ней будемъ. Завидя издали красныя крышки изъ черепицы, предчувствуешь уже какое-то пріятное зрѣлище. Широкая дорога, осѣненная съ обѣихъ сторонъ тополями, на подобіе пирамидъ возносящимися, ведетъ васъ въ колонію съ четверть версты. Въѣзжаете въ мѣстечко, и предчувствіе ваше всѣмъ подтверждается. Улица широкая; чистота на ней чрезвычайная. Дома небольшіе, но почти всѣ двух-этажные; они выштукатурены снаружи и всѣ выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Кажется, что они принадлежатъ одному хозяину, въ одно время строились и въ одинъ часъ окончаны. Вы не найдете здѣсь не только ветхаго дома, но даже такого, который нѣсколько

мрачною наружностію своею наминалъ бы вамъ, что онъ стойтъ уже года три, четыре: вся колонія какъ будто на дняхъ опспрое-на. Если позволено придатъ жизнь зданіямъ, то и я сказалъ бы, что мѣспечко улыбається веснѣ своей. Внутренность домовъ отвѣчаетъ наружности. Взойдите въ первое жилище: къ сапожнику, въ конфектную лавку, къ книгопродавцу, къ сѣдельнику: вездѣ поплъ же порядокъ, та же чистота. Опрятность, радовавшая меня между Нѣмецкими жителями, доведена здѣсь до совершенства: вы найдете ее въ одеждѣ, въ мебели, въ пищѣ и — въ нравахъ здѣшнихъ поселенцевъ. Колонистъ одѣвается просто и чисто; въ праздничные дни бываетъ одѣтъ не чище, но нѣсколько щеголеватѣе. Пріятная наружность его выражаетъ душу благородную и добрую, свободную отъ угнетенія нищеты и высокомерія роскоши; — онъ только тогда хмурится, когда встрѣчаетъ человека въ запачканной одеждѣ и съ черною душою. Высшаго и низшаго состоянія между ними не существуетъ: золотая посредственность всѣхъ уравнивается; излишество отдается нищимъ. Въ разговорахъ ихъ, въ ихъ поступкахъ не замѣпилъ я ничего такого, что могло бы заспавить краснѣть нравственности. Я пріѣзжалъ сюда въ праздники, и не видалъ между ними пьянаго. Въ простые дни,

когда бы не пришли къ Герригупу, всегда за-
спанете его за работою. Трудолюбіе и поря-
докъ суть душа ихъ общества; надобно при-
бавить и честность, потому что вы нигдѣ,
ничего дешевле и прочее не купите, какъ у
колониста. Показывая свой поваръ, онъ дѣла-
етъ это съ усердіемъ, съ желаніемъ вамъ уго-
дить; но не навязывая его, не сердясь, если
онъ вамъ не понравится.

Храмъ молитвы, домъ воспитанія благород-
ныхъ вѣдигъ и больница для бѣдныхъ одни
возвышающіяся надъ прочими зданіями; но во
внутренности ихъ соблюдены попрежнему поряд-
окъ и простота. Почти всякій разъ, какъ бы-
ваю здѣсь, посѣщаю домъ воспитанія. Иногда
заспаю прелестныхъ малютокъ за ученіемъ.
Какая тишина, какое вниманіе къ наставлені-
ямъ учительницы! какое же съ ея стороны
усердіе передаетъ ученицамъ свои собственныя
знанія! Здѣсь не обременяютъ памяти дѣлей
задачею разнообразныхъ уроковъ, чтобы со-
спавить попомъ въ головѣ ихъ мрачный хаосъ
произшествій и наукъ. Что онъ слышатъ во
время ученія, то видятъ, то и чувствуютъ.
Для нихъ Исторія есть зрѣлище добродѣте-
лей и пороковъ, а не подробное лѣтосчи-
сленіе; Географія у нихъ картина міра съ его
обычаями, нравами, силами, богатствомъ и

красотою, а не сборище городовъ, рѣкъ и прочаго; Магематикъ учился онъ не для хвастовскаго рѣшенія задачъ Алгебраическихъ, а для домашняго употребленія; берутъ онъ уроки танцованія, чптобы развязать тѣло, а не оспаривать на балахъ первенство искусства у соперницъ; музыкъ научаютъ ихъ для собственнаго ихъ удовольствія и семейства, въ которомъ судьба укажетъ имъ жить, а не для того, чптобы собирать шумные плески. Искусствомъ руководя своего воспитанницы могли бы гордиться. Вы сдѣлаете имъ угодное, если купите что нибудь изъ трудовъ ихъ у надзирапельницы, попому что деньги, отъ сего выручаемыя, отдаются бѣднымъ. Между ними есть уже нѣсколько дѣвушекъ, готовящихся быть супругами. Быстрый румянецъ на щекахъ и томные, потупленные взоры говорятъ, что пора любить для нихъ приходитъ. Въ школѣ скромности, простоты, трудолюбія и благопворенія воспитанная можетъ ли не сдѣлать счастья честнаго человека, которому сердце на нее укажетъ? Правда, что онъ не найдетъ въ ней ни балеринки, ни музыканши, но получитъ съ нею вѣрную, добрую жену.

Здѣшнее кладбище есть садъ; каждая могила въ немъ есть цвѣтникъ. Вспуная въ

жилище смерти, вы не видите ничего, чтобы вамъ ее напоминало, чтобы пугало васъ грозными ея принадлежностями. Гуляете по пыльнымъ, каштановымъ аллеямъ; разсматриваете маленькія возвышенія, съ которыхъ вѣетъ ароматъ тысячи цвѣтовъ, пріятно для глазъ разсаженныхъ; любуетесь красивыми памятниками, кое-гдѣ между ними выходящими; читаете надписи, дышащія простотою и нѣжностію; покоетесь въ пыши деревьевъ, осѣняющихъ цвѣтныя холмики—и душа ваша наполняется не ужасомъ перехода изъ сей юдоли въ мрачный гробъ, но тихимъ, сладкимъ предчувствіемъ безсмертія. Надобно быть здѣсь въ праздничные дни, чтобы видѣть, какъ полна жизни обитель смерти. Тогда всѣ колонисты, съ семействами своими, собираются на могилы друзей и родственныхниковъ; вспоминаютъ ихъ не выпьемъ, за ранѣе выученнымъ, но поплавленными слезами, тихими вздохами. Въ это время садъ дѣлается напойщимъ гульбищемъ, ходятъ по пыльнымъ аллеямъ, разговариваютъ о добродѣтеляхъ покойныхъ, молчатъ о порочныхъ, и въ сладкой бесѣдѣ объ умершихъ научаются жить.

Г. Нимчъ, 20 Іюля. Военные собраты, здѣсь живущіе при Корпусномъ Штабѣ, собираются часто въ городскомъ саду. Въ числѣ сихъ посѣпипелей бывають Полковники *Писаревъ*, *Княжнинъ* и Баронъ *Дамасъ*: всѣ опличные умомъ и познаніями Офицеры. Первый извѣспень и на липперапурномъ поприщѣ. Иногда Корпусный нашъ начальникъ Генералъ Раевскій украшаетъ своимъ присутствіемъ бесѣду, собирающуюся въ здѣшнемъ саду. Душею же сей бесѣды бываетъ Гусарскій Полковникъ Денисъ Васильевичъ *Давыдовъ*, извѣспный парпизанъ и *Пѣвецъ* вина, любви и славы. Нынѣшняя война, примѣрная исполинскими подвигами Русскаго народа, доспойна также замѣчанія по нѣкоторымъ людямъ, рожденнымъ ею съ опличною печатью военныхъ дарований. Можно назвапъ ихъ оригиналами; все въ нихъ особенное, даже спранное — разговоръ, одежда, дѣла ихъ: они создали для себя особенную сферу, и дѣйспвуютъ въ ней для пользы Опечеспва и собспвенной славы. Другой характеръ былъ бы имъ неприличень. Надобно родипся подобно имъ; воспитаніемъ не лзя пріобрѣспъ то, что Природа имъ дала. Всякое подражаніе имъ было бы доспойно смѣха: эпо походило бы на басню звѣрря, ходившаго въ львиной кожѣ. Первый взоръ помѣщаетъ парпизана Давыдова въ число

сихъ знаменитыхъ оригиналовъ; — нынѣшняя война дала ему между ними почешное мѣсто * Ведетъ ли онъ въ рубку Гусаръ своихъ, или козаковъ на славную добычу; рассказываетъ ли анекдоты, поправляя усъ чернобурый въ завиткахъ; славитъ ли въ пѣсняхъ своихъ бивуачную жизнь, пламенный нектаръ и любовь: вездѣ онъ единственныи, неподражаемый Давыдовъ!

Мы составляемъ иногда свой *Оберъ-Офицерскій* кружокъ; рассказываемъ другъ другу, что видѣли, слышали достойнаго замѣчанія въ печеніи прошедшей кампаніи; разсуждаемъ о дѣяніяхъ и характерахъ полководцевъ; не забываемъ въ сихъ случаяхъ и подвиговъ нижнихъ чиновъ. — Сообщаю здѣсь нѣчто изъ того, что почерпнулъ въ сихъ бесѣдахъ.

Обыкновенный полководецъ, смѣшанный въ полкъ ему подобныхъ, ограничиваетъ свои дѣйствія слѣпымъ исполненіемъ данныхъ ему наставленій; умъ его прикованъ къ чертѣ, предписанной ему по необходимости времени, или обстоятельствъ. Но военный Геній, дѣй-

* Первое между партизанами мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ *Фигнеръ*.

спвуя съ благоразумною покорностію въ назначенномъ ему кругу, пворишь другой обзоръ, другое поле для своихъ подвиговъ; обтекая свое поприще орлинымъ полетомъ, онъ назначаетъ мѣсто, гдѣ воспользоваться слабостью стороной врага, чптобы вѣрнѣе поразить его, гдѣ поставитъ новый памятникъ славы своему Царю и Опеческву. Таковымъ видѣли мы всегда Графа *Воронцова*; таковымъ явился онъ въ слѣдующемъ подвигѣ, хотя не вполне совершившемся, но по одной мысли, по одному начертанію достойномъ занять отличное мѣсто въ исторіи нынѣшней войны.

Оспавленный съ небольшимъ опрядомъ, изъ Русскихъ и Прусаковъ состоящимъ, на берегу Эльбы прошивъ Магдебурга, для блокады сей крѣпости, Графъ *Воронцовъ* имѣлъ за нею спрожайшее наблюденіе. Сообщенія между городомъ и непріятельскою арміею были прерваны; курьеры, посылаемые изъ того и другой, перехвачены. Козаки *Мѣльникова* полку, переплывая рѣку съ вѣрными конями своими, возили ужасъ на концахъ своихъ копій подѣспѣны самага Магдебурга. Французы не только не осмѣливались сдѣлать движеніе на Берлинъ — чего опасаться должно было — но содержимые въ безпреспанномъ ожиданіи увидѣть Русское знамя на бойницахъ Магдебурга, приготавлились единспвенно къ собспвенной

защитѣ. Графъ, считая сіе состояніе работъ, въ копоромъ видѣлъ непріятеля, удобнымъ для совершенія, въ споронѣ опъ него, необыкновенной военной спратагемы, могущей принести намъ большія выгоды, спѣшилъ ее исполнить.

Въ Лейпцигѣ оспавлены были Наполеономъ, при самомъ слабомъ опрядѣ, ремонтъ лошадей на нѣсколько эскадроновъ, множество военныхъ снарядовъ, нѣсколько артиллеріи, казенные ящики, магазейны съ провіантомъ и гошпитали. Такая добыча достойна была Русскаго шпыка. Графъ Воронцовъ рѣшился присоединить ее къ другимъ трофеямъ нашимъ, не дѣлая съ своей стороны никакихъ важныхъ пожертвованій.

Между Эльбою и мѣстечкомъ Рослау находился въ распоряженіи Русскихъ соляной заводъ, на коемъ изготовлено было большое количество соли и съ коего хозяева съ приближеніемъ непріятеля удалились. Графъ приказалъ объявить окружнымъ жителямъ, что всякой желающій можетъ за нею прѣхать и брать оной безденежно сколько, сколько поднятъ въ силахъ на лошадяхъ своихъ. Для полученія соли былъ назначенъ одинъ часъ. Сіе объявленіе сколько обрадовало поселянъ, давно нуждавшихся въ одной изъ первыхъ потребностей жизни, что большое число жите-

лей ближайшихъ селъ, побуждаемо или необходимостію или корысполубіемъ, оставило свои дома и въ назначенное время прибыло къ соляному заводу на огромныхъ возахъ, большею частію запряженныхъ въ чепыре сильныя лошади — такъ что воевъ сихъ насчиталось до 500. Пользуясь симъ случаемъ и темнопою наступившаго вечера, по данному приказанію, нѣсколько баталіоновъ вышли изъ закрытаго мѣста и заняли всѣ повозки безъ исключенія, не опуская отъ себя хозяевъ. Послѣднихъ предувѣдомили, что ихъ собственность будетъ сохранена и съ ними поступятъ дружелюбно; — удовлетворить же ихъ пребыванія обѣщались черезъ день. Между тѣмъ для лучшаго закрытія нашихъ движеній оставлена была, на прежнемъ своемъ мѣстѣ, часть опрыда, занимавшая передовые посты. Полковникъ *Красовскій*, всегда готовый угадывать мысли своихъ начальниковъ, храбрый и испытанный Офицеръ, содѣйствовалъ еще болѣе сему маскированію, сдѣлавъ на другой день балъ въ своемъ лагерѣ. Громъ полковой музыки раздавался даже на противоположномъ берегу Эльбы, подъ стѣнами самаго Магдебурга; постыпительницъ пріѣхало очень много изъ округи. Французскіе Офицеры, прельщенные сими веселостями и обезпеченные нашимъ спокойствіемъ, вышли на свой берегъ

съ жипельницами Магдебурга въ такомъ множествѣ, чпо берегъ сей былъ ими усыпанъ. Въ продолженіе ночи Графъ *Воронцовъ*, сдѣлавъ съ лепучимъ опрядомъ своимъ около 60 верспъ, вспрѣшилъ первые лучи солнца подъ спѣнами Лейпцига. Онъ послалъ туда немедленно Офицера съ извѣщеніемъ Французскаго Комменданта о своемъ прибытіи и съ требованіемъ сдать Русскимъ въ нѣскольکو часовъ все, чпо принадлежало одноглавому орлу Франціи;—въ случаѣ же опказа, нѣскольکو тысячъ штыковъ готовы были повпорить сіи требованія въ спѣнахъ самаго города. Къ счастію Французскаго Комменданта, онъ только чпо получилъ опъ своего Императора увѣдомленіе о заключенномъ съ Россійскимъ Государемъ и Королемъ Прусскимъ перемиріи. Безъ сего случая, долженъ бы онъ былъ сдать военноплѣннымъ новому Олегу и принести въ дань его спрапагемъ все, чпо имѣлъ подъ распоряженіемъ своимъ въ Лейпцигѣ. Въ опвѣпъ своемъ доносилъ онъ Графу *Воронцову* о семъ перемиріи и, въ доказательство справедливости своихъ словъ, послалъ къ нему въ залогъ (аманапами) нѣскольکو извѣспнѣйшихъ Офицеровъ. Прибывшій вскорѣ изъ Россійской арміи курьеръ подтвердилъ сіе извѣстіе. Съ сокрушеніемъ сердца Герой опспунилъ опъ Лейпцига.

Повторяю: подвигъ сей, хопя не вполне совершившійся, достойнъ дани уваженія военнаго историка по одной смѣлой и великой мысли начертавшего его Генія *.

13 Юля 1812 года, подъ Островною, непріятельская артиллерія — желая сбить Русскій опрядъ съ поста, который оному непременно удержатъ должно было для пользы движеній прочихъ нашихъ войскъ — дѣйствовала со всѣмъ поспояннымъ ожесточеніемъ многочисленности орудій и со всѣмъ искусствомъ ими управляющихъ. Безпрерывный огонь ея, продолжавшійся нѣсколько часовъ, носилъ гибель и смерть въ ряды Русскихъ. Донесли о семъ Графу Остерману, начальнику опряда, и спрашивали его, чпѣ онъ прикажетъ дѣлать. » Ничего не дѣлать: сказалъ онъ — стоять и умирать! « Конецъ битвы увѣнчалъ успѣхомъ сей геройскій отвѣтъ, достойный споятъ въ Исторіи на ряду съ знаменитымъ изреченіемъ стараго Горація **.

* Анекдотъ сей разсказанъ мнѣ Г. Паулинымъ, Поручикомъ 14 Егерскаго полку, нынѣ Подполковникомъ Л. Г. Гренадерскаго и Адъютантомъ Графа Остермана-Толскаго.

** Сообщено Полковникомъ Жмчжикомъ, и описано уже правдивымъ и достойнымъ безпристрастной хвалы перомъ Г. Ахшарумова. 1820.

Русскій солдатъ славился не одними подвигами на полѣ брани; онъ достоинъ вѣнка и за мирныя добродѣтели. — По окончаніи Бородинской битвы, когда смерть упомилась надъ безчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2 роты своднаго Гренадерскаго баталіона, *Никифоръ Ишутинъ*, присоединяясь къ ротѣ своей, шелъ медленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышнѣ онъ за собою слабыя стоны, которые — казалось ему — звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ поспѣть въ плѣнъ къ непріятелю, распавшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на мѣсто, откуда выносились звуки умирающаго голоса. Тамъ нашелъ онъ роты своей Прапорщика *Франка*, плавающаго въ крови отъ полученной имъ тяжкой раны пулею въ ногу. » Богъ принеси меня къ вашему благородію — сказалъ онъ: дамъ ли я непріятелямъ ругаться надъ вами? « Не смотря на собственную боль, онъ вспащилъ Офицера на плеча свои, и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоценную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненыхъ. Съ сего времени *Ишутинъ* не отходилъ отъ больнаго *Франка*; въ продолженіе отступленія доставалъ ему съ лошадыю повозку, кормилъ его, перевязывалъ ра-

ны и смопрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ Русскихъ войскъ изъ Москвы, не смопря на увѣщанія поварищей и тамошнихъ жителей, онъ не распался съ умирающимъ Офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можемъ бытъ описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ они нашли было себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени злобными пришлецами. Въ семъ случаѣ Франкъ долженъ былъ погибнуть, если бы вѣрный Ишутинъ не вынесъ его изъ огня на плечахъ своихъ, какъ благочестивый Эней отца своего Анхиза *. Обоихъ сохранилъ Всевышній; оба наслаждаются жизнью: одинъ упѣшаясь добрымъ дѣломъ своимъ, другой — радуясь, что можетъ говорить о своей благодарности солдапу-благодѣтелю **.

Кто не знаетъ суровой дисциплины, въ которой содержатъ Козаковъ знаменитый Апаманъ ихъ, Графъ Плаповъ? Одинъ взоръ, одно слово его имѣютъ надъ ними волшебное дѣйствіе. Часто останавливалъ онъ бѣгущихъ,

* Послѣ сего пожара, онъ перенесъ Офицера въ домъ Г. Профессора Горюшкина.

** Самъ Франкъ рассказывалъ мнѣ о чудесномъ избавленіи своемъ. Рядовой Ишутинъ переведенъ былъ въ послѣдствіи времени въ Гренадерскій Графа Аракчѣева полкъ.

показывая имъ только издали грозную нагайку свою; часпо обращалъ ихъ къ побѣдѣ любимымъ своимъ изреченіемъ: *на Донской земль костей не погребу!* — изреченіемъ, съ которымъ сливается все священное для души Козака, съ которымъ никакое краснорѣчіе не можетъ сравниться.

Лаунъ, въ Богеміи, 22 Августа. Великая надежда союзныхъ Монарховъ, надежда самой Франціи — *Моро* скончался. Онъ умеръ пакъ, какъ жилъ — Героемъ.

Генераль *Моро*, совершивъ въ 31 день путешествіе свое изъ Америки въ Европу, поспѣшалъ въ тѣ мѣста, куда взоры и сердца народовъ ожидали его съ неперпѣніемъ. День появленія его въ Прагъ (3 Августа, на канунъ разрыва перемирія) и слѣдующіе за нимъ были днями торжества для жителей и войска. Говорятъ, что прибытіе его произвело нѣкоторое волненіе въ легіонахъ Французскихъ и на чело предводителя ихъ надвинуло мрачныя тучи подозрѣнія. Союзные Монархи на перерывъ спарались доказать славному гостю, сколько онъ Имъ любезенъ и необходимъ для назначенія рѣшительнаго *пира* народной свободы. Россійскій Императоръ особенно умѣлъ сполько, плѣнитъ его Своимъ милоспивымъ

обращеніемъ, что Генералъ забылъ прошедшія бѣдствія свои, изгнаніе, неблагодарность опечесства, разлуку съ семействомъ и друзьями, и казалось, обрѣлъ ихъ въ Русскомъ Государѣ. Онъ называлъ Его всегда лучшимъ изъ смертныхъ *. Вспыхнувшее въ нѣкоторыхъ полкахъ Французскихъ неудовольствіе; невольный восторгъ народовъ; надежда союзныхъ войскъ и предводителей ихъ; увѣренность Монарховъ — все, казалось, предвѣщало, что Генію Моро предоставлено было сказать Европѣ: ты свободна! Но судьба, опредѣливъ славу освобожденія ея другому избранному, расположила иначе.

15 числа, не смотря на сильный дождь, препяпспвовавшій дѣйспвовать огнеспрѣльнымъ оружіямъ, дѣло подъ Дрезденомъ еще къ полдню продолжалось. Россійскій Императоръ, Моро и два Англійскіе Генерала *Каткартъ* и *Вильсонъ*, спояли за Прускою бапареею **, на копорую устремлено было въ лице и въ крыло сильное дѣйспвіе двухъ непріятельскихъ бапарей. Моро находился не далѣе, какъ на четыре шага отъ Государя, рассказывая ему о нѣкоторыхъ такпическихкихъ наблюденіяхъ. Въ сіе время ядро, пролетѣвъ мимо Императора, раздробило совершенно у Французскаго Генерала колѣно лѣвой ноги и, перерѣзавъ по-по-

* Или лучшимъ изъ человекѡвъ: le meilleur des hommes.

** На высотѣ, за деревнею *Рекнитцъ*.

ламъ лошадь, снесло икру другой ноги. Всѣхъ нѣжныхъ попеченій, оказанныхъ ему при семъ горестнѣйшемъ случаѣ Россійскимъ Государемъ, не возможно пересказать. Но ни заботы Монаха, ни искусство извѣстнѣйшихъ медиковъ, ни молитвы народовъ не могли спасти Героя. Онъ скончался здѣсь 20 Августа. Последнія слова его обращены были къ нѣжной супругѣ и Вѣнценосному Благодарителю. Славная смерть его, конечно, украситъ страницу въ Исторіи жизни Русскаго Государя.

Спроки, начертанныя Его Величествомъ вдовѣ знаменитаго Мора, въ изліяніи сердечнаго соучастія въ горестной ея потерѣ, будущъ говорить вѣкамъ грядущимъ о величіи Его души.

Лаунъ, 23 Августа. Гордись, Россія! духъ сыновъ твоихъ побѣдилъ величіе Греціи и Рима. Ты не имѣешь болѣе нужды, въ примѣръ питомцамъ твоимъ, указывать на родину Леонидовъ и Сципіоновъ: ты перенесла ее съ сими Героями на священную твою землю. Попомни твоё, при новыхъ непомѣрныхъ подвигахъ мужества, не будешь болѣе говорить: они сражались и умирали, какъ Спартанцы подъ Термопилами. Нѣтъ! сыны и внуки наши скажутъ тогда: они сражались и побѣждали, какъ Русскіе подъ Кульмомъ.

17 Августа, 8 тысяч Русской Гвардіи встрѣтились въ горахъ Богеміи съ непріятелемъ, пять разъ превывавшимъ ихъ силою своею *. И многочисленность враговъ, и мужество ихъ, многократными боями неутомленное, и самонадеянность ихъ полководца (Вандамма), и защита ихъ самою Природою, проливъ насъ вооружившеюся и спѣснившею нашу малую рапъ между своими грозными успехами: все, казалось, предвѣщало гибель Русскихъ. Но питомцы Сѣвера не считаютъ враговъ; не спрашиваютъ ихъ угрозы Природы; — за нихъ слава имени Царскихъ охранителей; сильны они духомъ и вѣрою во Всемогущаго; ведетъ ихъ Остерманъ, съ ними Ермоловъ — — — и Русскіе славятъ Бога побѣды на горахъ Кульмскихъ!..

Именуя одного Героя сей битвы, именуешь всѣхъ, въ ней бывшихъ. Довольно сказать, что каждый изъ нихъ имѣлъ проливъ себя пять поборниковъ, и каждый остался побѣдителемъ.

Но душою, предводившею мышцами и духомъ сихъ Героевъ; главною твердынею, о которую сокрушились искусство и силы враговъ; первымъ виновникомъ побѣды былъ — Остерманъ. Ему вѣнецъ ея; ему воспоргъ современ-

* Корпусъ Вандамма былъ 40-тысячный.

ныхъ народовъ, неизмѣнная любовь попомспва и безприспраспная дань будущаго Испорика! Богемія одолжена ему своимъ спасеніемъ; Россія — новою спепенью славы! Ермолону принадежитъ вторый вѣнокъ, который не увянетъ подъ зноемъ и бурями временъ, и можетъ быть, получитъ новый блескъ въ рукахъ справедливаго бытописателя. Одинъ, какъ пламенный Леонидъ, готовъ былъ погребсти себя въ горахъ Богеміи за честь Русскаго имени; другій, какъ холодный Мильпіадъ, готовъ былъ дѣйспвовать и распоряжать даже и тогда, когда бы все погибало. Одинъ, хопя вселенная сокрушалась бы и грозила бы подавить его своимъ паденіемъ, взиралъ бы на разрушеніе міра безъ содрогапія; другій, въ семъ случаѣ, искалъ бы еще въ умѣ своемъ средспвъ, какъ опврапитъ паденіе вселенной! — *Остерманъ*, поперявъ руку, не чувспвуетъ спраданій: онъ забылъ себя — онъ мыслитъ только о славѣ своего Опечества. Вынесенный съ мѣста сраженія, готовясь къ труднѣйшей операціи, при дверяхъ гроба — онъ весь еще на полѣ битвы; онъ весь среди храбрыхъ своихъ сподвижниковъ! » О чемъ плачете вы? « — говоритъ онъ съ пвердоспію патриота и Христіанина окружающимъ его — » лѣвая рука у меня лишняя: осталась еще другая для защиты Опечества, служенія Государю и творенія святаго креста. « — По-

теря крови и истощеніе силъ ввергають его наконецъ въ сильный обморокъ. Въ сіе самое время подъѣзжаетъ къ нему Прусскій Король, поспѣшаетъ слѣзть съ лошади, разспрашиваетъ, съ живѣйшимъ участіемъ, сопровождающихъ храбраго вождя о состояніи его раны, и заключая по отвѣтамъ ихъ, что жизнь его въ опасности, Вѣнценосный другъ человѣчества не можетъ удержатъ слезъ своихъ. Но къ общей радости, Герой, черезъ нѣсколько минутъ, открываетъ глаза. Первымъ въ немъ знакомъ жизни есть мысль о Государѣ: — и на краю гроба, въ самыхъ хладныхъ объятіяхъ смерти, сія мысль въ немъ не погасала!

»*Est-ce vous, Sire? L'Empereur mon maitre est-il en sureté?* (Ваше ли Величество вижу? Въ безопасности ли Государь Императоръ?)«— спрашиваетъ онъ Короля Прусскаго, и примѣтивъ слезы на лицѣ Его Величества, силился привсѣпаться, чпобы изъяснить свою признательность, съ сими слезами на всегда въ душѣ его запечатлѣнную *. Принесенный подъ

* Находившись Адъютантомъ при Графѣ А. И. Осперманъ-Толстомъ, я имѣлъ не рѣдко случай внимать искреннимъ выраженіямъ глубокаго уваженія и признательности, хранимыхъ имъ къ Королю Прусскому. Не довольно было ему содержать образъ Его Величества въ душѣ своей: онъ пожелалъ имѣть сей образъ передъ глазами своими—и знаменитый Торвалдсенъ, одушевивъ рѣзцомъ своимъ холодный мраморъ, исполнилъ его желаніе. Бюсты Ко-

сѣнь лѣса, куда не доспигали ядры непріятельскихъ бапарей; повѣря совершеніе операціи молодому Кучковскому, коего фizioномія ему понравилась, — въ самыя минуны, когда готовились опныть у него руку, приказываетъ онъ споявшимъ у лѣску Гвардейскимъ музыкантамъ спѣть Русскую пѣсню. Вскорѣ приносятъ нѣсколько знаменъ, опбитыхъ у непріятеля. При видѣ сихъ профеевъ, взоры Героя блиспають огнемъ радости; — душа его наслаждается воспоргомъ, котораго онъ воздержать не можетъ. » По крайней мѣрѣ умру непобѣжденнымъ! « восклицаетъ онъ голосомъ сердечнаго торжества. — Ермоловъ, принявъ начальство, не охлаждаетъ геройскаго духа Русскихъ воиновъ. » Товарищи! « — говоритъ онъ имъ — » взгляните на храбраго, » израненнаго начальника вашего. Не дайте » смѣяться надъ нами врагамъ. Вспомните о » славѣ прошедшихъ битвъ, о величїи имени » Русскаго; подумайте и о томъ, что поперяте и что прїобрѣстѣ нынѣ можете. На » васъ смотритъ родина съ колыбелью вашихъ дѣтей, съ могилами вашихъ опцевъ. » На васъ взираетъ Самъ Государь, сей драгоцѣнный залогъ, препорученный намъ нынѣ

роля и Королевы Луизы, работы сего славнаго художника, украшають нынѣ домъ Его Сїятельства, въ Пепербургѣ. 1820.

» самими Небесами. Покажите народамъ, что
 » вы истинные пѣлохранители Его; докажи-
 » те врагамъ, что вы Русскіе! « — И войны,
 вновь одушевленные словами и примѣромъ лю-
 бимаго начальника, спремются съ яростію на
 враговъ, разяпъ, гоняпъ ихъ, берутъ въ
 плѣнъ—и побѣда рѣшена! — —

И Русскій въ полѣ спалъ, хваля и слава Бога!

Проѣздъ Графа *Остермана* черезъ здѣшнія
 селенія есть настоящее торжество Героя.
 Жители, спремющиеся толпами видѣть изба-
 вителя Богеміи, покидаютъ свои дома, оспа-
 вляютъ работы свои, заграждаютъ ему дорогу
 и пѣсняпся около него съ благоговѣніемъ.
 Дѣвы усыпаютъ путь его цвѣтами; спарцы,
 слишкомъ слабые, чтобы допачипся до не-
 го, со слезами на глазахъ, проспираютъ къ
 Небу руки, моля Его о сохраненіи дней великаго
 мужа; матери заспавляютъ дѣтей своихъ ло-
 бызатъ края его одежды: вездѣ вспрѣчаютъ
 и провожаютъ его благословеніями; вездѣ
 опдаются слуху и сердцу его имя спасителя
 Богеміи *. — Торжество, достойное истин-

* Опъ лица благодарной Богеміи, за спасеніе ея опъ вра-
 говъ, былъ присланъ въ 1816 году Герою новыхъ Оермо-
 пилъ осыпанный драгоцѣнными каменьями золотый со-
 судъ, который опосланъ имъ въ даръ Л. Г. Преображен-
 скому полку при скромномъ донесеніи Государю

наго Героя, ліющаго кровь свою для пользы
Опечеспва и спокойствія Его союзниковъ —
поржеспво, копорымъ не можепъ наслаж-
дапся честполюбепъ, по прихопямъ своимъ
разрушающій пишину и счаспіе въ семей-
спвахъ!

ИМПЕРАТОРУ О СЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІИ. На сей случай
Его Величество отвѣчалъ ему Рескриптомъ А),
исполненнымъ леспными для Вождя выраженіями, и пре-
проводилъ къ нему драгоцѣнную по *многимъ* опноше-
ніямъ вазу, съ изображеніемъ его въ день Кульмской би-
вы. 1820.

1814.

На высотахъ Монмартра, 6 часовъ по полудни 18 Марта. Еще влѣво опъ насъ, въ корпусъ Генерала Раевского, громы изрѣдка опдаются; вопъ уже упихають, вопъ — и совсѣмъ замолкли! Вправо и у насъ, въ грендерскомъ корпусѣ, все давно молчатъ. Передъ нашимъ спроемъ Московскіе гренадеры, по приказанію Главнокомандующаго, ломають шелеграфъ. Солдаты, разсыпанные въ спрѣлкахъ, собираются къ полкамъ своимъ, ведя за собою по нѣскольку плѣнныхъ Французовъ. Я сижу у окна въ небольшомъ красивомъ домѣ, стоящемъ на гордой высотѣ, многими подобными домиками, мѣльницами и виноградными садами усыпанной. Впереди подъ нами спелелся въ морѣ шумана обширная столица Франціи. Напрягаю зрѣніе, хочу видѣть Парижъ, и вижу одну мрачную кучу зданій, взгро-

можденныхъ, кажется, другъ на друга, и перяющихся вдали сизою, безконечною полосою. Взоры съ удовольствіемъ по носятся надъ шуманной бездной города, по гуляютъ влѣво по зеленымъ берегамъ Сены, или возвращающія въ ряды сѣверныхъ Героевъ, и не знаютъ, гдѣ остановиться. Вдругъ наспунаетъ глубокая тишина!

Главнокомандующій *Барклай де Толли* и Графъ *Милорадовичъ*, Русскій Баярдъ (*Chevalier sans peur et sans reproche*), подъѣзжаютъ къ нашимъ рядамъ и поздравляютъ воиновъ, участниковъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ, со взятіемъ Парижа. Громкое радостное ура! разливается по высотамъ Монмартра. Начальники и подчиненные привѣтствуютъ и обнимаютъ другъ друга; лица всѣхъ блистаютъ улыбкою. Побѣдители, въ упоеніи своей радости, не видя болѣе въ побѣжденныхъ плѣнниковъ своихъ, ищутъ раздѣлиться съ ними наспоющее торжество разными ласками и увѣреніемъ въ скорой ихъ свободѣ. Благородныя души любятъ счастіемъ своимъ дѣлиться съ другими; чувство радости содѣлало всѣхъ друзьями и братьями. Еслибъ я могъ имѣть на свѣпѣ врага сильнаго, непримиримаго, человека, который лишилъ бы меня того, чего нѣтъ дороже для меня въ мірѣ, однимъ словомъ человека, который разлучилъ бы меня на всегда

съ другомъ, или съ милой; если бы онъ пришелъ теперь и просилъ моей руки въ завѣтъ нашего примиренія: я далъ бы ему руку — какъ бытъ? — опдалъ бы съ нею и сердце мое! Увѣренъ, что всякій изъ насъ готовъ сдѣлать то же въ минути нынѣшняго торжества. Посѣщаетъ ли мрачное чувство ненависти душу, наполненную чистымъ воспоргомъ?

Разсказываютъ намъ, что Государь Императоръ, получивъ договоры о сдачѣ Парижа, обнялъ съ восхищеніемъ Прусскаго Короля и сказалъ: *Слава Богу! кровь человѣческая болѣе проливаться не будетъ.* — Священные слова, копорья каждый Царь долженъ вписать въ сердце свое! слова, копорья включены уже золотыми буквами въ лѣтопись великаго Судіи!

Нынѣшнее дѣло было довольно жаркое. Хвала гренадерамъ, рѣшившимъ судьбу центра твердою грудью и безпрепепною душою! Французы узнали въ нихъ побѣдителей при Нови и Требіо и переходцевъ горъ Альпійскихъ. Слава и Вождямъ сихъ войскъ! Начальникъ 2 гренадерской дивизіи Генераль-Лейптенантъ *Паскевичъ*, и Коммандиръ одной изъ ея бригадъ, Генераль-Маіоръ *Писаревъ*, были душою нашихъ опрядовъ. Оба извѣстные своею храбростію, оба любимцы славнѣйшихъ Рус-

скихъ полководцевъ нашего времени и вѣрные
сопутники ихъ побѣдъ; оба сражавшіеся въ
первый разъ одинъ въ глазахъ другаго, иска-
ли, кажется, показать одинъ передъ другимъ,
что общая молва не договорила еще всѣхъ по-
двиговъ ихъ. Какое похвальное рвеніе, какое
примѣрное мужество ихъ одушевляли! Враги
удерживали ли съ упорностію выгодное для
нихъ мѣсто, — являлся Генералъ Паскевичъ,
Герой Вязьмы и Модлина, ободрялъ гренадеръ
взоромъ и словами—и враги немедленно усту-
пали твердыни. Засѣдали ль непріятельскіе
спрѣлки въ домахъ, за густыми деревьями
и за высокими каменными оградами, служив-
шими имъ крѣпостцами, — показывался Гене-
ралъ Писаревъ въ цѣпяхъ нашихъ спрѣлковъ,
водилъ ихъ самъ къ нападенію, не давалъ
быспрымъ распоряженіемъ ихъ движеній оду-
мываться врагу — и сіи же самыя защиты
непріятельскія обращались въ собственную
нашу оборону и нападеніе. Можно сказать,
что онъ рвалъ лавры изъ подъ лезвія смерт-
ной косы. Волновалась ли судьба битвы, —
одно присутствіе, одно слово героевъ рѣшали
ее! Адъютантамъ не нужно было искать ихъ
назади; посланные къ нимъ съ приказаніями не
получали въ отвѣтъ, что имъ нѣтъ времени
и что имъ нужно ѣхать далѣе для перегово-
ровъ съ высшими шефами о полковой эконо-

мін. . . . Напропивъ того, они сами были вездѣ видимы, сами спѣшили туда, гдѣ споръ бипы пребоваѣ ихъ распоряженія и гдѣ опасности вызывали ихъ мужество на труднѣйшее, славнѣйшее поприще. Офицеры и солдаты, смотря на нихъ, не дивились, что шагъ побѣды покупались ими такъ быспро у враговъ, и являсь на высотѣ Монмартра, гдѣ кончались ихъ подвиги, они думали, что начинали только дѣйствовать. Храбрый Аршиллерійскій Полковникъ *Нилусъ*, спокойно разкуривая трубку, бросалъ съ гордой высоты грома на Парижскіе бульвары. Думаю, что не однѣ шифонерки и бонбонерки разлепѣлись въ спороны опъ его грозныхъ посылокъ. Неустрашимый Полковникъ *Жемчужниковъ*, командуя въ сей день Перновскимъ полкомъ, доказалъ, что въ состояніи сдѣлать съ Русскими солдатами начальникъ, извѣдавшій ихъ души. » Кому честь и слава быть первыми въ Парижѣ? « — сказалъ онъ гренадерамъ, указывая имъ на заспаву Бельвильскую. *Намъ!* опвѣчали солдаты храбрыхъ, и ринулись впередъ сквозь тучи пуль и картечь; *намъ!* повпорили другіе, шагая черезъ трупы своихъ и непріятелей — и вскорѣ привѣтное ура раздавалось за врагами Бельвиля *. Московскіе гре-

* Тотъ же самый Жемчужниковъ опличился блистательнымъ подвигомъ въ дѣѣ подѣ Арси (sur Aube), подкрѣ-

надеры славно мспили за столицу, подарившую ихъ своимъ именемъ. Маіоръ ихъ Повало-Швейковскій, распоряжая движеніями всѣхъ гренадерскихъ спрѣлковъ, подвелъ ихъ къ Парижскимъ заставамъ. Когда ему замѣтили, что пуля сорвала эполетъ съ праваго преча его и зацѣпила самое плѣло, онъ сказалъ, улыбаясь: »въ такомъ славномъ дѣлѣ и поперя руки бездѣлица.« — Горбуновъ, Подпоручикъ Московскаго полку, надѣвъ на себя папронную суму съ убилаго солдата и схвативъ ружье его, носился самъ впереди спрѣлковъ своихъ. Грознымъ шпыкомъ свергнулъ онъ съ лошади Французскаго офицера (баталіоннаго начальника) *, не хопѣвшаго, съ нѣсколькими солдатами, сдавшагося ему въ плѣнъ:—видно, что рука и сердце не дрогнули!... Кіевцы и Малороссіяне, слѣдуя примѣру своихъ предводителей, дѣйствовали съ большимъ мужествомъ. Я видѣлъ, какъ молодые солдаты стремились опереживать старыхъ гренадеръ, какъ новобранцы, изспрѣлявъ (не даромъ!) всѣ папроны

пивъ Баварцевъ при деревнѣ Торси (le grand), за что награжденъ знакомъ опличія Св. Георгія 4 степени.

* Имя сего несчастливца узналъ я изъ разныхъ документовъ и писемъ, доставшихся мнѣ послѣ дѣла, съ записною книжкою его. Нѣкоторые изъ сихъ бумагъ довольно интересны по содержанію своему и подписямъ разныхъ особъ, занимающихъ важныя мѣста во Франціи.

свои, прибѣгали къ своимъ начальникамъ съ прозьбою дать имъ новые заряды, и получивъ ихъ, спѣшили на свои мѣста — разить, или умирать. Главнокомандующій, видя, что гренадеры слишкомъ скоро подавались впередъ и пѣмъ опереживали лѣвое наше крыло, прислалъ сказать имъ, чтобы они медленнѣе наступали. Побѣда наша пѣмъ болѣе достойна славы, что куплена у храбрыхъ. Ученики Парижской Политехнической школы дрались въ сей день, какъ молодые разъяренные львенки, у которыхъ опнимаютъ мать ихъ. Въ первый разъ явились они изъ классовъ на полъ брани; ученики сражались съ искусствомъ веперановъ, и умирали героями на пушкахъ, забираемыхъ побѣдителями.

Совершенная сдача Парижа подтверждена новыми извѣстіями. Тѣмъ достопамятнѣе будетъ нынѣшнее число, что Буонапарть, въ прокламаціи своей Французскому народу опъ 18 Марта 1813 года, сказалъ: *»хотя бы союзныя войска стояли за высотахъ Монмартра, я не уступлю имъ ни одной деревеньки изъ областей, вошедшихъ въ составъ Имперіи.«* 18 Марта 1814 года голоса побѣды Союзниковъ разносятся на высотахъ сихъ; завтра вступаемъ въ Парижъ. — Идемъ сей часъ занимать бивуаки въ Бельвилъ.

Что сказали бы вы, почтенные Капеты, вы, основатели Французскаго Царства, и ты, Генрихъ, отецъ своего народа, и ты, великолѣпный Лудовикъ XIV? Какое чувство взяли бы вы, Сюлли, Колберты, Тюрены, Расины и Вольтеры, подпора и слава опечесства своего? Что рекли бы вы, когда спряхнувъ съ себя сонъ смерти, слышали бы радостное ура Славянъ на высотахъ Монмартра? ... Приникни Великій Петръ! и увѣнчай улыбкою Своею достойнаго Твоей Славы Правнука.

Бельвиль, 7 часовъ утра 19 Марта. Бельвиль, большею частію заключающій въ себѣ увеселительные загородные дома Парижанъ, можно уже назвать предмѣспьемъ города,—такъ тѣсно соединенъ онъ съ нимъ; онъ есть припомъ и предвѣспникъ его великолѣпія, щегольства и вкуса. Домъ, занимаемый нашимъ Генераломъ, убранъ рукою сихъ прехъ соупниковъ роскоши. Огромныя зеркала, двадцать разъ опдающія одинъ предметъ; эластическія кушеты и кресла, напоминающія вамъ упонченные нравы вѣка Альцибіадовъ и Аспазій; пышныя постели, копорыя можно скорѣе назвать престоломи любви и нѣги; туалетъ, убранный самими Граціями, конечно для одной изъ сест-

рицъ ихъ, окруженный всѣми богатствами царства Флоры; небольшая библіотека, заключающая въ себѣ всю сущность Французской словесности, подъ самою красивою наружностію; ковры, спорящіе рисунками своими съ Природою; Севрскій фарфоръ, богатые кенкешы щеголеватые фермуары, потайные ящички: однимъ словомъ все, до чего ни допронешься, на что ни взглянешь, создано для тончайшаго услажденія нашихъ пяти чувствъ, для ума и вкуса!

Хозяева дома оставили его на произволъ побѣдителей. Еще свѣжи слѣды ихъ бѣгства: вопль разогнутая книга, на столѣ покинутая; вопль чайный приборъ, который не успѣли еще прибрать къ мѣсту; вопль другія бездѣлки, которыя не трудно бы взять съ собою, но которыхъ унести не имѣли времени: все доказываетъ, что Парижане, обманутые (вмѣстѣ со всею Франціею) краснорѣчивыми упѣшеніями Наполеона, оставались покойными въ своихъ жилищахъ до того самаго часа, какъ начали стучаться у дверей ихъ грозные вѣспники нашей артиллеріи — вѣспники, очень часто посылаемые докладывать Парижу о прибытіи сѣверныхъ госпей. Гдѣ любезный брагнецъ Юсифъ, обѣщавшій городу быть Палладинымъ щипомъ его? Гдѣ корпусы избранныхъ, несомнѣнная защита столицы Франціи? Гдѣ город-

ское ополченіе, герои Пантены и предводители ихъ, сполько храбрые словами? Первый съ сокровищами своими бѣжитъ безъ души во внутренность Королевства; другіе въ смятеніи удаляются къ Фонпенебло; послѣдніе, увы! разошлись по кофейнымъ домамъ—попопляютъ свое горе въ круговыхъ чашахъ. Какъ бы то ни было, вмѣсто бродящаго, опидѣленнаго опъ главной арміи небольшого опряда наѣздниковъ (какъ разглашали Буонапарть и подкупленные имъ журналисты), вмѣсто сего слабаго опряда, цвѣтъ и сила союзныхъ войскъ вступаютъ въ Парижъ. — Хотя Французы называютъ насъ сѣверными варварами, мы однакожъ можемъ похвалиться передъ ними учтивостію: какъ скоро, какъ благородно оплачиваемъ имъ Московское посѣщеніе!... Не думаю, чпобы молодые, праздные наши щеголи, почные подражатели Галльскихъ обычаевъ, оплачивали теперь *такъ вѣрно* свои визиты въ Россіи!...

Отборное союзное войско вступаетъ парадомъ въ Парижъ (говоря безъ риторической фигуры и съ фигурой—какъ угодно!) съ *лаврами*, сорванными въ садахъ его; *бѣлыя* перевязи еще тверже скрѣплены на рукахъ нашихъ. Только Русская гвардія (пѣшая и кавалерія), наши гренадеры и кирасеры, нѣкоторые (два, три не болѣе) Австрійскіе полки и Прусская гвардія, съ ихъ артиллеріею, пользуются честію сего знамени-

паго вступленія. Смотри на сіе войско, нельзя вообразить, чѣмъ оно являлось со сцены жаркихъ битвъ и дымныхъ бивуаковъ: такъ чисто и щегольски оно одѣто, такъ свѣжи, бодры и веселы герои послѣ столь трудныхъ, упоминательныхъ подвиговъ!

Французы, ободренные нашими ласками и милостями Русскаго Монарха, выходятъ уже во множествѣ изъ городскихъ воротъ. Съ довѣренностію приближаются они къ рядамъ, посреди которыхъ не видно ни торжественной колесницы, ни гордаго вѣспника, ни спада плѣнниковъ, готовящихся громомъ цѣпей возвѣщая о славѣ вступающаго въ городъ побѣдителя, собственнымъ уничиженіемъ возвышая его величіе, и именемъ раба покрывая стыдомъ имя братьевъ, женъ и друзей, съ плачемъ ихъ встрѣчающихъ. Скромность и милосердіе Россійскаго Государя, опклонивъ опъ нихъ сіе постыдное для нихъ зрѣлище, готовитъ имъ пріятнѣйшее. Онъ приходитъ разрѣшивъ ихъ узы рабства, а не опягчая новыми; не слава побѣдъ Его занимаетъ, достойнѣйшая Его слава наполняетъ великую душу Его. Жребій войны привелъ меня къ вамъ, « сказалъ Императоръ Александръ Префекту Сенскаго Департамента и Парижскимъ Мерамъ, пришедшимъ къ Нему въ главную кварширу Его въ Бонди: — » Императоръ

вашъ принесъ въ сердце Россіи тысячи бѣдъ-спѣвъ, которыхъ слѣды долго не изгладятся. Справедливая оборона довела Меня до сихъ мѣспъ; но Я слишкомъ далекъ опъ мести. Хочу доказатьъ имъ, что Я пришелъ плащить добромъ за зло. Одного Наполеона почиаю врагомъ Моимъ. Я обѣщаю особенное покровительство городу Парижу, и беру подъ собственное Мое охраненіе всѣ общественныя ваши заведенія: одно отборное войско будетъ въ немъ расположено. Сохраню существованіе вашей народной гвардіи. Вамъ оспается утвердить счастье ваше на будущее время. Вамъ нужно правленіе, которое, давъ спокойствіе Франціи, дастъ его и цѣлой Европѣ; вамъ же предоставлено пожелаъ его и привести въ дѣйствіе. Вы найдете Меня всегда готовымъ поспѣшествоватьъ вашему доброму рвенію. «Такъ вѣщаеъ Александръ Французамъ — и народъ, болѣе побѣжденный Его милостями, нежели силою Его оружія, невольно къ Нему въ плѣнъ влечетъ. О мирномъ расположеніи нашихъ воиновъ къ Французскому народу и милосердіемъ съ нимъ обхожденіи упоминаъ не нужно;—примѣръ Государя священнѣйшій законъ для Его подданныхъ.

Но—вопъ велятъ намъ подвинуться къ городу, и у аллеи, примыкающей къ воропамъ,

дожидаться приказа о вступленіи. Надобно
разстаться съ карандашемъ.

Парижъ, 6 ч. по полудни 19 Марта. Упом-
ленный разнообразіемъ новыхъ, пріятныхъ
предметовъ, не знаю, за описаніе которыхъ
изъ нихъ приняться? Начну съ важнѣйшаго,
незабвеннаго для cadaго изъ насъ предмета.

Всѣ, отъ предводителя войскъ до рядоваго,
ожидали съ какимъ-то сладостнымъ непер-
пѣніемъ вступленія въ столицу Франціи; всѣхъ
взоры и сердца перелепали уже городскія во-
ропа и носились мысленно надъ мѣстами, цѣ-
лю нашихъ неперпѣливыхъ желаній, любезнѣй-
шею мечтою нашею отъ самыхъ младенче-
скихъ лѣтъ, концемъ всеобщихъ бѣдствій и
приспанию нашихъ побѣдъ. Не робкими пуп-
никами, съ посохомъ въ рукахъ, умоляющими
дать себѣ госпепріимство, но смѣлыми побѣ-
дителями подошли мы ко храму искусствъ, на-
укъ, художествъ и вкуса, и пребуемъ, чтобы
показали намъ всѣ ихъ сокровища. Слава луч-
шій проводникъ; ему дозволено свободный входъ
въ палаты Царей и въ мастерскую художни-
ка, въ воинскій станъ и въ хижину мудраго.

Лицемъ стояли мы къ аллеѣ, ведущей къ
столицѣ Франціи, и правымъ крыломъ на-
шимъ примыкали почти къ городскимъ воро-

тамъ. Вдругъ вѣстникъ прискакалъ къ нашему спроу и объявилъ намъ повелѣніе вступитъ въ Парижъ. Тысячи взволновались, радостное жужжаніе разлилось по рядамъ храбрыхъ, раздались командныя слова, и веселая музыка загремѣла во всѣхъ полкахъ. Скоро увидѣли мы полки союзниковъ, церемоніальнымъ маршемъ пробирающіеся въ городъ: Австрійцы шли впереди, за ними слѣдовали Прусаки; гренадеры наши пронулись съ мѣста и попянулись вслѣдъ за ними; Императорская Гвардія, какъ блистательнѣйшее и лучшее войско, довершало шествіе. *C'est un coup de maitre*, говорили неунывающіе Французы: сначала приготовитъ сердца зритель къ удивленію, болѣе и болѣе выигрываетъ надъ ними власти, и наконецъ изумитъ, поразиитъ ихъ!... Мы перешагнули черту городскихъ вѣропъ и, вступивъ въ Парижъ, насладились зрѣлищемъ, которое и позднимъ лѣтамъ нашимъ гоповитъ сладчайшія воспоминанія. Представьте себѣ отборное войско нѣсколькихъ народовъ, въ красивомъ, блестящемъ одѣяніи, съ развернушими знаменами, съ барабаннымъ боемъ и торжественной музыкою вступающее въ побѣжденный городъ; представьте себѣ, что шествъ сотъ тысячъ гражданъ встрѣчаютъ побѣдителей шумными восклицаніями, въ которыхъ благодарность и вмѣстѣ надежда изли-

ваются; вообразите себѣ огромные дома въ пять, шесть этажей, съ низу до верху унизанные людьми всякаго сословія, волнующіеся надъ окнами бѣлые плашки и знамена, усыпанные цвѣтами улицы; прибавьте къ тому прекрасныхъ женщинъ — иныхъ, плачущихъ надъ букетами изъ лилій — другихъ, ласкающихъ воиновъ нашихъ милою улыбкою — старцевъ со слезами радости на глазахъ, искреннія благословенія дѣтей, оглашающіе непрерывно воздухъ клики: » Да здравствуетъ Александръ, освободитель нашъ! да здравствуетъ Вельгельмъ! да здравствуютъ Бурбоны! конецъ честолюбцу! миръ, давно желанный, благословенный миръ! « Соедините все это вмѣстѣ въ умъ и сердце вашемъ, и признайтесь, что ни одно изъ блистательныхъ торжествъ древней и новой Исторіи не представляло зрѣлища величественнѣе и пропагандельнѣе. Какое единомысліе, какое согласіе чувствъ въ такомъ различіи народовъ, въ такомъ смѣшеніи языковъ!... Никто въ часы сіи не смѣлъ изъяснить, что онъ ощущалъ, что онъ говорилъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; но все понимали другъ друга и все казались довольными. Прошедъ безчисленные улицы предмѣстія и самого города (надобно замѣтить, что улицы перваго гораздо шире), бульвары и площадь согласія (la place

de la Concorde), мы повернули въ аллею, разделяющую Елисейскія поля и ведущую къ выходу изъ Парижа. На правой сторонѣ ея спояли Императоръ Александръ съ Королемъ Прусскимъ (Австрийскаго Императора нѣтъ еще въ Парижѣ) верхомъ на коняхъ съ Начальниками Армій, Генералами и Адъютантами. Французы толпились по обѣимъ сторонамъ аллеи, такъ что войска съ трудомъ могли сквозь ихъ проходить. Иные спояли на стульяхъ и скамьяхъ; другіе, чпобы лучше увидѣть Государей, взлѣзали на деревья; прешьи, ободренные ласками Офицеровъ союзныхъ войскъ, присаживались къ нимъ на лошадей; нѣкоторые перлись даже у ногъ Самаго Императора. Il est beau comme un Ange (онъ красивъ, какъ Ангелъ!) говорили Парижскія дамы о нашемъ Государѣ. Доброша небесная написана на лицѣ Его! — прибавляли другіе. Одинъ молодой Французъ (именемъ Тремонпель), стоявшій подлѣ Императора, прочитавъ снисходительность въ глазахъ Его, осмѣлился Ему сказать: какой прекрасный, торжественный день для Васъ, Государь! Но, Ваше Величество, дадите ли намъ миръ? — «Миръ, конечно миръ!» отвѣчалъ великодушный Александръ: «въ дружбѣ, въ счастіи Французовъ нахожу Я Мое торжество.» Голосъ Русскаго Монарха былъ столь вырази-

мелевъ, сполько милоспивъ, что молодой Французъ, въ упоеніи своего восторга, принимался нѣсколько разъ цѣловать руки добраго Государя. — Какъ пріятно Русскому наслаждапсья подобными зрѣлищами—пріятно видѣть, что и чуждые народы умѣютъ поспигапть всю великоспъ души нашего Императора!

По окончаніи церемоніальнаго марша войска начали расходипсья по назначеннымъ для нихъ мѣспамъ; гренадеры наши, составя ружья въ козлы, опдыхаютъ теперь на Елисейскихъ поляхъ. Офицеры наши, прельщенные миловидностію домика подъ вывѣскою: *Jardin d'Isis* (садъ Изиды), стоящаго въ густой аллеѣ Анпень, на берегу Сены, пошянулись шумнымъ роемъ въ жилище Египетской богини. Наружностъ домика насъ не обманула; мы нашли во внутренности ограды его много прекраснаго: во первыхъ, услужливыхъ хозяина и хозяйку, двухъ милыхъ дочерей съ робкимъ взоромъ, съ движеніями ловкими и вмѣспѣ скромными, принимающихъ неждан-ныхъ госпей; во вторыхъ, нашли мы, на самомъ маленькомъ кускѣ земли, прекрасный садикъ, пересѣченный извивистыми, желтымъ пескомъ усыпанными дорожками, которыя ведутъ васъ по къ темнымъ боскетамъ, при-готовленнымъ, кажется, для опдыха самаго

Амура, по къ красивымъ качелямъ, легкою съпнѣю одѣтымъ, по ко множеству другихъ запѣйливыхъ игръ; въ прѣпныхъ — къ вамъ, заспольные Эцикурейцы Московскіе! къ вамъ посылаю вздохъ сожалѣнія, что вы не можете присутствовать теперь въ кругу нашемъ — въ прѣпныхъ, въ одинъ изъ пѣнисныхъ боскетовъ подали намъ вкусные комплеы еп раріllote (въ завипкахъ), чудесно изжаренную пуларду подъ прюфлями, салатъ, благоухающій оливами Прованса и бупылку спараго Бургонскаго! — Разговаривая съ Француженками, спросили мы ихъ: что онѣ думаютъ о сѣверныхъ варварахъ? — «Узнавъ вашего Императора,» отвѣчала одна изъ нихъ (самая любезнѣйшая): »узнавъ васъ, государи мои! надобно признапья, что насъ заставляли ужасно ошибаться на счетъ вашъ. Мы раскрываемъ теперь глаза, и видимъ ясно, что сѣверъ можетъ дать югу уроки милоспи, скромности и любезности.» Отвѣпъ лестный для Русскихъ, пѣмъ болѣе лестный, что онъ сказанъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Парижанами! . . .

Что такое *Елисейскія поля*? — спрѣсите вы — конечно мѣста райскія, очаровательные лѣсочки, шумные ручейки, бѣгушіе другъ ко другу и другъ отъ друга убѣгающіе по волѣ упрямыхъ береговъ своихъ, бархатные

лужки, тысячами цвѣтовъ испещренные, храмы, посвященные любви и нѣгѣ, олтари, памятники, гробы? — Совсѣмъ нѣтъ! Поля сіи нечто иное, какъ зеленый четверугольный лугъ, хорошо расчищенный, хорошо сбереженный, огражденный небольшимъ правильнымъ лѣскомъ; на этомъ лугу стоитъ очень маленькій домикъ, или лучше сказать, порядочно раскрашенная караульня; сверхъ того въ аллеѣ Анпень, принадлежащей къ Елизею, есть три, четыре пракшира, довольно красивые — и болѣе ничего! — Но поля Елисейскія составляютъ одно изъ первѣйшихъ украшеній города! — Это правда, а именно по тому, что находясь въ самой шумной и веселой части Парижа, рядомъ съ прекрасною площадью Согласія, близъ Сены и мостовъ ея, въ виду дворца Тюльерійскаго; онъ почищается пріятнѣйшимъ убѣжищемъ народа въ праздники, въ которые собирается онъ толпами на зеленый лугъ играть въ волавы, въ коньки, шары и прочія любимыя игры. Надобно еще прибавить, что каждый лѣсокъ, каждый садикъ можетъ, среди Парижа, почесаться драгоцѣнностію — среди такого города, гдѣ все застроено и гдѣ каждый аршинъ земли цѣнится золотомъ.

Прекрасенъ видъ съ площади Согласія, а особливо съ мосту того же имени! Стоя

на немъ, видишь впереди слѣдующіе одинъ за другимъ мосты: *Тюльерійскій, Новый, Размѣнный* (*Ponts Neuf et au change*), которые можно считать первѣйшимъ, самымъ щеголеватымъ украшеніемъ города; въ право отъ нихъ возносясь, какъ будто на островъ, готическія башни соборной церкви *Notre Dame* и близъ нее куполь дворца *Юстиціи* (*le Palais de la Justice*); еще правѣ тянуясь, вдоль берега *Сены*, прекрасныя набережныя *Вольтерова* и *Буонапартова*; въ лѣво представляется вамъ великолѣпная *Луврская* колоннада и тамъ же, ближе, *Тюльерійскій дворецъ* съ павильонами своими, съ садомъ и красивою его оградой. Оборачиваюсь назадъ—и дворецъ *Законодательнаго Корпуса* (*le Palais du Corps legislatif*), и *Домъ Инвалидовъ* съ золотымъ куполомъ своимъ и *Елисейскія поля* съ площадью *Согласія* и богатыми ея зданіями не менѣе восхищаютъ мое зрѣніе. Мѣсто это очень живописно; но чтобы насладиться вполне красотою *Парижа* и окрестностей его, надобно взойти на верхъ павильона *Флоры* въ *Тюльерійскомъ дворцѣ*:—такъ сказали мнѣ городскіе жители, и я постараюсь совѣтомъ ихъ нѣкогда воспользоваться.

Французскій народъ смотритъ еще на насъ, какъ на людей, пришедшихъ изъ другаго, совершенно неизвѣстнаго міра. Наши тѣсныя

мундиры, наши шляпы и султаны, обыкновеніе наше крѣпко подтягиваться шарфомъ, порядокъ и однообразіе одежды нашей, все это приводитъ въ удивленіе тѣхъ, которые привыкли видѣть своихъ воиновъ въ широкихъ, свободныхъ, какъ халатъ, мундирахъ, съ высочайшею шляпою à la Суворовъ (какъ они называли въ Италіанскую кампанію), опягченною высочайшимъ султаномъ, въ нижнихъ плапьяхъ различнаго покроя, въ сапогахъ разныхъ формъ и даже въ башмакахъ! Но удивляетъ ихъ болѣе всего то, что нѣкоторые изъ нашихъ Офицеровъ изъясняются прекрасно по Французски и говорятъ на немъ такъ легко, какъ Парижане. Лишь только Французское слово сорвется съ языка котораго нибудь изъ насъ, сей часъ окружаетъ его толпа любопытныхъ, и безпрестанно задаетъ ему тысячи вопросовъ, въ числѣ которыхъ есть очень неразумные и показывающіе большой недоспапокъ въ свѣденіяхъ. Во время прилива и отлива толпы, окружившей меня со многими Офицерами нашего корпуса на площади Согласія, подошла ко мнѣ одна дама, посредственныхъ лѣтъ, довольно дородная и хорошо одѣтая. Вступленіемъ ея со мною въ разговоръ было то, что она жила нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, имѣла свое пребываніе на Кузнецкомъ мосту, была вхожа въ лучшіе до-

мы древней Столицы и часто необходима была для семействъ нашихъ Князей и Графовъ, копорыхъ фамиліи она мнѣ объявила. Когда я исполнилъ передъ нею долгъ учтивого чужеземца, особенно Московипянина, и когда она опъ меня удалилась, я спросилъ стоявшаго подлѣ меня Француза, кто была эта дама. — «Прачка, живущая въ улицѣ Сент-Оноре!» отвѣчалъ онъ мнѣ съ какою-то подозрительною улыбкою. — Здѣсь такія дамы прачки, а у насъ играютъ онѣ ролю знапныхъ выходцевъ, и что горестнѣе всего, берупся воспитывать дѣтей нашихъ. Думаю, что Русскіе, побывавъ во Франціи, открояшъ глаза родспвенникамъ и знакомымъ своимъ на счепъ такихъ дамъ и подобныхъ имъ господъ, копорые у насъ, Богъ знаетъ въ какой чести и въ какомъ уваженіи!...

Первый день пребыванія нашего въ Парижѣ показалъ намъ довольно разительный образчикъ въпренности Французскаго народа. Мы стояли уже съ часъ на площади Согласія и удовлетворяли любопытству Парижанъ, какъ вдругъ увидѣли толпы, бѣгущія на площадь Бандомскую. Увлеченные сипремленіемъ бѣгущихъ и желаніемъ узнать, что было причиной народнаго волненія, мы пуда же подошли. Чпожъ нашли мы? — Нѣсколько смѣльчаковъ взлѣзло на вершину колонны великой арміи

(le colonne de la grande armée), и надѣвъ пеп-
лю на шею колоссальной сапуну Буонапарта,
бросило концы веревки народу, который съ
шумными, радостными восклицаніями гото-
вился уже тащить ее; но караулъ, прислан-
ный вскорѣ опѣ Государя Императора,
просилъ очень учтиво Французовъ позволимъ
занять постъ свой около столпа... » До дру-
гаго времени! « закричалъ народъ, и въ боль-
шомъ безпорядкѣ разошелся. Надобно замѣ-
нить, что на этой же площади, на томъ са-
момъ мѣстѣ, гдѣ сооружена колонна съ изо-
браженіемъ Наполеона, стояло некогда брон-
зовое изваяніе Лудовика XIV, отлитое Келлер-
помъ по рисунку извѣстнаго Жирарда! ... Ко-
лонна великой арміи есть богатый, величе-
ственный и смѣлый памятникъ честолюбія
Буонапартова—памятникъ, который собствен-
ною красою своею могъ бы исполнить же-
ланіе его: предать безсмертію военные его
подвиги и дѣянія служившихъ подъ его зна-
менами воиновъ. На столпѣ изображены глав-
ныя его побѣды, торжественныя вѣзды
и триумфы. Высота колонны 133 футовъ, по-
перечникъ ея 12 футовъ; высота сапуну 12 фу-
товъ. — Площадь Вандомская четверосторон-
ная съ отсѣченными углами; пиласпры и пор-
тики домовъ ея Коринтскаго ордена.

Тамъ же, 20 Марта по утру, Козаки расположили свой станъ на Елисейскихъ поляхъ: зрѣлище, доспойное карандаша Орловскаго и вниманія наблюдателя земныхъ превращенностей! Тамъ, гдѣ Парижскій щеголь подавалъ своей красавицѣ пучокъ новорожденныхъ цвѣтовъ и трепещалъ отъ восхищенія, чистая отпѣль въ ласковыхъ ея взорахъ, спойль у дымнаго ко-спра Башкирецъ, въ огромной, засаленой шап-кѣ съ длинными ушами, и на концѣ спрѣлы жарилъ свой бифштекъ. Гирланды и флеро-вые покрывала замѣнены сѣдлами и космачы-ми бурками. Не куплетамъ спихотворцевъ, воспитанныхъ самими Граціями, наспавленныхъ самимъ Эропомъ, здѣшнія рожицы внимають: онѣ слушають пѣсни Донскихъ трубадуровъ, на хребтѣ дикихъ коней взлелѣянныхъ, на кон-цахъ копій вскормленныхъ и проспою Приро-дою наученныхъ. Воинъ, мечтавшій о первен-ствѣ міра передъ всѣми другими, провозгла-шавшій себя побѣдителемъ вселенной, со спра-хомъ обходитъ лѣсъ копій, перенесенный въ столицу міра изъ степей Азійскихъ. Жандармы и наемная полиція деспота, носившіе грозу и ужасъ между своими согражданами, уступили права свои воинамъ, прилепѣвшимъ съ бере-говъ Дона, Волги и Амура, и разъѣзжающимъ нынѣ около Елисейскихъ полей для охраненія жителей, своихъ непріятелей. Къ симъ чер-

память превратности земной надобно прибавить видъ начатыхъ, при входѣ въ Елисейскія поля и при выходѣ изъ Парижа, прекрасныхъ торжественныхъ воротъ (arc de triomphe), начатыхъ — и очень къ тому недокончанныхъ, какъ будто для того, чтобы ознаменовать собою Наполеоново величiе. Любуясь симъ зрѣлищемъ, читаю въ немъ новое разительное удословленiе, что высокоумiю нашему, забывшему предѣлы человѣчества, всегда Свыше напоминаются они урокомъ жестокимъ — и полезнымъ, когда зрѣли его хотѣли имъ воспользоваться.

Вчера къ вечеру гренадеры перенесли бивуаки свои съ Елисейскихъ полей къ Булонскому лѣсу. » Булонскiй лѣсъ? Боже мой! Расскажи намъ что нибудь объ этомъ паркѣ, знаменитомъ поединками и самоубийствами « — кричатъ мнѣ пламенные рыцари изъ угла мирной спальни своей, изъ подъ розоваго одѣяла.—Погода очень дурна, господа! и для того я не имѣлъ еще охоты заглянуть въ этотъ дедалъ, куда сумасбродные поклонники зеленого стола, часто буйны и рѣже всего пламенника Амурова, ходятъ искать конца жизни, проведенной безъ пользы себѣ и ближнему. Но если вы любите внимать грому — не на полъ брани, не на поприщъ истинной чести и слѣдственно истинной славы — если вы любите

внимать спугу мечей, пистолетнымъ выстрѣламъ, спону умирающихъ, и видѣть трупы, въ крови плавающіе: то разверните новѣйшіе романы, которые такъ скоро расходятся у нашихъ книгопродавцевъ. Можете также удовлетворить своему желанію, заглянувъ въ Парижскіе листки, наполненные ужасными бипвами, а иногда одними спрашными вызовами, которыхъ слава опдается нѣсколько дней въ тамошнихъ кофейныхъ домахъ. Къ утѣшенію же вашему скажу, что Булонекій лѣсъ имѣетъ нѣсколько просѣковъ, доволъ искусно разположенныхъ, что онъ содержишь въ большой чистотѣ, и простирается отъ сѣвера къ югу на 2400 шаузъ (одну Французскую лье), а отъ востока къ западу на 1110 шаузъ. Какое обширное поприще для рыцарскихъ подвиговъ! Сверхъ того бывають здѣсь, нѣсколько разъ въ году, самыя блистательныя гулянья. За мѣсяць, или прежде, до роковаго дня, Парижскія красавицы упражняють ласки къ старымъ поклонникамъ своимъ, жена чаще принимаетъ мужа въ свое опдѣленіе, и молодой повѣса, почти каждый день до утренней звѣзды, возвращается подъ кровъ родительскій: все это для того, чшобы въ день гулянья собрать вѣнки похвалы съ толпы народной и оспорить торжество у соперниковъ — экипажами и лошадьми. Судя по разсказамъ, можно сра-

внѣсь сіи гулянья съ тѣмъ, какое Марьяна роща представляетъ намъ 1 Мая. Говорятъ, что многіе герои праздника въ Булонскомъ лѣсу перемѣняють на другой день ролю свою; изъ гордыхъ требоващелей превращаются въ униженныхъ просителей, и торжественныя колесницы свои отдають за безцѣнокъ неумолимымъ кредиторамъ. Не знаю, дошли ли у насъ богатые тщеславіемъ и бѣдные расчеплиивостію до такой степени безразсудства.

Мы собрались обществомъ въ Парижъ, и для доспавленія насъ шуда наняли огромный фіакръ въ двѣ лошади, превысокія и пощія. Вообразите себѣ экипажъ актеровъ, ѣдущихъ на репетицію, и можете имѣть самое вѣрное понятіе о нашемъ рыдванѣ съ упряжью. Смотри на него, любясь его почтенною древностію, освященною ржавымъ клеймомъ полвѣка, я думаю о томъ, сколь любопытна была бы его исторія. Искусное перо, начерпавъ ее, подарило бы насъ исторіею самаго Парижа отъ послѣдняго несчастнаго Короля Французскаго до взятія столицы. Въ этомъ фіакрѣ мы увидѣли бы, можетъ быть, и палача, обрызганнаго кровью Гусударя своего, и гордаго члена адскаго Робеспієрова судилища, и робкаго кавалера Св. Лудовика, изгоняемаго ужасами гильотины изъ своего опечесства. Въ немъ представился бы намъ: во первыхъ, мамелюкъ пер-

ваго Консула, прибывшій съ нимъ изъ неудачной экспедиціи въ Египетъ; попомъ возгласитель побѣдъ Императора отъ Тага до Оки, взявъ Вѣны, Берлина, Мадрида, Москвы; послѣ того, шпіонъ кровожаднаго самовластителя, присланный съ несчастной переправы черезъ Березину наблюдать, въ продолженіе новой жажды людей, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ и взоромъ Парижскихъ жителей. Наконецъ, въ семь фіакръ мы увидѣли бы себя, то есть шесть Русскихъ Офицеровъ, вѣдущихъ осматривать рѣдкости и красоты Парижа на другой день торжественнаго въ него входа.

Тамъ же, 21 Марта въ 12 часовъ ночи. Только два дни здѣшняя Талія молчала: день, въ который громами рѣшалась судьба столицы Франціи, и ночь, въ который Парижъ принималъ въ свои стѣны побѣдителей. По сему образчику можно судить о любви Французовъ къ зрѣлищамъ и о легкости ихъ характера. Мнѣ кажется, что тайна самаго правленія симъ вѣтреннымъ народомъ состоить въ спектакляхъ. Опыты 18 столѣтія и начало 19 удостоверяютъ насъ въ семъ заключеніи. Не ошибался хитрый самовластитель Франціи, умѣвъ всю славу и величіе народныя представить въ зрѣ-

лицахъ — разумѣя не на однихъ театрахъ, но и въ блестящихъ празднествахъ, въ памяtnикахъ! Ослѣпивъ, оглушивъ Французовъ блескомъ и громомъ ихъ имени и дѣяній, онъ дѣлалъ изъ нихъ, что хотѣлъ. Но — обратимся къ театру.

Нынѣшній вечеръ назначено было въ большой Оперѣ (*le grand Opéra*): Торжество Траяна — пьеса, въ коей соединено все, что искусства и пышность могутъ представить изящнѣйшаго въ декораціяхъ, костюмахъ, танцахъ и музыкѣ; пьеса, нарочно сочиненная для насыщенія честоплюбивой души Наполеона въ счастливыя времена побѣдъ его. Прельщенные разсказами о блескѣ и красотѣ сей оперы, а болѣе слухомъ, что Россійскій Императоръ и Прусскій Король удостоятъ ея представленіе Своимъ присутствіемъ, я поспѣшилъ съ военными товарищами въ театръ въ 4 часа. Многолюдство и пышность, при входѣ въ него, были столь велики, что мы насилу могли продрапаться до билетовъ. Ложи всѣ уже были заняты; съ трудомъ нашли мы себѣ мѣста въ партерѣ, и тѣ на заднихъ лавочкахъ. Сначала досадовали мы на участь свою, но послѣ нашли ее завидною, увидѣвъ, что позади насъ сидѣли иностранцы и наши государственные чиновники, Министры и Генералы (между которыми находился и Князь Трубецкой, одинъ изъ

любимыхъ нашихъ корпусныхъ начальниковъ). Признаюсь, что огромная величина театраль-
ной залы, правильность и красота ея архи-
тектуры, богатство и вкусъ ея украшеній,
особенно пышность Наполеоновой ложи, меня
изумили; но болѣе поразило меня необыкновен-
ное зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ посѣпи-
телей, собравшихся здѣсь со всѣхъ концовъ
Европы. Говоря на разныхъ языкахъ, оплича-
ясь другъ отъ друга одѣяньемъ, нравами, обы-
чаями, несогласныя доселѣ одинъ съ другимъ
въ мнѣніяхъ и чувствахъ, посѣпители сіи
принесли сюда одну мысль, одно чувство: же-
ланіе мира и свободы. Мнѣ казалось, что пред-
спавиптели многочисленныхъ народовъ полуша-
ра нашего пришли праздновать здѣсь сію сво-
боду и благоденствіе рода человѣческаго. Все-
общій восторгъ, произведенный согласными
желаніями, не могъ долго таиться въ сердцахъ
зрителей. Скоро, съ изъясненіями признапель-
ности Французовъ къ великодушному Монар-
ху Россійскому и Вѣнценосному Его Другу со-
единился голосъ любви народной къ законному
Государю. Раздались во всей залѣ громкія во-
склицанія: имена Александра и Фридерика
слились съ именами Лудовика XVIII и Бурбо-
новъ. Сорвана съ Наполеоновой ложи ненави-
стная вывѣска деспотизма, и мѣсто плопояд-
наго орла заняли скромныя лиліи Св. Лудовика

и добраго Генриха IV. Въ партеръ брошены были кокарды бѣлыя; ихъ свапили съ воспоргомъ, и украсились ими при громкихъ рукоплесканіяхъ. Но вдругъ глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ: поднялся занавѣсъ,—актеръ вышелъ на сцену и объявилъ зрителямъ, что, по болѣзни одного изъ собратовъ его, торжество Траяна опмѣняется, а вмѣсто его назначаются Весталки. Надобно было видѣть и слышать въ сіи минуты, какъ всеобщій воспоргъ превратился въ единодушное негодованіе. Вѣсть о несчастной перемѣнѣ въ правленіи не могла бы произвестъ въ народѣ большаго волненія. Дунетъ ласковый зephyръ — и пышная роза чуть качается на стеблѣ своемъ, и челнокъ спокойно капится по зеркалу водъ; дунетъ свирѣтый Борей — и сполѣтніе дубы ложатся вверхъ корнями, и корабли крушатся на преволненномъ морѣ: шакровъ характеръ Французовъ. »Обманъ!« закричалъ единогласно цѣлый театръ. »Траяна! Траяна! или больнаго актера на сцену!« Напрасно употреблялъ актеръ все краснорѣчіе, чіобы увѣрить публику въ истинѣ словъ своимъ: публика была неумолима, требовала Траяна и грозила сценѣ бурей. Театральный вѣспникъ просилъ, по крайней мѣрѣ, позволенія опнеспись о семъ случаѣ къ Императору Александру. »Хорошо! Пусть будетъ, какъ

Ему угодно! « отвѣчали зрители. Въ скоромъ времени актеръ явился опянь на сцену съ объявленіемъ опъ Россійскаго Монарха, что Его Величество не желаетъ предписывать законы публикѣ и предоставляетъ рѣшеніе сего случая ея снисхожденію. » Траяна! Траяна! « повпорили тогда съ большимъ жаромъ тысячи голосовъ, и до тѣхъ поръ не умолкли, пока не появился вновь актеръ на сценѣ съ извѣщеніемъ, что Россійскій Императоръ, уважая причины, побудившія къ перемѣнѣ пьесъ, проситъ публику позволить играть Веспалокъ. » Да будетъ воля Александра исполнена! Веспалокъ! Веспалокъ! « раздалось по всей залѣ—и въ пользу Траяна не было уже ни одного голоса. Наступила глубокая тишина, какъ скоро пробѣжала по театру вѣсть, что Государи пуда немедленно прибдутъ. Всѣ зрители, въ нѣмомъ ожиданіи, обратились взорами къ ложѣ, приготовленной для Ихъ Величествъ надъ амфитеатромъ.

Напрасно старался бы я описать минушу появленія Государей въ театръ: есть зрѣлица, коихъ ни языкъ человѣческій, ни кисть выразить не въ состояніи; есть случаи, производящіе въ насъ такія чувства, въ коныхъ не можешь опдать яснаго опчета. Опишу только нѣкоторыя черты сей картины.

Лишь только Государи вступили въ свою ложу, вспрѣчены Они были громкими восклицаніями и рукоплесканіями, опъ копорыхъ, казалось, споналъ и колебался театръ. » Да здравствуетъ Александръ, нашъ Покровитель, нашъ Миротворецъ! да здравствуетъ Вильгельмъ! да здравствуетъ Лудовикъ XVIII! Миръ и Бурбоновъ! « раздавалось непрерывно во всей залѣ. Мушцины поднимали вверхъ шляпы съ бѣлыми кокардами; женщины и дѣшмахали бѣлыми плапками, бросали въ партеръ лилии. Монархи, различными привѣпливыми движеніями, изъясняли нѣсколько разъ Свою признапельность публикѣ. Наконецъ крики начали перемежапья; всѣ зрипели были пронупы до чрезвычайности; мушцины и женщины закрывали глаза плапками, инья рыдали. Я видѣлъ, слышалъ, какъ вокругъ и позади меня плакали; я видѣлъ, какъ воины, посѣдѣшіе на полѣ брани, не могли опъ слезъ удержапья — и плакалъ самъ, какъ ребенокъ. Повпоряю : такое зрѣлище выше всѣхъ словъ и описаній. Начали играть пьесу, и десяпъ разъ шумные клики и рукоплесканія зрипелей прерывали ее, такъ что актеры безмолвно стояли по нѣсколько минутъ, ожидая времени, когда можно имъ будетъ ее продолжашъ. Казалось, что сцена была мѣспомъ зрипелей, и что самое дѣйствіе происходило

между нами. Публика ловила въ пьесѣ малѣйшее сходство съ обстоятельствомъ времени и все, что могла обратитъ въ привѣтствіе скромнымъ побѣдителямъ. Потребовали извѣстный народный голосъ: *Vive Henri IV!* Сей голосъ имѣетъ въ себѣ особенную прелесть для всякаго, кто любитъ и чтитъ память добрыхъ Царей, для всякаго, кто умѣетъ чувствовать; но для души Француза это Пиевѣ треножникъ. Трогательная, прекрасная музыка, воспоминанія объ Опцѣ народа, о славной и несчастной его династіи, произвели новое волненіе въ зрителяхъ. Нѣсколько разъ требовали сей голосъ, и всякій разъ былъ онъ принятъ съ новымъ восторгомъ. Зрители рукоплескали и плакали. Одинъ изъ актеровъ, пропѣвъ извѣстный куплетъ, въ честь Генриху IV (Французы на все скоры), прибавилъ къ нему экспромпомъ два слѣдующіе:

Vive Guillaume.

Et ses vaillants guerriers!

De notre royaume

Ils sont les boucliers:

• • • • •
• • • • •
• • • • •
• • • • •

• •
•

* Окончаніе куплета не упоминаю.

Vive ALEXANDRE,
 Le modèle des Rois!
 Sans rien prétendre,
 Sans nous donner des loix,
 Ce prince auguste
 A le triple renom:
 De Heros, de Juste,
 De nous rendre Bourbon. B!)

Можно судить, какое дѣйствіе произвели сіи куплеты надъ зрителями, особенно надъ Русскими и Прусаками. Въ продолженіе пьесы, они были нѣсколько разъ повторяемы и всякой разъ сопровождаемы громкими рукоплесканіями.

При выходѣ изъ театра, одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ Государственныхъ во Франціи (Талейранъ-Перигоръ) спросилъ у Россійскаго Императора, оспался ли Онъ доволенъ Французами. » Не сыщу словъ — отвѣчалъ Государь — чтобы выразить вамъ пріятныя на меня впечатлѣнія нынѣшняго вечера. Если бы я могъ имѣть когда мысль дабы почувствовать Парижу бремя войны, то пріемъ, сдѣланный мнѣ жителями его, изгналъ бы ее изъ моего сердца. «

СТРАСБУРГЪ , 12 Юня. Маршрутъ нашъ на Страсбургъ. Почти всѣ Французскія крѣпости, среди грома войны, видѣли союзныя

войска на спѣнахъ и въ спѣнахъ своихъ. Нынѣ Великіе Монархи, уважая права и самолюбіе народныя, милоспивою рукою опклонили опъ нихъ спыдъ узрѣтъ побѣдипелей, возвращающихся на свою родину съ шоржеспвомъ міра и профеями славы. Верспъ двадцатъ опъ Спрасбурга, между симъ городомъ и Гагенау, расположенъ нашъ Московскій Гренадерскій полкъ. Поля здѣсь хорошо обработаны и плодоносны; деревни обширны и многолудны; лица поселянокъ цвѣтупъ здоровьемъ и руки земледѣльцовъ сильны. Чѣмъ ближе къ Рейну, тѣмъ болѣе люди и Природа улыбающся.

Изъ оконъ моего жилища я могъ разсмап- ривапъ шпицъ Спрасбургской колокольни; могъ даже примѣчапъ городъ, проглядывающій сквозъ сизую пелену опдаленности. » Нынѣ дневка, « вздыхая сказалъ я моему Генералу: » по чему не осмопрѣтъ вамъ послѣдній хоро- шій городъ Франціи и заставу ея? « — Поѣдемъ въ него! — опвѣчалъ онъ съ обыкновенною снисходительностію. — И мы черезъ веселыя, обширныя равнины прискакали въ Спрасбургъ.

Внутренность города не соопвѣспивуетъ тому, что обѣщала намъ его наружность. Дома въ немъ высоки, но некрасивы: улицы пѣсны и мрачны; много считающъ въ немъ людей, но совѣмъ нѣтъ такихъ, копорые заслуживали бы вниманіе образованнаго путешественника.

Увидя отрывки здѣшняго гарнизона, я думалъ, что попалъ въ верпепъ разбойниковъ. Спрасбургскіе солдаты и даже *хорошо воспитанные* предводители ихъ оспанавливаютъ на улицахъ Офицеровъ союзныхъ войскъ (пріѣзжающихъ сюда изъ любопытства и въ надеждѣ быть безопасными среди просвѣщеннаго народа), осыпая ихъ низкими бранями и глупыми насмѣшками, которыя дѣлали бы стыдъ и самымъ населенцамъ дикихъ степей. Рассказывали мнѣ, что въ одномъ изъ здѣшнихъ трактировъ нѣсколько Французскихъ Офицеровъ, окруживъ нашего храбраго Полковника Н. . . . , спрашивали его, за какія дѣла получилъ онъ знаки отличія, во множествѣ украшавшіе грудь его, и когда онъ отвѣчалъ имъ, что пріобрѣлъ нѣкоторыя за битвы подъ Бриенномъ, Арси и Парижемъ, они покушались сорвать съ него кресты, и вѣрно dokonчили бы свое гнусное намѣреніе, если бѣ обиженный не сохранилъ всего благороднаго и благоумнаго своего хладнокровія. Французамъ стыдно видѣть на головахъ побѣдителей лавры, пожалыя на поляхъ ихъ опеческа. Для чего же не мѣшали они славной жапвѣ сей? Для чего же нынѣ толпѣ бродягъ, окутанныхъ въ одежду воиновъ, силипся срывать вѣнки, которыми вселенная почпила Героевъ? . . . Напрасно спараются господа Спрасбургцы, въ

безсильномъ и ни для кого не вредномъ гнѣвъ своемъ, сбросить на насъ спыдъ свой: — это басня издыхающей змѣи, которая шипитъ и изливаетъ еще ядъ свой на побѣдоносного царя пернатыхъ, подъ солнцемъ парящаго.

Что заманило насъ въ Спрасбургъ изъ мирнаго нашего жилища? — Колокольня соборной церкви. Для нее прѣхали мы, и первую ее пошли осматривать. Она почиается высочайшею башнею въ Европѣ; вышина же ея 93 сажени. Не лзя не принести дани удивленія тонкому искусству, съ которымъ, на готическій вкусъ, обдѣланъ прозрачный шпигъ ея; не возможно отказать отъ любопытства взойти на ея вершину по извивающейся змѣею лѣстницѣ. На вершинѣ забылъ я усталость — такъ пріятно было на ней находиться! Какая смѣлая высота! какіе прелестные виды! Деревни и рощи вокругъ Спрасбурга чернѣются, какъ почки; ряды горъ сизою, волнующеюся нитью теряются въ отдаленіи. Далѣе зрѣніе отказывается служить мнѣ; будь оно совершеннѣе, и я увидѣлъ бы сѣдые челы Альпійскихъ горъ. Смотри на городъ, воображаешь, что держишь его на ладони своей; взглянувъ на народъ, думаешь видѣть семью муравьевъ, взадъ и впередъ ползущихъ и перебирающихся въ норы свои. Не возможно долго глядѣть въ низъ: голова на-

чинаешь кружиться и сердце замираешь отъ ужаса при одной мечтѣ — слѣпѣшь съ колокольни. — Здѣшніе часы почивались однимъ изъ великихъ произведеній механики. Художникъ поручилъ двѣнадцать Апостоламъ означать части дня и ночи; послушные его искусству, они приходили попеременно извѣщать городскихъ жителей о каждомъ новомъ часѣ. Я хотѣлъ любоваться симъ чудомъ механики; но мнѣ объявили, что оно испорчено. — Большому колоколу здѣшнему дивиться могутъ путешественники, не видавшіе Московскаго. Можно сравнить перваго съ человѣкомъ большаго росту, послѣдняго съ великаномъ. — Тамъ же показываютъ большой охотничій рогъ, копорымъ за 4 вѣка тому назадъ здѣшніе Жиды хотѣли извѣстить непріятеля о времени, удобномъ для занятія города. — Что сказать о внутренности самой соборной церкви? Видѣлъ я въ ней много богатства и — ничего, кромѣ богатства!

Гдѣ поржество искусства? гдѣ безсмертное произведение Пигалы? гдѣ слава рѣзца его и слава Франціи? спросилъ я — и меня повели въ церковь Св. Томы. Въ ней увидѣлъ я все, что искусство Фидіасовъ съ Поэзіей вмѣстѣ произвести могутъ изящнѣйшаго. Если камень можетъ быть одушевленъ творческою силой генія, то признаюсь, что мраморъ Маршала

Графа Саксонскаго полонъ жизни. Пигаль есть
Виргилій въ своемъ родѣ. Вотъ описаніе сего
памятника:

Герой, увѣнчанный лаврами, съ повелитель-
нымъ жезломъ въ рукѣ, безпрепечною ногою
сходитъ по ступенямъ въ раскрытую для него
могилу. Пріобыкшій въ бояхъ взирать на
смерть съ хладнокровіемъ, смотритъ на нее
нынѣ съ презрѣніемъ. Побѣдитель умираетъ
побѣдителемъ. Вправо отъ него лежатъ по-
вержены, въ ужасѣ и смятеніи, при символи-
ческіе звѣря, представляющіе соединенныя
арміи, побѣжденные имъ во Фландріи; знаме-
на сихъ войскъ разметаны тупъ же въ без-
порядкѣ. На лѣвой сторонѣ Геній войны, впе-
ривъ слезящія очи и, кажется, душу свою въ
Героя, обращаетъ къ землѣ свой факелъ. Ге-
ній осыненъ побѣдоносными Французскими зна-
менами. Ниже, на ступеняхъ, женщина пре-
красная, привлекательная, но печальная, силиш-
ся одною рукою удержатъ Маршала, другою
опшпалкиваетъ Смерть. По благородной осан-
кѣ ея, по знакамъ живой горести, какъ не
угадать, что это Франція? Смерть, въ видѣ
оспова, въ густой саванъ окупаннаго, извѣ-
щаетъ Героя, что рѣшительная минута жиз-
ни его испекла съ послѣдней каплею, упадаю-
щею на дно водяныхъ часовъ, которые она
держитъ въ рукѣ своей. Жестокая призы-

ваеиъ себѣ славную жерпву свою и убѣжда-
 еиъ ее спупиъ въ гробъ, для нее нарочно
 раскрытый. Съ другой стороны представленъ
 въ глубокой и важной горести Геркулесъ, ко-
 торый дѣлаеиъ самую выгодную пропивупо-
 ложности со Франціею. Печаль Геркулеса
 еиъ печаль мужа, сохраняющаго твердость
 духа, ему свойственную; Франція огорчена,
 какъ чувствительная, нѣжная женщина, копо-
 рая лишилась милаго предмета, составлявша-
 го всю славу и утѣшеніе ея. Надъ всѣми сими
 фигурами возносятся пирамида изъ дикаго
 мрамора. Внизу гробницы изображенъ гербъ
 Графа, пересѣченный двумя Маршальскими же-
 злами и украшенный цѣпью Польскаго ордена
 Бѣлаго Орла. На главной фасѣ пирамиды слѣ-
 дующая Латинская надпись:

MAURICIO SAXONI

Curlandiæ et Semigalliæ Duci
 summo regionum exercitum præfecto semper
 victori

LUDOVICUS XV

victoriarum auctor et ipse Dux poni jussit.

OBIT XXX. NOV. ANNO MDCCL. AETATIS LV.

То еиъ:

Маврикію (Графу) Саксонскому, Герцогу Кур-
 лянскому и Семигальскому, непобѣжденному

Генералиссимусу Королевскихъ войскъ, Лудовикъ XV, виновникъ его побѣдъ и самъ вождь, воздвигнулъ сей памятникъ.

Онъ скончался (въ замкѣ Шемборъ) 30 Ноября 1750 на 55 году отъ рожденія. «

Извѣстный Профессоръ *Шенфеленъ* сочинилъ было другую Латинскую надпись, которая, по красотѣ слога и содержанію въ себѣ жизни Маршала, знаменитаго писателя и полководца, заслуживала бы скорѣе занять мѣсто на памятникѣ.

Вотъ, что говоритъ Французъ о семъ памятникѣ: « Не надгробный монументъ, но трофеи нашей славы видимъ мы въ семъ богатомъ произведеніи искусства. Френція не перестала еще проливать слезы на прахъ побѣдителя при Фонтенуа, Року, Лавфелдъ и пр; а Герой, спяхнувъ съ себя сонъ смерти, воскресаетъ уже среди торжествъ своихъ: онъ живетъ и присуствуетъ между нами. Чудомъ симъ обязаны мы рѣзцу новаго Праксипеля, покорившаго мраморъ законамъ своего генія. «

Здѣшній Университетъ гремѣлъ нѣкогда успѣхами своими и привлекалъ въ свои стѣны толпу иностранцевъ; но съ того времени, какъ учителя и ученики, надѣвъ прехвальную кокарду и синіе мундиры, вздумали воевать и сдѣлать путешествіе къ снѣгамъ Сѣвера, солнце просвѣщенія уже слабо проглядываетъ на уче-

ное сіе заведеніе и мудрость мудрецовъ здѣшнихъ примѣпно мрачится.

Потсдамъ, 16 Іюля. Нынѣшній маршъ показался намъ веселою прогулкой: такъ прелестна дорога, ведущая къ Потсдаму! Природа покинула скучную однообразность, неразлучную съ нею опъ самага Дессау, и — какъ будто — желая вознаградить свою временную скупость, разсыпала вдругъ щедроты свои на здѣшнюю окрестность. Не величественною, не ужасною она здѣсь является, но миловидною и тѣмъ болѣе прелестною, что она выказывается на каждомъ шагу непостоянною. Чѣмъ ближе къ Потсдаму, тѣмъ виды очаровательнѣе. Деревни, съ садами своими, разсыпаны тамъ и сямъ, какъ цѣпи красивыхъ мызь; пригорки увѣнчаны множествомъ выпреныхъ мѣльницъ и храмами Божьими; мрачные боры мѣняются веселыми лѣсочками; по холмамъ и долинамъ жапы разстилаются золотыми, волнистыми коврами; опущенные зелеными берегами ручейки бѣгутъ въ разныя стороны, мелькаютъ, исчезаютъ, — удержанные плотинами, снова появляются на подобіе озеръ, — низвергаясь шумными водонадами, движутъ мѣльницы и пробуждаютъ окрестность.

Дорога наша тѣмъ пріятнѣе, что мы вездѣ приняты, какъ гости, сердцу милые. При входѣ въ каждый городокъ, даже въ нѣкоторыя деревни, подѣланы торжественныя ворота, убранныя цвѣточными вязями, деревьями, надписями и другими украшеніями. Въ домахъ новыя нечаянныя привѣтствія! Въ числѣ надписей, намъ очень понравилось лаконическое: *ура!* на воротахъ Белица. Ничѣмъ лучшимъ не лзя было насъ встрѣтить, ничего краснорѣчивѣе сказать не возможно было. Попсдамъ привѣтствовалъ насъ надписью: *Willkommen, liebe Brüder!* *Милости просимъ, любезные братья!* — насъ, говорю я, ибо въ этомъ приглашеніи можемъ равно участвовать съ Прусскими войсками. Дружба Русскихъ съ Прусаками, не измѣненная въ продолженіе цѣлой кампаніи (отъ самыхъ береговъ Немена), пріучила насъ, ни въ какомъ случаѣ, не отдѣляться другъ отъ друга. Учасіе однихъ всегда почитаемая была общею. Рожденная благодарностію, поддержанная благороднымъ духомъ обоихъ народовъ, дружба сія равно свято сохранялась въ соломенныхъ шалашахъ бивуаковъ, въ сѣчахъ кровавыхъ, на пиру, у смерти и въ побѣдахъ надъ врагомъ общей свободы. Она не охлаждалась неудачами, не усиливалась успѣхами, и въ торжествахъ не была забыта. Можно сказать, что Прусаки съ Русскими вездѣ составляли

одно войско. Никогда имя союзниковъ не было даваемо приличіе и справедливѣе; и если подвигамъ мужества и твердости народнаго характера не посмѣютъ грядущія времена отказать въ удивленіи, то, безъ сомнѣнія, принесутъ онѣ достойную дань уваженія примѣрной дружбѣ двухъ народовъ и дружбѣ ихъ Царей, столько же примѣрной.

Насъ предупредили, что Блюхеръ находится въ Поисдамъ — Блюхеръ, Герой Кацбаха и Бріенна, всегда пылкій и отважный; никогда не показывавшій пыла непріятелю, не перпящій впереди себя ни чужихъ, ни своихъ; у огня бивуаковъ простой солдатъ, довольный сухаремъ хлѣба съ водою, — въ мирномъ кругу друзей своихъ роскошный Лукуллъ, охотникъ до игръ и пировъ; ужасъ для Французовъ, любовь и слава Пруссіи; любовь самихъ Русскихъ солдатъ, привыкшихъ служить подъ его начальствомъ и почитавъ его за своего одноземца. » Брюховъ славный Генералъ — говорятъ наши солдаты — любятъ идти впереди и не балуютъ непріятеля репиродами. Таковъ былъ и бапюшка Суворовъ! « — Гвардейская артиллерія, идущая съ нами, и Московскій Гренадерскій полкъ, нѣсколько обчистившись за городомъ, вошли въ него парадомъ и прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо жилища Пруссаго Героя. Начальникъ отряда,

Генералъ Полуектовъ былъ къ нему приглашенъ. По должности моей, я за нимъ послѣдовалъ. Блюхеръ встрѣпилъ Генерала нѣсколькими лестными словами на счетъ наружности воиновъ нашихъ. *Георгиевская лента*, накинутая на жилету, звѣзда ея и желѣзный крестъ первой степени были единственные знаки отличія, его украшавшіе. . . . Прочая же одежда его была самая скромная одежда Гусара. На слова онъ не распочинелъ.

По широкимъ и правильнымъ улицамъ (изъ которыхъ славится такъ называемая Римская), по высокимъ и красивымъ домамъ, по величественной площади, украшенной великолѣпнымъ дворцомъ, можно назвать Потсдамъ прекраснымъ городомъ: но увидѣвъ, что по этимъ улицамъ ходятъ одни солдаты; узнавъ, что въ сихъ домахъ помѣщается гарнизонъ и что по площади гуляютъ только воинскіе опряды, осмѣлюсь назвать его прекрасными казармами. Сличая нынѣшнее состояніе Потсдама съ описаніемъ его, сдѣланнымъ *Русскимъ Путешественникомъ* въ 1789 году, считаешь Г. Карамзина своимъ сопутникомъ. Кажется, что я гляжу на здѣшніе предметы его глазами. Встрѣпивъ человека незнакомаго, котораго портретъ, чрезвычайно съ нимъ сходный, у меня долго хранился, говорю въ изумленіи: »Боже мой! да я его знаю!» Такимъ же образомъ раз-

смаприваю и здѣшній городъ. Вотъ заключеніе, какое дѣлаеть объ немъ *Русскій Путешественникъ*: »Попседамъ похожъ на такой городъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защищенія. « Небольшую перемену сдѣлалъ бы я нынѣ въ этомъ заключеніи, и сказалъ бы: пуспопа и уныніе Попседама пѣмъ болѣе примѣтны, что настоящіе его жители — солдаты, вышедшіе изъ него для защиты родныхъ предѣловъ, не всѣ еще прибыли въ него.

Въ ожиданіи поѣздки въ Сансуси, я пошелъ разсѣять скуку свою на парадное мѣсто. Зашедши тамъ въ конфектную лавку, не раскаиваюсь. Содержатель ея Итальянецъ; былъ придворнымъ кандитеромъ у Фридерика II; знаетъ объ немъ множество анекдотовъ, и не смотря на зиму дней своихъ, говоритъ объ немъ съ пылкостью юности.

Тамъ же. Съ какимъ благоговѣніемъ смотримъ на памятникъ, хранящій въ себѣ прахъ великаго человека! сколь краснорѣчивъ для сердца нашего самый надгробный камень его! Но мѣста, къ которымъ онъ имѣлъ особенную привязанность; гдѣ онъ являлся со всѣми

слабостями и добродѣтелями своими; гдѣ каждый предметъ носилъ оппечатокъ его вкуса, ума и характера; которому онъ — шакъ сказать — завѣщаль, какъ любимцу своему, какъ вѣрнѣйшему другу, лучшія свои сокровища, свои тайны, славу и памятники домашней жизни: сіе любимое жилище великаго человѣка еще привлекательнѣе, еще краснорѣчивѣе для попомства. Эрменонвиль, Ферней, Званка, буди имѣли особенную прелесть до тѣхъ поръ, пока живи буди имена Руссо, Вольтера, Державина. Сансуси равно безсмертенъ, равно для насъ любезенъ: въ немъ любилъ опдыхатъ опъ грому побѣдъ и заботъ полилики вѣнчанный Герой-Поэтъ и Философъ; въ немъ любилъ онъ бесѣдовать съ мудрецами живыми и мерпвыми, съ изящною Природою и Искусствами. Привязанность его къ сему убѣжищу была самая нѣжная и постоянная: она не охлаждалась среди торжествъ и неудачъ его. »Тоскую по моемъ Сансуси, какъ Израильяне по обѣпованной землѣ« — писалъ Фридерикъ II среди профеевъ своихъ къ Маркизу д'Аржану. — »Когда-то увижу любезное мое уединеніе? Мысленно брожу съ вами по всѣмъ угламъ дома, по всѣмъ садовымъ дорожкамъ« — повпорялъ онъ къ нему же, удрученный заботами тяжкой борьбы съ премо могучими непріятелями. Признаюсь: я горѣлъ

неперпѣніемъ увидѣть жилище, столько любезное Великому Фридрику, и не далъ Генералу моему покоя до тѣхъ поръ, пока не отправились мы въ Сансуси. Дорогой присоединились къ намъ Артиллерійскій Полковникъ Нилусъ, Эпикуреецъ въ любви ко всему изящному, въ какихъ бы родахъ оно ни представлялось ему, и любезный Капитанъ Глуховъ, спраспный поклонникъ великихъ людей. Прекрасныя виды, пріятная бесѣда сократили путь нашъ, и безъ того не длинный. При вѣздѣ въ главную аллею, ведущую къ нагорному дворцу, сердце мое забилося сильнѣе, какъ будто опъ ожиданія встрѣтитъ самаго Фридрика II. Глазамъ не нравился въ аллеѣ уголъ, дающій ей видъ неправильный, и вкусъ невольно ропщепъ на сію погрѣшность въ прекрасномъ цѣломъ. Но сердце радуется, видя здѣсь черту великой души Государя-Человѣка. Уголъ эпомъ сохраненъ единспвенно изъ угожденія бѣдной женщины, не хотѣвшей за большія деньги уступитъ Королю клочокъ земли, издавна принадлежавшій опцамъ ея. Примѣры такого снисхожденія въ пылкомъ Фридрикѣ II, хотя они были въ немъ не рѣдки, заслуживаюпъ, конечно, данн сердечнаго уваженія потомства. У самаго пріѣзда ко дворцу представляется вамъ подобный же памятникъ великодушія его. Помните ли въ его Исторіи мѣльника, копо-

рый, не смотря на всѣ просьбы и щедрыя предложенія Короля, на всѣ угрозы его, не согласился продать свою мѣльницу и, когда разгнѣванный его упорствомъ Государь приказалъ сказать ему, что онъ опниметъ ее силою, отвѣчалъ: *» Не боюсь этаго: насъ разберутъ въ Берлинѣ въ судъ! «* Отвѣтъ, дѣлающій сколько же чести Государю, какъ и подданному его, показывающій въ первомъ строгаго блюстителя законовъ, а въ другомъ твердаго гражданина, повинующагося не страху казни, но правосудію законовъ сихъ. Мѣльница по нынѣ стоитъ на томъ же мѣстѣ, (она кажется обновлена въ правленіе нынѣшняго Короля). Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ дворцомъ, махая и шумя крыльями почти надъ кровлею его, она не нарушаетъ своимъ шумомъ сладкаго сна добрыхъ Царей. — Терраса, вышедшая на площадку, достойна также замѣчанія. На нее часто выносили Короля въ послѣднюю болѣзнь его; здѣсь любилъ онъ смотрѣть на прекрасную Природу и помышлять о вѣчности. Не за долго до его смерти сидѣлъ онъ здѣсь: день былъ прекрасный, солнце во всемъ великолѣпнн своемъ шествовало по лазоревому небу. Долго любовался имъ Король, провожая его ясными взорами; душа его, казалось, отдѣлилась отъ земнаго и витала уже въ спранахъ небесныхъ. Наконецъ,

какъ будто возвратившись ею на землю, какъ будто пришедъ въ себя, вздохнувъ сказалъ онъ: » Скоро, скоро переселюсь къ тебѣ на вѣки! « Мнѣ кажется, что я и теперь вижу на терасѣ больного Фридерика....

Принцессы Прусскія (дочери нынѣшняго Короля) были во дворцѣ, и мы въ присутствіи ихъ не смѣли осматривать его. Онъ скоро выѣхали изъ Сансуси обратно въ Берлинъ, оставивъ намъ полную свободу быть вездѣ и все видѣть. Мы пробѣжали рядъ комнатъ, дивясь мраморамъ, колоннадамъ, прекраснымъ картинамъ и Гобеленовымъ обоямъ, спорящимъ не только съ красками художника, но и самой Природы. Кабинетъ Короля занялъ насъ больше, не потому, что онъ убранъ весь кедровымъ деревомъ, что въ немъ искусство и великолѣпіе являющіяся подъ наружностію простоты; но потому, что въ немъ Гений великаго бесѣдовалъ съ Философами всѣхъ временъ и народовъ, что въ немъ писалъ онъ безсмертныя посланія свои къ Вольтерамъ, Даламбертамъ, Фонпенелямъ, ко всѣмъ остроумцамъ и глубокомысленнымъ писателямъ своего вѣка, ими столько богатаго. Отсюда изливалось благоговѣніе, согрѣвавшее его любимцевъ. Но комната, гдѣ умеръ Герой-Философъ, еще больше возбудила наше вниманіе. Всѣ предметы въ ней точно въ такомъ положеніи, какъ бы-

ли при смерти его. Письменный столикъ, накрытый сукномъ, чернилами закапленнымъ; чернилица и перо, къ копорому прикасаясь Король хладѣющими перстами, длинныя кресла, на копорыхъ онъ сиживалъ во время болѣзни своей, и съ коихъ диктовалъ онъ, за день до своей смерти, наставленія своему Министру: все было нами пересмотрѣно съ особеннымъ благоговѣнiемъ. На столѣ стояли часы съ надписью извѣснаго изреченiя *Tempus perdidit* (я поперялъ день). Достойно замѣчанiя, что они остановились въ точнѣйшій часъ, какъ скончался Король. Спирѣлка и теперь неподвижна на роковомъ числѣ. Здѣсь вспомнилъ я стихи, писанные Королемъ къ Вольтеру въ самую мрачную его годину:

*Voltaire dans son hermitage,
Dans un pays, dont l'héritage
Est son antique bonne foi,
Peut s'adonner en paix à la vertu du sage,
Dont Platon nous marque la loi.
Pour moi menacé du naufrage,
Je dois en affrontant l'orage
Penser, vivre et mourir en Roi.*

Онъ исполнилъ то, что писалъ: — мыслилъ, жилъ и умеръ по Царски. Не забылъ я взглянуть на изображенiе увѣнчаннаго Вольтера, сего своенравнаго любимца Короля, предмета зависпи и любви его, сохраненной имъ до са-

мой смерти, хотя писателем-деспотъ не всегда былъ ее достоинъ. Въ другой комнатѣ видѣли мы любопытный Альбомъ Принцессы Шарлотты. Я хотѣлъ выписать изъ него нѣсколько прекрасныхъ спрокъ, написанныхъ нынѣшнимъ Королемъ дочери его — хотѣлъ и не смѣлъ это сдѣлать.

» Дворецъ низокъ и малъ — говоритъ *Русскій Путешественникъ* — но взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Въ немъ умѣлъ Король соединить простоту съ великолѣпиемъ. « Вышедъ изъ дворца на гору, по зеленому бархану коей спускаешься въ садъ, перешелъ я, казалось, изъ храма изящныхъ искусствъ и славы во храмъ прекрасной Природы. Какое разнообразіе видовъ представляется вамъ съ горы сей — и что не видъ, то картина! Смотрите, и не насытите зрѣнія, восхищаетесь, и удовольствію вашему нѣтъ границъ. Природа говоритъ здѣсь смертному: » все это для тебя — наслаждайся! Преклоняя колѣно передъ моимъ могуществомъ, сознайся, что всѣ сокровища твои ничтожны въ сравненіи съ моими богатствами, что ты рассыпая груды золота, не превзойдешь меня никогда въ щедрости. « Въ саду взглянули мы на небольшія плиты, положенныя въ память любимыхъ собакъ Королевскихъ: Биши, сопро-

вождавшей его въ походахъ и сраженіяхъ, и *Діаны*, извѣстной по жирному письму къ *Шпетинскому Ландрапу Гибнеру*. Мы пробѣжали персиковую аллею, Китайской и пакъ называемый старый садъ, Японской домикъ, расписанный по рисункамъ *Лесера*, прекрасные храмики, мостики — и поспѣшили въ новый дворецъ, ибо день начиналъ уже вечерѣть. Сколько старый дворецъ похожъ на сельское, скромное убѣжище Царя-мудреца, столько новый являетъ въ себѣ пышное, великолѣпное жилище Монарха, окружившаго себя безчисленными сокровищами Природы и Искусствъ. Не мудрено: онъ устроилъ первый для себя, впорый для глазъ любопытныхъ путешественниковъ; въ одномъ жилъ онъ, то есть наслаждался жизнью, какъ человекъ, — въ другомъ хотѣлъ показать, что Король Прусскій умѣетъ жить по Царски. Карпинная галерея въ здѣшнемъ дворцѣ богата произведеніями знаменитыхъ художниковъ. Достойно замѣчанія то, что *Фридерикъ* былъ самъ порядочный живописецъ и хорошій цѣнипель дарованій. Входя въ мраморную залу, видите цѣлый Олимпъ надъ головою вашей. Собраніе боговъ созвано сюда творческою кистью *Ван-лоо*. Только мнѣ странно показалось, что живописецъ предсѣпавилъ въ числѣ ихъ двѣ Славы, несущія какое-то зеленое покрывало, ни-

чего не означающее. Недоразумѣніе мое разрѣшилъ придворный слуга, показывавшій намъ рѣдкости дворца. » Надобно знать — сказалъ онъ — что знаменитый художникъ былъ великой льстецъ. Расписывая пополокъ, онъ представилъ на немъ двѣ славы, держащія лавровыя вѣнки надъ вензелемъ Фридерика II. Король, увидавъ его работу при самомъ окончаніи ея, хопѣлъ въ первомъ гнѣвѣ своемъ приказъ зачернить весь Олимпъ; но разчисливъ потомъ, что надобно будетъ снова расписывать пополокъ и снова плашить деньги, велѣлъ онъ только закрыть свой вензель зеленымъ покрываломъ — такъ, какъ вы теперь видите. »

При входѣ въ новый дворецъ, съ нами встрѣтился человекъ небольшого росту, въ кожаномъ карпузѣ, въ одеждѣ простаго путешественника, не слишкомъ щеголеватой. По наружности почелъ я его за какого нибудь небогатаго Русскаго дворянина; но по глубокому почтенію, ему оказываемому Генераломъ моимъ, и по червонцу, который сунулъ онъ провожавшему насъ слугѣ, заключилъ я, что онъ долженъ быть что нибудь болѣе. Изъ Сансуси отправился онъ съ нами въ одной коляскѣ: дорогою былъ очень веселъ, любезенъ, и говорилъ съ большимъ остроуміемъ о произ-

шествіяхъ въ Италіи, откуда онъ теперь
возвращался. Только въ Попсдамѣ узналъ я,
что это былъ извѣстный нашъ Миниспръ
Полиціи, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.

1815.

Г. Дерптъ, 9 Марта. Живя здѣсь, воображаю, что не разспавался съ благословенною Германіей: такъ сходенъ съ обычаями и нравами ея жителей образъ жизни Дерптскихъ обывателей. Порядокъ, чистота, трудолюбіе, искусства и здѣсь достойны подражанія. Пріятно жить въ городахъ Лифляндіи и Эстляндіи; пріятно путешествовать отъ одного къ другому: — въ городахъ здѣшнихъ наслаждаешься всѣми общественными удовольствіями; на дорогахъ (кромя дорогъ) имѣешь всѣ выгоды, какія можетъ путешественникъ найсти между народами образованными. Здѣсь особенно (въ Дерптѣ) средоточаются веселости и науки Лифляндскаго края; здѣсь — можно сказать — сердце ихъ. Тупъ не соскучитъ любитель большаго свѣта, ученый найдетъ для себя богатую пищу, ремесленникъ и художникъ не оскудѣ-

юпъ; шупъ богатство сыщепъ множество предметовъ для пріятнаго и полезнаго употребленія своихъ источниковъ, посредствен- ность можетъ ограничиться своимъ кругомъ, гдѣ не позавидуютъ никому и никого не оп- вергнутъ; бѣдность будетъ принята, упѣше- на и обласкана. Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дерптѣ, и не помню, чѣмъ гдѣ и когда нибудь сполько наслаждался жизнію. Никогда не забуду я ласокъ почтеннѣйшаго Генерала Кнорринга, украшающаго свои сѣдины умомъ основательнымъ и добрымъ сердцемъ. Всегда поминъ буду съ удовольствіемъ о вечерахъ, проведенныхъ въ здѣшнихъ клубахъ (*Благород- номъ, Академическомъ и Мѣщанскомъ*), гдѣ вся- кой между своими веселился по своему. Бу- детъ для меня иногда пріятно воспоминаніе о веселостяхъ, оживлявшихъ такъ часто домъ Барона Левенштерна — веселостяхъ, съ копо- рыми сливались пышность, вкусъ и блескъ шумнаго свѣта сѣверной Пальмиры. Волшеб- ною кистью перенесенный съ однимъ изъ сихъ блистательныхъ собраній въ Альбомы *, на-

* Въ одномъ изъ маскарадовъ Левенштерна по одному слу- чаю, былъ я одѣтъ *тертомъ, уносящимъ Купидона* (*que le diable emporte l'amour!*) Сія маска подала поводъ сыну Барона Лев. помѣстивъ меня въ семъ видѣ, среди глав- ныхъ лицъ маскарада, въ одномъ Альбомѣ, который въ самомъ дѣлѣ очутился потомъ въ Москвѣ.

дѣюсь увидѣть себя на туалетѣ какой нибудь милой Московянки — и тысячи предметовъ повпорятся въ душѣ моей, и много любезныхъ мнѣ особъ опзовутся на ея голосъ. Домъ Графа *Мантейфеля*, Графини *Менденъ* и *Виллебуа* будутъ для меня незабвенны по Граціямъ, въ нихъ обитающимъ — Граціямъ не числомъ, но прелестями. Забуду ли тебя, примѣрный *Петерсонъ*, оригиналъ добра и справедливости? Всегда съ восторгомъ сердечнымъ буду рассказывать, какъ ты, вооружась громами *Капонова* краснорѣчія, бросалъ ихъ на враговъ испины и добродѣтели; съ невольнымъ смѣхомъ прибавлю къ симъ рассказамъ осаду твоего дома новыми *Типанами* въ образѣ здѣшнихъ студеновъ, спукъ разбиныхъ стеколъ, крикъ осаждающихъ, страхъ твоихъ домашнихъ и наконецъ тебя самого подъ защитою — двухъ перинъ!... Вспомнивъ о тебѣ, вспомнишь о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ испина — какъ говорятъ — ходила безъ покрывала и носила сердце на рукѣ своей. Незабвенна будетъ для меня бесѣда, составленная мною для извѣстнаго нашего *Литператора А. Ѳ. Воейкова* — бесѣда, въ которой дѣти *Марсовы* угощали по своему *Русскаго Поэта*. За то, какъ часто, какъ пріятно угощаль насъ по своему же *Александръ Ѳедоровичъ* и на кафедрѣ, на которой ходили его слушать наши *Генералы* и

простые Офицеры, и въ кругу его любезнаго, почтеннаго семейства, гдѣ дарили насъ ласками, пріязнью, равнявшеюся даже съ красотой стиховъ самаго Жуковскаго (котораго любятъ здѣсь — и вездѣ читають). Записанъ въ сердце моемъ день, когда я узналъ и сего скромнаго, несравненнаго Пѣвца нашего — Поэпа, котораго Генію поклонялся я съ самаго малолѣтства! Опнесу данъ воспоминанія и тебѣ, прелестный вечеръ, мною учрежденный и данный Генераломъ Полуктовымъ въ здѣшней обсерваторіи, и наблюденія луны милыми обитательницами нашей планеты, и тихая, сладкая гармонія, снисходившая — будто бы — съ лучами ночнаго свѣтила, изъ другаго дальняго, неизвѣстнаго намъ міра, и воспоргъ любезныхъ госпей, и ясныя умныя сужденія молодого Профессора Математики Штруве: все будетъ памятно сердцу моему, пока оно не перестанетъ биться.

Дерптъ очень красивый городокъ. Онъ имѣетъ порядочную площадь. Граничный мостъ его черезъ рѣку Эмбахъ, построенный по повелѣнію Императрицы Екатерины II и стоившій казны 60,000 рублей, можетъ почесаться однимъ изъ лучшихъ его украшеній. Зданіе Университета величественно; оно стоитъ на древней городской площади, на которой была Шведская церковь. Прекрасна, живописна

высопа, обладающая городомъ, съ ея обсерваторією, въ видѣ храма построенною, и съ развалинами древней соборной церкви, въ которой помѣщена нынѣ Университетская библіотека, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ расположенная!

Выгодное положеніе Дерпта между Ригою и Петербургомъ, частое посѣщеніе его путешественниками, спеченіе въ немъ окружнаго дворянства, выгоняемаго изъ деревень своихъ суровой зимою и привлекаемаго въ городъ различными веселостями, съ которыми знакомятъ его сосѣдняя столица; бывающая въ Январѣ ярмарка, куда сливаются богатыства Петербурга, Москвы, Риги, Ревеля и Бѣлоруссіи, и къ которой удовольствія приглашаютъ Нѣмцевъ и Русскихъ; наконецъ украшающій его храмъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Музъ, покровительствуемыхъ Великимъ Монархомъ: все сіе дѣлаетъ Дерптъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ Россіи.

Г. Дерптъ 12 Марта. Въ пребываніе мое здѣсь, В. А. Жуковскій и А. О. Воейковъ изъявили желаніе имѣть Исторію города сего, достойнаго примѣчанія по мѣсту, занимаемому имъ въ лѣтописяхъ наукъ и полиптики. Я пружу-

дился тогда надъ сею Испоріею; но хопя и обѣщались сіи знаменитые Императоры быть снисходительными, я не смѣлъ показатъ имъ трудовъ моихъ, по робости, свойственной молодымъ писателямъ, не надѣющимся на знанія и способности свои. — Предлагаю здѣсь небольшой отрывокъ вступленія въ Испорію города Дерпта и кратчайшую выписку изъ самой Испоріи: занявъ нѣсколько страницъ въ моей записной книгѣ, они не обременяютъ ее.

....Испорикъ одного города, дѣйствуя на такой пѣсной сценѣ, копорой предѣлы не осмѣливается ни разпроспранить, ни перешагнуть, не менѣе того дѣйствуетъ для пользы согражданъ и заслуживаетъ хопя небольшого ихъ вниманія. И у него являющіяся Гении — хранители человѣчества — неизмѣнная любовь и уваженіе народовъ; и у него встрѣчающіяся сильные злодѣи — мгновенное пугалище современныхъ и вѣчная ненависть потомства! Пользуясь отчасти правомъ наставлятъ людей, онъ сверхъ того доставляетъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ уголкѣ земли, извѣстномъ намъ, можетъ быть, по одному слуху; говоритъ о бурныхъ и счастливыхъ происшествіяхъ, въ немъ случившихся и для насъ еще новыхъ; рассказываетъ намъ о нравахъ и обычаяхъ его жителей, намъ совершенно не-

знакомыхъ. По возложеннымъ на себя обязанностямъ бытописателя, окруживъ себя источниками, въ которыхъ почерпнуть ему легче и способнѣе, нежели другимъ, опѣ нихъ болѣе удаленнымъ, онъ бросаетъ, съ своей стороны, свѣтъ на Исторію цѣлой области и даже Государства, приготавливаетъ для нее матеріалы, очищенные разборомъ и прудомъ, и служитъ ей вѣрнымъ помощникомъ въ обширныхъ и важныхъ занятіяхъ ея также, какъ сія служитъ помощницею Исторіи всемірной.

При начертаніи Исторіи Дерпта, были мнѣ путеводителями Лифляндскіе лѣтописцы, изъ которыхъ наиболѣе слѣдовалъ я Леницу, уроженцу Дерптскому. И кому могъ я смѣлѣе повѣриться, какъ не бытописателю города, въ спѣнахъ котораго видѣлъ онъ колыбель свою, возросъ и получилъ счастливѣйшее образованіе ума и сердца?... Истина всегда и повсюду возметъ дань ей должную.

.... Дерптъ занималъ нѣкогда въ Исторіи достойное и, нѣкоторыми періодами, блестящее мѣсто. Основаніе его Русскимъ Государемъ — основаніе, исполненное дальновидной и мудрой политики; временное владычество сего города надъ Лифляндією; смѣлость, съ которою онъ неоднократно предпринималъ и велъ войну съ пограничными Державами; связи его съ Ганзою, гордившеюся имѣть его въ союзѣ

своемъ, и цвѣтущее состояніе его торговли; права имѣть вышнее судилище и битъ собственную монету; народонаселеніе его во время Епископскаго правленія; твердость и великолѣпіе его зданій, копорыхъ слѣды видны еще въ развалинахъ и въ основаніяхъ ихъ при построеніи новыхъ домовъ; наконецъ любимое въ немъ пристанище Лифляндскихъ и Эспляндскихъ Музъ: всѣ сіи предметы заслуживающъ того, чпобы говорить о нихъ согражданамъ своимъ. Они достойны пера Историка — хотя не такого, копорый великими подвигами на поприщѣ словесности обрапилъ уже на себя общее вниманіе, но по крайней мѣрѣ такого, копорый *хочетъ* на семъ поприщѣ испытать свои силы, и шествуя издали за исполиномъ, пріучать младенческія, робкія стопы свои шагать ему подобно.

Въ Исторіи Дерппа видны также мрачныя промежутки нѣсколькихъ лѣтъ, въ копорые городъ сей представлялъ единственно груды пепла и совершенное опустѣніе. Обладаніе имъ было предметомъ пяти сильныхъ Державъ. Онъ выдержалъ четырнадцать осадъ и одиннадцать разъ былъ взятъ приступомъ. Во время Епископскаго правленія чума опустошила его. Часпо судьба его придавала новый блескъ вѣнцу Государей, или помрачала счастливую звѣзду ихъ; не рѣдко увлекала она

въ спремленіи своемъ участъ сосѣднихъ народовъ: — такъ нѣкопорые опривки, опъ грозной скалы опдѣлившіеся, ускоряють ея паденіе; такъ присоединеніе нѣсколькихъ камней утверждаетъ прочность цѣлаго зданія....

**Краткая выписка изъ Исторіи города
Дерпта.**

Дерптъ есть древнѣйшій городъ въ Лифляндіи. Самая Рига должна уступить ему старшинство 170 лѣтъ. Ярославъ, или Юрій Владиміровичъ, Великій Князь Новгородскій и Кіевскій, усмиривъ Лифляндію, сбросившую было съ себя владычество Русскаго вѣнца по смерти Святаго Владиміра, заложилъ Дерптъ въ 1030 году, по чему онъ получилъ названіе *Юрьева*, которое и нынѣ носятъ. Симъ основаніемъ желалъ, конечно, Русскій Вѣценосецъ обезпечить предпріятія свои на обладаніе цѣлой Лифляндіи, и въ сосѣднихъ ей земляхъ, со временемъ, болѣе и болѣе утвердился. Полипика Ярослава въ семъ случаѣ ознаменовалась не одною силою; покоренная область видѣла въ немъ всегда своего благодѣтеля и справедливаго, мудраго судію. Послѣ него владычество Русскихъ Князей надъ симъ краемъ — владычество легкое и благотворное, не возму-

щаемое внутренними раздорами и внешними беспокойствами—сохранилось постоянно близъ ста лѣтъ. За симъ долговременнымъ спокойствіемъ послѣдовали непрестанныя возмущенія, чему причинами были, или новый образъ правленія новыхъ владыкъ, или дикіе нравы жипелей. Знамя бунта часто развѣвалось надъ стѣнами Дерпта. Крестоносцы, наводнившіе попомъ Лифляндію для обращенія язычниковъ на путь истины, завоевали сей край. Основатель Риги, прерій Епископъ Ливонскій, отважный и прозорливый *Албертъ*, овладѣвъ Дерптомъ, сдѣлалъ его Епископствомъ и подарилъ ему въ окружности земли. 29 Епископовъ Дерптскихъ, изъ которыхъ первый былъ *Германъ Апелдеренъ*, а послѣдній *Германъ Вейландъ*, въ продолженіе 314 лѣтъ возвели управляемый ими городъ на самую блестящую степень величія и богатства. Могуществу *Іоанна Васильевича* предоспавлено было сокрушить сей колоссъ, дѣлавшійся опаснымъ и для Русскаго вѣнца. Дерптъ покоренъ послѣднему въ 1553 году *Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ*. Плѣненный въ сіе время Епископъ *Вейландъ* былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ кончилъ жизнь свою и прекратилъ собою существованіе Епископства. — Въ 1560 году послѣдній Орденмейстеръ *Готтаръ Кеттлеръ* уступилъ свои владѣнія Королю Польскому *Сигизмунду Августу*.

сту и принялъ свѣтскій санъ съ достояніемъ Герцога Курляндскаго и Лифляндскаго. Съ нимъ кончилось правленіе ордена Рыцарей меча. Съ сего времени казалось, что раздоръ бросилъ яблоко свое между прѣмя сильными Державами. Эспляндія и Ревель находились уже давно во владѣніи Шведовъ; бывшее Епископство Дерптское, съ нѣкоторыми другими округами, принадлежало еще Россіи; вся остальная часть Лифляндіи была во власти Польши. Опъ сего раздѣленія произошла кровопролитная и продолжительная война, успѣхи которой переходили изъ рукъ въ руки, а послѣдствіемъ было опустошеніе земель, занимаемыхъ переменными побѣдителями. — Въ 1582 году Дерптъ успу- пленъ Россіею Польшѣ по договору, заключенному въ деревнѣ Киверогоркѣ *, между Псковомъ и Пороховомъ. — *Густафъ Адольфъ*, Король Шведскій, наслѣдовавъ войну опъ опца своего, кончилъ ее завоеваніемъ всей Лифляндіи. Дерптъ взятъ былъ приспупомъ въ 1625 году. Сей великій Государь, соединявшій въ себѣ качества Героя и мудраго Правителя, приложилъ попеченія свои о внутреннемъ благоденствіи побѣжденных имъ земель. *Скитте*, бывшій Гофмейсперъ его, одаренный глубокою ученостью и рѣдкими познаніями, назначенъ

* Такъ называется ее Ленць. См. Начертаніе его Испоріи города Дерпта, посвященное Государю Императору.

былъ Генералъ - Губернапоромъ Лифляндіи. Вѣра, правосудіе, земледѣліе, торговля и науки приведены имъ въ цвѣтущее состояніе. Дерптъ сдѣлался средоточіемъ власпи судебной и просвѣщенія цѣлаго края.

Въ 1630 году Скиппе основалъ въ семъ городѣ Гимназію, состоящую изъ осьми учителей, получившихъ въ послѣдствіи титулъ Профессоровъ, изъ которыхъ прославились познаніями своими: Самсонъ въ Богословіи, Гевелъ въ Философіи и Штрубергъ въ Физикѣ. Въ 1632 году училище сіе переименовано было въ Университетъ. Достойный Намѣстникъ Лифляндіи начерпалъ оному планъ, а Густавъ Адольфъ утвердилъ и подписалъ его въ Нюрнбергѣ 30 Іюля тогожъ года, посреди грома войны, копорою онъ тогда занимался. 15 Октября былъ Университетъ торжественно освященъ. — Королева Христина, дочь Густава Адольфа, вопреки извѣстной ея любви къ наукамъ и старанію покровительствовать имъ, не только что мало излила милостей на сіе ученое заведеніе; но побуждаема будучи непомерною роскошью, изчерпавшею государственныхъ сокровища, продала земли, принадлежавшія Университету. Въ послѣдствіи времени былъ онъ восстановляемъ наследниками ея и снова нѣсколько разъ уничтожаемъ до прочнаго, блистательнаго утвержденія его Импера-

торомъ Александромъ I — Въ царствова-
 ніе Алексѣя Михайловича Дерптъ увидѣлъ подѣ-
 спѣнами своими многочисленное войско Рус-
 ское; мужественное сопротивленіе не спасло
 его, и городъ сей въ 1656 году принужденъ
 былъ сдаться побѣдителямъ. Въ 1661 же го-
 ду сей самый Царь, въ селеніи Кардистъ, по-
 мѣстѣи одного Ревельскаго дворянина, заклю-
 чилъ со Швеціею миръ, которымъ уступалъ
 ей Дерптъ со всѣмъ его округомъ. — Явился
 Карлъ XII на кровавомъ горизонтѣ Швеціи,
 и за нимъ послѣдовали всѣ бѣдствія войны,
 ведомой не для охраненія и блага подданныхъ,
 но единственно изъ жажды завоеваній. Между
 тѣмъ, какъ мнимый Герой шумѣлъ сражені-
 ями своими въ Саксоніи, Петръ Великій гре-
 мѣлъ побѣдами въ Лифляндіи. Нарва и Дерптъ
 были первые города, осажденные въ 1704 го-
 ду симъ Государемъ. Дерптскій Коммендантъ,
 Полковникъ Скипте защищался цѣлый мѣсяцъ,
 но принужденъ былъ наконецъ сдать городъ
 Генералу Шереметьеву. Хотя побѣдоносный
 Монархъ, при сдачѣ Дерпта, возвратилъ ему
 всѣ права; но подозрѣвая жетелей его въ
 измѣнѣ и тайной перепискѣ со Швеціею, при-
 казалъ въ 1708 году сослать большую ихъ
 часть во глубину Россіи, уничтожить укрѣ-
 пленія и разрушить до основанія нѣкоторыя
 зданія. Политика требовала, можетъ быть,

сего отъ Государя, знавшаго, что Рига и большая часть Лифляндіи принадлежали еще Швеціи и что Карлъ содержалъ въ Польшѣ многочисленную армію. Поля Полтавскія не гремѣли еще славою Русскихъ—и Петръ Великій не былъ увѣренъ удержатъ за собою забранные въ Лифляндіи города. Нишпедтскій міръ положилъ конецъ бѣдственному соспоянiю Дерппа. — Назначено было укрѣпить городъ сей въ царствованіе Екатерины II, надъ совершеніемъ чего и прудились уже съ 1763 до 67 году по плану Фельдцейгмейспера Виллебуа. Одинъ баспiонъ былъ почти опдѣланъ, другія крѣпостныя части заложены были. Но какъ многія окружныя высопы обладають городомъ, то и нашли мѣстоположеніе Дерппа невыгоднымъ для крѣпости; повелѣно было прекрапитъ начатыя работы, а совершенныя оставитъ на будущее время безъ вниманія. Въ послѣдствіи, опдѣланныя укрѣпленія подарены были Университету Государемъ Павломъ I и назначены подъ различныя ученныя заведенія. Желаніе сего Государя было возстановитъ Университетъ. Разсмострѣвъ представленный Ему планъ сему ученому заведенію, онъ назначилъ сто Лифляндскихъ десятиинъ на содержаніе его, 25,000 рублей на построеніе зданія и подъ оное городскую площадь, на копорой находилась прежде Швед-

ская церковь. Лифляндское, Эстляндское и Курляндское дворянство обязалось, въ теченіе прехъ лѣтъ, выдавать каждый годъ на устройство Университета по 40,000 рублей. Но это была только заря счастья для Дерптскихъ Музъ; полдню его назначено было сіять при Александрѣ. Первые шаги Его на Пресполѣ ознаменованы были милостями къ Дерпту. Его Императорское Величество повелѣлъ нарядить Коммиссію, копорая должна была положить новое и совершеннѣйшее основаніе Университету. Сія Коммиссія составлена была изъ особъ, извѣстныхъ Россіи своими познаніями и любовію къ Опечесству. Между ними засѣдавъ призваны были два Лифлянца: Сенапоръ Графъ Маншейфель и Тайный Совѣтникъ Фиппингофъ. Представленный Государю Императору планъ ученому сему заведенію былъ Имъ благосклонно принявъ и утвержденъ въ 1802 году. Между лучшими дарами, сдѣланными Императорскою Фамиліею, суть безъ сомнѣнія: прекрасный Напуральный Кабинетъ и Библіотека, подаренныя Его Высочесствомъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Сей примѣръ возбудилъ многихъ частныхъ особъ къ различнымъ пожертвованіямъ, чрезмѣрно послужившимъ къ украшенію и увеличенію Университета. Попеченіями Профессора Паррота-

Кабинетъ Физики пріобрѣлъ многія драгоцѣнности; но что болѣе всего занимаетъ, что приноситъ болѣе славы сему ученому заведенію, то это безъ сомнѣнія Военный Кабинетъ, надъ устройствомъ котораго трудился почтенный Профессоръ Тактики, Полковникъ Эйслеръ. — Русскую кафедру украшаетъ нынѣ А. О. Воейковъ.

Государь Императоръ, посѣщая Дерптскій Университетъ 22 Мая 1802 года, сказалъ: » Я возьму здѣшнихъ Музъ подъ Мое покровительство.« — Сказалъ и даровалъ Университету Уставъ благодѣтельный и великій. Пускай Геній отечественный гордится имъ, поставивъ его на алтарь безсмертія!

Г. Дерптъ, 25 Марта. Изгнанникъ Наполеонъ ознаменовалъ бѣгствомъ славное поприще жизни своей. — Война зажгла уже свой пламенный во Франціи. — Идемъ защищать права законнаго Государя ея. — Мы получили маршрутъ до Рейна; но каждый изъ воиновъ нашихъ начерпалъ его въ сердце своемъ до самаго Парижа. — Нашу 2 Гренадерскую дивизію ведетъ Генералъ Паскевичъ: съ такимъ добрымъ и храбрымъ Генераломъ всѣ Офицеры и солдаты умереть готовы.

Г. Вейсенфельсъ, 16 Іюня. Не подалеку отъ Люпцена, близъ самой большой дороги, къ нему ведущей, стоитъ простой камень, окруженный нѣсколькими тополями. » Здѣсь палъ Густавъ Адольфъ « — сказалъ мнѣ почтальонъ. — Стой! закричалъ я, и съ трепетомъ сердечнымъ выскочилъ изъ коляски.

Какой памятникъ означаетъ мѣсто, гдѣ славною смертію кончилъ славную жизнь Великій Государь и Великій Человѣкъ? — Простыя плиты, изъ грубаго, дикаго камня, коекакъ наломленные и обсаженные пятью или шестью тополями! Два дерева срублены Французами во время опустошенія ихъ отъ Лейпцига. — И рука разрушенія не дрогнула, прикасаясь къ сей святынѣ!... Мнѣ кажется, Гении добра и славы споятъ на спражѣ у сего грубаго монумента, и препоручаютъ его сохраненіе народамъ и вѣкамъ. Памятникъ великому человѣку есть сокровище, за которое настоящее время отвѣчаетъ потомству. Нѣтъ казни, довольно ужасной, для изверговъ, разрушающихъ сіе священное наслѣдство народовъ! — Одна трехугольная плита поставлена надъ прочими остерѣйшимъ концемъ своимъ вверхъ: на ней изображены буквы G. A., а подъ нимъ 1632 годъ. На одной неровной плитѣ, лежащей на землѣ, начертана слѣдующая надпись:

GUSTAW ADOLPH

KÖNIG VON SCHWEDEN

fiel hier

für Geistes Freiheit

am 7 November 1632.

то есть:

Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, палъ здѣсь за свободу въры 7 Ноября 1632.

Идя возстановлять законнаго Государя на тронъ опцевъ его, Россійскій Императоръ, съ Прусскимъ Королемъ, покланялись на семъ мѣстѣ Генію Великаго Густава, — и славный защитникъ истины и правъ народныхъ благословилъ Ихъ, конечно, на сей священный подвигъ.

Мысль—дасть и выиграть сраженіе на томъ полѣ, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ среди профессеевъ своихъ — сколько занимала и мучила Наполеона, что онъ, предугадывая Люпценское дѣло, не переспавалъ окружающимъ его говорить, сколь славно будетъ побѣдить непріятеля на семъ мѣстѣ. Исполнились ли сіи мечты его, или нѣтъ, извѣстно по слѣдствіямъ Люпценской битвы.

Вопъ что говоритъ Исторія о побѣдѣ и смерти Короля Шведскаго.

Густавъ и Вальдштейнъ, вступивъ 1632 въ Миснію, располагаются къ сраженію. Передъ битвою, Герцогъ Саксен-Лауенбургскій докладываетъ Королю, что Гассіонъ купилъ двухъ прекрасныхъ лошадей, которыхъ назначилъ: одну для побѣды надъ непріятелемъ, другую для преслѣдованія побѣжденныхъ. » По чему не запасся онъ третьею для упорной битвы, которую обѣщаетъ намъ видѣ нашихъ противниковъ? « — сказалъ Густавъ. — Въ самомъ дѣлѣ начало сраженія не предвѣщаетъ успѣха Шведамъ. Король, видя ихъ въ ужасномъ безпорядкѣ, слѣзаетъ съ лошади, останавливаетъ бѣгущіе полки, беретъ копье въ руки и говоритъ имъ, что если не удерживаетъ ихъ на посту чести память о совершенныхъ ими подвигахъ; если прошедъ столько рѣкъ, взявъ приступомъ столько городовъ и одержавъ надъ непріателемъ столько побѣдъ, не одушевляются они желаніемъ сохранить пріобрѣтенную ими славу: то пусть остановятся хотя для того, чтобы посмотреть, какъ онъ умирать будетъ. Сія рѣчь, въ коей соединены столь искусно хвала и упреки, увѣнчана совершеннымъ успѣхомъ. Войска останавливаются, устроиваются, стремятся снова къ ужаснѣйшей битвѣ, отнимаютъ назадъ свою артиллерію, вползаютъ въ укрѣпленія непріятеля, и останавливаются побѣдителями

на мѣстѣ сраженія. Но побѣда сія слишкомъ дорого куплена была Шведами: виновникъ ея палъ во время дѣйствія.

Казалось, Король предчувствовалъ свой конецъ за нѣсколько дней передъ симъ, когда народы, бросаясь къ нему на встрѣчу, изъявляли ему всѣ знаки сердечнаго воспора, преданности и удивленія. » Страшусь — говорилъ онъ тогда — чтобы Всевышній, оскорбленный ихъ восклицаніями, не научилъ ихъ слишкомъ скоро, что тотъ, коего возносили они, какъ божество, былъ только ничтожный смертный. «

О Густавѣ говорили, что онъ умеръ съ мечемъ въ рукахъ, съ командными словами на устахъ и съ мыслію о побѣдѣ. Онъ самъ говорилъ, что счастливъ тѣмъ, кто умираетъ, исполняя свое дѣло; онъ говорилъ и доказалъ это опытомъ славной смерти.

Великій Густавъ научилъ Европу искусству воевать; добродѣтели его соответствовали его дарованіямъ. — Онъ уничтожилъ дуэли въ Шведскихъ войскахъ строгимъ закономъ и строжайшимъ примѣромъ.

Эйзенахъ, 22 Іюня. » Есть ли у васъ что нибудь любопытное въ городѣ? « спросилъ я хозяйку свою, добрую и словоохотливую старушку. — Какъ не быть! — отвѣчала она мнѣ

голосомъ оскорбленнаго самолюбія, и начала рассказывать о взрывѣ пороховаго парка, о замкѣ Варпбургъ, о започеніи въ немъ Мартына Лупера, о Рыцарской залѣ, о жизни длиннорукихъ Маркграфовъ, румяныхъ и бѣлоликихъ Графовъ, близорукихъ Князей и свирѣпыхъ Князьковъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и препетомъ сосѣднихъ земель. Я слушалъ ее очень долго. . . . Случалось ли вамъ, чипая бредни Радклифины, упомившись подземельями, напугавшись гробами, мерпвецами и привидѣніями, раскрыть вдругъ книгу и, для оживленія мыслей и сердца, приняться за Карамзина? Желая полюбоваться скорѣе красотою здѣшней Природы, я сдѣлалъ то же съ хозяйкою моею, взялся за ручку двери и отворилъ уже ее; но моя Радклифъ все еще преслѣдовала меня по лѣспницѣ грозною пѣнію какого-то охриплаго во браняхъ випязя. . .

Первый попавшійся мнѣ на встрѣчу мальчикъ взялся проводить меня въ замокъ Варпбургъ. Двѣнадцати-лѣтнее дитя, со всѣмъ краснорѣчіемъ спарика, рассказало мнѣ жизнь Лупера. Къ чести Нѣмецкаго просвѣщенія долженъ я упомянуть, что въ Германіи дѣти, рожденныя въ низшемъ состояніи, не счищаются за грѣхъ учиться тому, чему учился сынъ или дочь дворянина. Каждый знаетъ свою Библію, Исторію своей родины и своего

отечества; сверхъ сихъ необходимыхъ познаній, знакомятъ ихъ съ пріятными и полезными искусствами и науками. Природныя дарованія не умерщвляются грубыми, закоренѣлыми предразсудками; дороги умамъ проложены и выборъ предоспавленъ: оспается идти по любой въ храмъ славы. Опъ того-то Германія такъ богата учеными, Поэтами и Философами, рожденными подъ тѣнію сноповъ и въ бѣдныхъ хижинахъ. Самъ Вольпертъ, со всею придирчивостію своею, не могъ бы здѣсь сказать:

*Peut-être qu'un Virgile, un Cicéron sauvage
Est chantre de paroisse ou juge de village.*

Кто знаетъ? можетъ быть Виргилій, Цицеронъ,
Кричатъ на крылосъ, или села въ совѣтъ?

Къ чести здѣшнихъ нравовъ долженъ я прибавить, что богатый и бѣдный, дворянинъ, купецъ, ремесленникъ и земледѣлецъ, учась вмѣстѣ въ одной народной школѣ, слушая одинакіе уроки и наставленія, навикаютъ къ какому-то согласію мыслей и чувствованій, къ какому-то единодушію, котораго ни время, ни различіе состояній испребитъ не могутъ.

Тропинки ведутъ къ замку Варшбургъ по крушой и возвышенной горѣ. У подошвы ея пупникъ любитъ разсыпанными на ней красивыми, разнообразными хижинами; выше лу-

жайки маняпъ его опдохнуть на бархатной своей зелени; въ срединѣ густые кустарники зовутъ его уклониться въ тѣни своей опъзная солнечнаго; наконецъ изсѣченная между огромными упесами дорога ведетъ его на гордую высоту, на которой останавливается онъ дивиться красотамъ Природы, и познаетъ всю мѣру человѣческой гордости. Въ самомъ дѣлѣ, Царская высота! Все низко и мало передо мною; кажется, вся окружность лежитъ у ногъ моихъ и ждетъ моего велѣнія!... Съ горы, господствующей надъ многими другими, пріятно смотрѣть на городъ, спелющійся въ долину на подобіе красивой деревеньки; пріятно бродить взорами между дикими упесами съ обнаженнымъ челомъ или съ увѣнчаннымъ кустарниками, — между упесами, возносящимися къ небесамъ, или надъ бездною нависнувшими; весело слѣдовать за излучистою рѣчкою по росписнымъ лугамъ и остановиться наконецъ надъ чернымъ опдаленнымъ боромъ. — »Видите ли влѣво два камня, похожіе на женщину и мужчину?« спросилъ меня старикъ, встрѣпившійся со мною на срединѣ горы. — Вижу только два камня, — отвѣчалъ я ему; но если вамъ угодно, чпобъ я открылъ глаза воображенію, если нужно помечтать: то скажу вамъ, что усматриваю нѣчто сходное съ человѣческими фигурами. — »Прекрасно!« воскликнулъ старикъ,

пожимая съ восхищеніемъ мою руку; и желая наградить мою прозорливость, рассказалъ мнѣ слѣдующее старинное преданіе *.

» Молодой и прекрасный, но бѣднаго и не высокаго происхожденія жипель Эйзенаха имѣлъ сосѣдкою своею дѣвушку, одаренную всѣми прелестями Природы и милостями Фортуны. Любовь соединила два существа, созданныя одинъ для другаго; но жестокость и предразсудки человѣческіе должны были ихъ разлучить. Прекрасная тайла спрасъ свою, тайла и — наконецъ открыла опцу. » Мнѣ унижить родъ мой? « сказалъ онъ со гнѣвомъ, и заключилъ дочь свою въ монастырь. Въ сосѣдствѣ монастыря сего былъ другой же, мужской; тамъ вѣрный любовникъ ея назначилъ себѣ крошечное жилище и безвременную могилу. Но что преграды для любви всемогущей? Препятствія умножаютъ только спрасъ — и сердитый попокъ, легкою плотиною удержанный, съ большею яростію стремится разрывать ее. Тщепно старались несчастные усыпить спрасъ свою трудами и молитвами; напрасно

* Это самое преданіе дало поводъ Виланду написать очень пріятную поэму. Примѣчаніе сіе принадлежитъ почтеннѣйшему Г. Издателю Вѣстника Европы. При семъ долгомъ считаю сказать, что сущесгвованіемъ книги сей обязанъ я М. Т. Каченовскому: давъ мѣсто моимъ походнымъ запискамъ въ составляемомъ имъ журналѣ, сполько извѣстномъ, онъ ободрилъ меня къ изданію ихъ въ свѣтъ.

призывали къ себѣ на помощь долгъ и вѣру: любовь все превозмогала! Въ мрачной кельѣ ихъ присутствовала жестокая; она сопровождала ихъ въ аллеѣ уединенной обители и не покидала у алтаря. Любовь пылала на устахъ монаха, когда онъ, встрѣчаясь съ прекрасною, посылалъ на нее милости небесныя и дрожащею рукою давалъ ей благословенія; волнуемая любовію грудь монахини вырывалась изъ мрачнаго плѣна своего, когда она принимала сіи благословенія. Взоры ихъ невольно встрѣчались; сердца бились сильнѣе и выражались согласными вздохами. Наконецъ онъ нашелъ случай доставить ей слѣдующую записку: »нѣтъ силъ преодолѣть спрасъ мою: я долженъ тебя увидѣть, или погибнуть! Съ наступленіемъ ночи, на ближнемъ отъ монастыря нашего утѣсѣ, ожидаю тебя. Загляни, прекрасная, въ свое сердце, подумай, и избери любое: назначенное для нашего свиданія мѣсто или увидишь меня счастливейшимъ изъ смертныхъ, или будешь моимъ гробомъ!« Чувствительная монахиня, прочитавъ записку, не забыла заглянуть въ сердце, и нашла въ немъ чувство, готовое на всѣ жертвы; подумала также, что въ случаѣ отказа будетъ отвѣчать на томъ свѣтѣ за смерть любезнаго ей человека — и рѣшилась съ нимъ видѣться. Мракъ ночи, окинувъ окружность покровомъ своимъ, благопріят-

спововалъ свиданію любовниковъ. Они были уже вмѣстѣ... Вдругъ налетѣла черная туча, блеснула молнія... Смертный холодъ пробѣжалъ по всему ихъ составу, уста оледенѣли, дыханіе остановилось, сердца перестали биться... И любовники, пораженные гнѣвомъ небеснымъ, превратились въ два камня! — Вотъ они; смотрите пристально, и признайтесь попомъ, что мы обладаемъ рѣдкимъ чудомъ. «— Образованнымъ Природою и стариками вашими доконченнымъ — оповѣчалъ я повѣствователю: — но признаюсь, что суевѣрію послѣднихъ вы болѣе обязаны, нежели могуществу первой. — » Быть можетъ! Но басня эта составляетъ утѣшеніе и гордость здѣшнихъ жителей. « — Грѣшно опнимать у нихъ такое невинное утѣшеніе: дай Богъ, чтобы всѣ сказки доставляли столько удовольствія, сколько принесла до сего времени ваша! Дай Богъ! — повѣпорилъ я, и простился съ добрымъ старикомъ.

Подойдемте къ замку Варшбургъ. — Достоинъ замѣчанія колодезь, изрытый на вершинѣ горы и свидѣтельствующій, что Природа нигдѣ не отказывается въ помощи любимцу своему. Взойдемте въ самый замокъ. — Рыцарская зала, наполненная богатыми и тяжелыми лапами, шишаками, забралами, мечами, панцырями и конскими сбруями, стоитъ того, чтобы

въ ней побывать. Какую гигантскую величину, какую ужасную силу должны были имѣть герои съдой древности! Какой богатырь нашихъ лѣтъ, хопя бы онъ былъ самъ *Лукинъ* *, согласился пройти верстъ пять въ ихъ одеждѣ!... Что мы въ сравненіи съ ними? что будутъ правнуки нашихъ правнуковъ?... Другая зала убрана изображеніями здѣшнихъ владѣтельныхъ Князей съ ихъ нѣжными *половинами*;—живопись доспойна своего вѣка! Но если куда любопытство сильнѣе увлекаетъ, такъ это въ комнаты, гдѣ жилъ и содержался Маршынъ Луперъ послѣ Вормскаго Сейма. Тамъ показываютъ, какъ свяшню, жесткое ложе, на которомъ онъ спалъ, столъ и стулья, составлявшіе скудельное украшеніе его пюръмы. Всѣ стѣны — даже въ самыхъ переходахъ — исписаны именами путешественниковъ; глаза ищутъ мѣста, на которомъ можно бы помѣстить нѣсколько буквъ, и не находятъ. Надзирапельница надъ замкомъ показывала мнѣ, между прочими рѣдкостями, имя Петра Великаго, Латинскими буквами начерпанное Имъ самимъ во время его путешествія. Безсмертный Преобразователь своего народа хотѣлъ, конечно, починить пѣмъ память умнаго Лупера. Рука времени почти изгладилла черты сего имени; но Русской угады-

* Морской Офицеръ, извѣстный силою своею.

ваепѣ сердцемъ его оспапки и лобызаепѣ съ благоговѣніемъ прахъ, его покрывающій.

Въ одномъ крылѣ замка есть пракпиръ. Въ немъ нашелъ я Генерала моего, съ нѣкоторыми Офицерами его бригады, и тучнаго, шупливаго Лѣ*, который во всемъ смыслѣ опдыхалъ *по трудахъ*. Сочный Неапольскій лимонъ кипѣлъ съ сахаромъ въ Англійскомъ пивѣ; Геба не могла бы изготовить для насъ лучшаго нектара; и я увѣренъ, что ни одинъ изнѣженный Сибаритъ такъ не роскошничалъ надъ Кипрскими и Аликантскими винами, какъ мы, упомянутые нашимъ путешествіемъ, роскошничали надъ чашею портера. Освѣживъ силы наши, включивъ наши имена въ книгу между множествомъ другихъ знаменитыхъ, славныхъ, великихъ, малыхъ и неизвѣстныхъ именъ, перебравъ на столѣ разныя древнія книги, говорящія о военной наукѣ и довольно любопытныя, разглядѣвъ прилежиѣ висящій на стѣнѣ портретъ Лупера, проспились мы съ замкомъ.

Сходя съ горы, расскажу вамъ чудесный случай, происшедшій въ Эйзенахъ 1810 года въ то бѣдственное 20 число Августа, когда цѣлая часть города поднялась на воздухъ отъ разрыва нѣсколькихъ Французскихъ ящиковъ съ порохомъ и чиненными ядрами, ѣхавшихъ изъ Гопы. Несчастія и жертвы дня сего без-

численны. Многіе изъ жителей погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ подъ развалинами своихъ домовъ. Въ одномъ изъ домовъ сихъ юная чеша (Адвокатъ Еппелтъ съ новобрачною супругою своею), въ забвеніи всѣхъ мірскихъ превратностей наслаждалась счастіемъ любви безпечной; вдругъ, въ самую полночь, глухой подземный громъ пропекаетъ подъ ними, земля колеблется, стѣны прещаются, кровля рушится.... имъ кажется, что вселенная повернулась на оси своей и что настала для нихъ часъ страшнаго суда.... Они тѣснѣе заключаютъ другъ друга въ свои объятія, поднимаются на воздухъ и — безвредны упадаютъ на землю!.... Я повелъ бы скептика по развалинамъ домовъ и попомъ къ чешѣ счастливыхъ любовниковъ.

Довольно для Эйзенаха! Перо мое уже не пишеть, а я перу повиноваться долженъ!....

Г. Фульда, 24 Іюня. Монастыри., расположенные на красивыхъ высотахъ по дорогѣ, ведущей къ городу, служатъ — такъ сказать — предувѣдомленіемъ о томъ, что Фульда есть богатое Епископство. Городъ порядочный! Около стѣнъ Архипастырской обители есть прекрасный бульваръ; на немъ по

вечерамъ гуляетъ множество народа обоого пола.

Здѣшняя соборная церковь достойна примѣчанія любопытнаго путешественника. Она основана въ 744 году и вновь (менѣе славѣ) перестроена. Архитектура ея довольно великолѣпна. Внутри естъ множество статуй, изображающихъ опцевъ церкви. — Вонифатій, первый проповѣдникъ Римскій въ семъ краю, убитый невѣрующими кинжаломъ въ голову, погребенъ въ сей церкви. Сіе убіеніе представлено въ ней же на алтарѣ, изсѣченномъ изъ дикаго камня. Не лзя не удивляться хранящемуся здѣсь же изображенію человѣческаго основа, такъ искусно изъ ломкаго вещества сдѣланнаго, что обманываетъ совершенно знающихъ Анапомію. — Изъ чего же, подумаете вы, сдѣланъ онъ? — Изъ одного камня!... Библіотека рѣдкая и расположенная въ большомъ порядкѣ! Въ ней счипають до 38,000 твореній. Достойнѣйшія изъ нихъ примѣчанія: сочиненія Вонифатія; рукопись Лупера, писанная въ 1543 году, и другая Меленкпона, означенная 1545 годомъ; Мабиліоново исполкованіе древнихъ буквъ и чиселъ; жизнь Венедикта, писанная золопыми буквами въ 1365 году; Библія на Сирійскомъ языкѣ; Алкоранъ и законоположеніе Императора Θεодосія, ознаменованное существованіемъ 1200 лѣтъ. Въ библіотекѣ

есть также Кабинетъ монетъ и медалей (Muntz-Cabinet), въ которомъ хранился до 4,000 слѣпковъ, представляющихъ извѣстнѣйшихъ мужей. — Церковь Св. Михаила, стоящая близъ соборной, славится древностію своею: она построена въ 678 году. Въ ней находится точное подобіе гроба Господня. По лѣвую сторону престола, въ стѣнѣ есть квадратное отверстіе, имѣющее не болѣе полутора аршина въ діаметрѣ, такъ что человекъ, только согнувшись, можетъ въ оное влѣзть. Во внутренности, на лѣвой сторонѣ, могутъ четыре человека стоя помѣститься. Большой дікій камень, по правую сторону, занимаетъ столько мѣста, сколько требуетъ тѣло человека.

29 Іюня. На прелестномъ пути отъ Франкфурта къ Маннцу, не доѣзжая полмили до сего города, лежатъ между виноградными садами мѣстечко, сими же садами славное. Оно вѣнчаетъ пригорокъ, съ котораго, какъ будто неусыпный стражъ, надзираетъ надъ плодною окружностію. Скажите имя сего мѣстечка спарику, болѣе полвѣка опжившему — и кровь живѣе заструится вокругъ его сердца, и взоры его блеснутъ огнемъ молодости. Гожгеймъ на устахъ вашихъ. Такъ, вы опга-

дали. Быть въ немъ и не пить вина его имени, все равно, что быть въ Римѣ и не цѣловать Папскихъ туфель!... Пользуясь правомъ кошелька, я попребовалъ у богатаго хозяина моего бурылку десятилѣтняго Гохгейма. Филемонъ примѣтно испугался моего требованія, отговаривался невозможностію найти такого древняго вина и за золотыя горы, торговался со мною, не о деньгахъ, но объ лѣтахъ и — наконецъ принесъ прекрасное дѣло Гохгейма, пять лѣтъ воспитываемое въ пространномъ его погребѣ.

Гохгеймское вино почитается лучшимъ изъ всѣхъ бѣлыхъ винъ, производимыхъ богатыми виноградниками береговъ Рейна. Его не иначе пьютъ въ Германіи, какъ изъ рюмокъ средняго разбора, темнѣйшаго зеленого стекла. Мы, Русскіе (насъ было трое военныхъ товарищей), наполнили имъ прадедовскій подалъ и, въ честь падшихъ на поляхъ славы друзей, осушили его до дна. Воображеніе заискрилось, сердца заговорили — и мы изъ Гохгейма перенеслись на поля прежнихъ битвъ, на пепелище нашей родины, въ бѣлокаменную Столицу, въ шумный рой тамошнихъ красавицъ; пошутили, погорѣвали; — но дѣти Марсовы шутить не долго! — Мы возвратились скоро въ Гохгеймъ на свѣжую солому, чтобъ уснуть

въ сладкой надеждѣ увидѣть завтра Героя
временъ прошедшихъ и попомспва.

Маинцъ, 30 Іюня. Выѣхавъ изъ Гохгейма,
вы спускаетесь по пріямной оплогости. На
право и на лѣво спелюпся по разнообразнымъ
пригоркамъ виноградники; впереди чернѣются,
надъ красными кровлями, высокіе шпицы цер-
квей Маинца, а за нимъ въ видѣ амфитеатра
возвышающся его укрѣпленія. Вотъ и самый
городъ! Онъ смотрипся въ Рейнъ и съ про-
тивнаго берега смѣется, кажется, бурямъ
военнымъ, покоясь на лонѣ споль величеспвен-
наго защищника. Опець многихъ богатыхъ
рѣкъ Германіи, донинѣ вѣрный хранипель
границъ между двумя сильными царствами,
Рейнъ печепь здѣсь со всею гордоспію сво-
его имени. Здѣсь Маинцъ соединяется съ нимъ
и образуепь укрѣпленный островъ. Нѣсколь-
ко пловучихъ мѣльницъ песпрѣются на немъ
и сливають шумъ колесъ съ шумомъ его пе-
ченія. Длинный мостъ на судахъ соединяепь
оба берега.

Маинцъ, съ одной спороны огражденный
рѣками, съ другихъ споронъ укрѣпленіями,
надъ копорыми прудилось искусство вѣковъ
съ помощію щедрой Природы, могущій вмѣ-
ститъ въ себѣ многолюдный гарнизонъ — по-

чищается сильнѣйшею крѣпостію въ сердцѣ Европы. Онъ извѣстенъ также тѣмъ, что пустилъ въ свѣтъ двухъ сыновъ разнаго свойства: одинъ распространилъ ужасъ на всю землю, вручивъ честолюбцамъ новос и сильнѣйшее орудіе истреблять людей; а другой озарилъ науки новыми лучами просвѣщенія, и сохранилъ навсегда для благодарнаго потомства произведенія великихъ умовъ. Я говорю о порохѣ и книгопечатаніи, изобрѣтенныхъ въ семъ городѣ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ.

Городъ самъ по себѣ — какъ и всѣ укрѣпленные города — пустъ, унылъ и мраченъ. Тщетно будете спрашивать здѣсь объ успѣхахъ торговли, искусствъ и художествъ; напрасно станете искать слѣдовъ мирныхъ забавъ и удовольствій: онѣ вытѣснены отсюда навсегда! Здѣсь владычествуетъ одинъ Богъ войны—и кто не служи́тъ подъ его знаменами, кто для него не трудится, тотъ вѣрный изгнанникъ изъ Майнца. На площади (противъ древняго дворца), обсаженной деревьями, зовущими, кажется, любящіяся пары, или мирнаго пѣвца укрыться въ густотѣ ихъ отъ городской скуки, увидите важно движущіеся ряды Австрійскихъ гренадеръ съ грозными усами, или кипящіе рои стрѣлковъ Пруссиковъ. На главныхъ улицахъ солдаты, на берегу солдаты, и въ

прекрасныхъ домахъ они же! Можно сказать, что Майнцъ есть не иное что, какъ очень красивыя, обширныя казематы.

Человѣкъ великій украшаетъ нынѣ Майнцъ своимъ присутствіемъ. Смиранный въ своемъ величїи, скромный въ славѣ своей, гордый однимъ именемъ война защитника опечеснѣва; не унывавшій никогда въ поперяхъ, не возносившійся отъ бранныхъ успѣховъ; искусный и храбрый, хотя не всегда счастливый полководецъ; благоразумный тактикъ и писатель; соприудникъ Суворова, но не всегда вѣрный ему помощникъ; Герой всѣхъ временъ и народовъ; любовь общая и слава Австріи: однимъ словомъ, это Эрцгерцогъ Карлъ! Ему поручена нынѣ осада всѣхъ Французскихъ крѣпостей, лежащихъ на берегу Рейна; слишкомъ скромное порученіе! Но братъ Императора, видя въ немъ пользу общему дѣлу, посвятилъ сей пользу здоровье, труды, неусыпныя попеченія и дарованія свои. Майнцъ избралъ онъ своимъ лагеремъ и мѣстомъ надзора надъ движеніями Французскихъ гарнизоновъ и облегающими ихъ союзными войсками. Строгостію дисциплины, порядкомъ и добропою души заставлялъ онъ какъ своихъ, такъ и чужеземныхъ солдатъ и жипелей, любить себя до привязанности и уважать до преданности. Спросите объ немъ у Русскаго, Австрійца, Прусскаго, Баварца — и

всѣ съ равнымъ восхищеніемъ будупъ о немъ опъзывапъся. — Позавидуйте мнѣ, друзья мои: я его видѣлъ, я съ нимъ говорилъ!

Въ шесть часовъ упра гоповъ онъ былъ выѣхавъ на встрѣчу нашей гренадер-егерской бригадѣ и прекрасной бапарейной ротѣ Полковника Нилуса, при ней находящейся. Извѣщенъ будучи начальникомъ сихъ войскъ, Генераль-Маіоромъ Полукпковымъ, что полки и рота ожидаюпъ его прибытія на эпомъ берегу Рейна, онъ съ небольшою свипою къ нимъ прибылъ. Сердца солдапъ угадали, что онъ имъ не чужеземный по дѣяніямъ своимъ; они слышали опъ своихъ Офицеровъ, что онъ бывалъ въ походахъ съ Суворовымъ — и встрѣтили его громогласнымъ ура! » Въ какой Губерніи спояли эти войска, и когда вышли онѣ изъ мѣспъ своего расположенія? « спросилъ онъ. Узнавъ, что онѣ расположены были подъ Пепербургомъ, и выступили изъ кварпиръ своихъ въ концѣ Марпа, во время полноводія. » Въ три мѣсяца изъ-подъ Пепербурга на Рейнъ! совершенно по-Суворовски! « сказалъ онъ и прибавилъ: »люди пакъ свѣжи, пакъ живы и здоровы, какъ будпо выступаютъ нынѣ въ походъ! Не мудрено: воспитанникамъ Сѣвера и ученикамъ безсмертнаго Полководца все возможно! « — Когда войска проходили мимо его церемоніальнымъ маршемъ, онъ сказалъ Генералу моему,

« я имѣлъ честь командовать нѣкогда храбрыми Русскими солдатами; ожидалъ нынѣ эшаго счастья: но судьба и люди иначе расположили!... » Самый лестный отзывъ, самая лучшая похвала нашимъ Сѣвернымъ героямъ въ устахъ истинно великаго человѣка! Онъ пригласилъ начальниковъ и нѣсколько Офицеровъ къ столу. Онъ обѣдаетъ очень рано, не по придворному, а по солдатски. Говорятъ, что онъ имѣлъ нѣкогда у себя *table ronde*, на подобіе столовъ рыцарскихъ временъ; свобода и равенство при немъ присущствовали. Вблизи я успѣлъ лучше разсмотрѣть Эрцгерцога. Онъ малаго роста, худой, сухощавый; одѣвается просто; лице у него очень пріятное; глаза его блестятъ огнемъ ума; какая-то восхищительная улыбка покоится на устахъ его, особенно когда онъ говоритъ. Все окружающее его оживлено, кажется, его душою; весь дворъ его носитъ на себѣ признаки его любезности. Онъ самъ занимался военными г-ями своими, какъ ласковый, хлѣбосольный. Русскій помѣщикъ; каждому Офицеру сказалъ нѣсколько словъ, cadaго обворожилъ сими словами.

Присутствіе великаго человѣка есть лучшая школа нравовъ. Совѣтовалъ бы я надупому вельможѣ, величающемуся пергаменными своими, и гордому честолюбцу побывать у него: они вышли бы отъ него добрѣе, умнѣе и сми-

реніе. Взирая на него, невольно скажешь: скромность есть печать истиннаго величія. Посмотрите на Эрцгерцога Карла къ кругу его; взгляните на него въ его твореніяхъ *; послѣдуйте за нимъ въ пыль сраженій. Тамъ бьешь онъ гордостью; тутъ учишь побѣждать враговъ, не скрывая собственныхъ ошибокъ; здѣсь побѣждаешь ихъ: — вездѣ онъ герой истинный, вездѣ онъ человекъ великій!

Лагерь близъ Г. Вертю, у деревни Вилъе, 31 Августа. Провидѣніе, столь ясно ознаменовавшее себя во всѣхъ происшествіяхъ нынѣшней войны, хотѣло, кажется, наложить печать чудеснаго и на нѣкоторыя мѣста сихъ знаменитыхъ событій. Новѣйшія происшествія представляютъ тому разительныя свидѣтельства. Близъ прекраснаго Союза (*la belle Alliance*) соединились силы двухъ Державъ, подали другъ другу руки два Героя (Веллингтонъ и Блюхеръ), чптобы сокрушить у гидры властолюбія послѣднюю главу ея. На равнинахъ Добродѣтели (*Vertus*) могущество Россіи праздновало торжество свое предъ взорами цѣлой Европы. На горѣ Любимой (*Mont-Aimé*) Любимецъ Небесъ угощалъ Своихъ Союзниковъ зрѣлищемъ сего могущества. И гдѣ же, какъ не на

* Онъ писалъ о Стратегіи.

поляхъ сихъ, приличнѣе Кропости и Благоспи въ вѣнцѣ собирають дань удивленія и уваженія съ сильнѣйшихъ владыкъ земныхъ?

Никогда Шампанія не представляла зрѣлища, какого въ нынѣшніе дни она свидѣтельница. 24 нынѣшняго мѣсяца 165 тысячъ Русскихъ воиновъ расположили въ ней свой станъ. На ровномъ, какъ полъ, пространствѣ нѣсколькихъ верстъ бѣлѣются шапры ихъ въ нѣсколькихъ рядахъ, блестятъ оружія и дымятся коспры безчисленные. Веселіе и довольство царствуютъ въ семъ станѣ.

Послѣ прехдневнаго отдыха войска начали готовиться къ смотру. 26 числа назначенъ былъ опытъ смотра сего. Ожидали къ нему одного Фельдмаршала Барклая де Толли; но когда полки и артиллерія построились въ каре, Государь Императоръ нечаянно обрадовалъ ихъ Своимъ присутствіемъ. Его Величество встрѣченъ и сопровождается былъ радостнымъ ура! симъ вѣрнымъ отголоскомъ побѣдъ и любви Русскихъ воиновъ къ Царю своему. Движеніями войскъ Государь былъ очень доволенъ: — прекрасный опытъ ручался за прекраснѣйшее исполненіе въ глазахъ знаменитыхъ зрѣтелей.

Поля Верлю, какъ будто, нарочно образованы Природою для смотра многочисленной арміи. Распилаясь съ одной стороны на нѣ-

сколько верстъ гладкою равниною, на копорой не мелькаетъ ни одного куста, ни одного скромнаго ручейка, представляющъ онѣ съ другой стороны остроконечный холмъ, съ котораго взоръ можетъ въ одинъ мигъ обозрѣть все обширное пространство ихъ.

29 происходилъ самый смотръ. Первые Монархи міра (вмѣсто нѣкоторыхъ изъ нихъ представили ихъ), первые Полководцы нашего вѣка прибыли на поля Шампаніи, быть зрителями и вмѣстѣ цѣнителями могущества Россіи. Они увидѣли въ день сей, на какой степени должна стоять между Государствами сія Царица Сѣвера, чего могутъ спрашиваться о ея силѣ и надѣяться о ея извѣстной правотѣ ея и миролюбіи; они увидѣли, что ни многолѣтнія войны, ни чрезвычайныя средства, употребленныя Россіею для сокрушенія колосса, возвысившагося на могуществѣ нѣсколькихъ Державъ, не могли испощить силы ея; они узрѣли нынѣ оныя въ новомъ блескѣ и величіи — и принесли ей на вѣсы Полишки дань изумленія и уваженія.

Въ 6 часовъ утра 163 тысячи Русскаго войска прибыли на равнины Верпю и спали въ нѣсколькихъ линіяхъ въ боевомъ порядкѣ. Монархи и сопровождавшіе Ихъ Полководцы различныхъ Державъ прибыли вскорѣ на тору Монть-Эме. Въ рядахъ все было слухъ, пи-

шина и неподвижность; все было одно пѣло, одна душа! Казалось въ сіи минуты, что войска были сплочены въ неподвижныя спѣны. Начальникъ и рядовой ожидали удара въсповой пушки (по которой должны были исполняться всѣ маневры). Задымился холмъ; перунъ грянулъ — и все пришло въ движеніе. Музыка, барабаны и трубы загремѣли во всѣхъ линіяхъ, развѣвавшіяся знамена преклонены долу, и тысячи рукъ однимъ мановеніемъ опдали честь Государямъ. Вскорѣ все войско превворилось снова въ пишину и неподвижность. Но въсповой перунъ вновь раздался — и все восколебалось. Линіи начали дѣлиться; отпрыжки ихъ потекли по разнымъ направленіямъ; пѣхота и тяжелыя орудія ея шли скорымъ шагомъ; конница и легучая ея артиллерія неслись, казалось, на крыльяхъ вѣтра. Въ нѣсколько минутъ, съ разныхъ пунктовъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, войска прибыли всѣ вмѣстѣ на мѣста назначенія своего, и образовали вдругъ неподвижный, пространный каре, коего передній, правый и лѣвый фасы составляла вся пѣхота, а задній вся кавалерія (нѣсколько отдѣльно отъ пѣхоты). Въ сіе время Государи съѣхали съ горы, и при громогласномъ ура! объѣхали весь каре. Потомъ спали они на мѣстѣ, удобномъ для обозрѣнія полковъ, готовящихся къ церемоніи

альному маршу. Войска, построившись въ густыя колонны, соспавляя оныя изъ двухъ баталіоновъ рядомъ, имѣя за каждою бригадою свою артиллерію — вся пѣхота прежде, а потомъ вся конница — прошли такимъ образомъ мимо Государей. Порядокъ и блескъ шествія сего многочисленнаго войска изумили иностранцевъ шѣмъ болѣе, что въ числѣ онаго не была и Гвардія, сія лучшая, самая блестящая часть Русской арміи. Наши Гренадеры имѣли счастье замѣнить въ этотъ день Царскихъ пѣлохранителей, и совершенно оправдали общія надежды. Австрійскій Императоръ проѣхалъ мимо Государя впереди Гренадерскаго полку своего имени (бывшаго Кегсгольмскаго), а Пруссійскій Король велъ Гренадерскій полкъ, имѣющій честь носить его имя (что прежде былъ С. Петербургскій). Великіе Князья: Николай Павловичъ начальствовалъ одною бригадою въ 3 Грен. дивизіи; Михаилъ Павловичъ командовалъ пѣхотою конной артиллеріи. Церемониальный маршъ продолжался нѣсколько часовъ. По окончаніи онаго, войска составили колонны — каждая дивизія и кавалерійскій полкъ особую, на мѣстахъ мѣстахъ, гдѣ они стояли правыми флангами своими въ боевомъ порядкѣ; — а Государь отправился снова на гору Монъ-Эме. Потомъ армія построилась на лѣво. Смотръ кончился бѣглымъ огнемъ изъ 160 тысячъ

ружей и 600 орудій. Можно вообразить объ ужасномъ громѣ, ими произведенномъ. Казалось, земля раздираема была на части и вся окрестность спонала.

Фельдмаршалы Веллингтонъ, Шварценбергъ, Вредеи Блюхеръ, со многими другими знаменитыми Полководцами различныхъ Державъ, присутствовали при семъ смотре. Между ними было и нѣсколько Французскихъ Генераловъ, въ числѣ которыхъ замѣтилъ я Барона Дамаса, бывшаго Начальника Аспраханскаго Гренадерскаго полка. Среди сыновъ Марсовыхъ любопытно было видѣть и любимицъ Грацій, прибывшихъ изъ туманнаго Альбіона на равнины Шампани любоваться военнымъ зрѣлищемъ.

Не лзя не упомянуть здѣсь о прекрасной чертѣ скромности Великаго Князя Николая Павловича. Пріѣхавъ на канунъ смотра въ нашъ лагерь для выбора себѣ бригады, Онъ не хотѣлъ принять отъ Корпуснаго Начальника, Генерала Ермолова почести, должныя Брату Россійскаго Императора, и на всѣ изъявленія оныхъ повпорялъ нѣсколько разъ: » я только бригадный Командиръ, и помню мои обязанности. « Его Высочество явился подъ начальство Генерала, какъ слѣдуетъ подчиненному, и до тѣхъ поръ не хотѣлъ накрываться шляпою, пока эполетъ самъ не надѣлъ ее.

День Тезоименипспва возлюбленнаго Государя, былъ ознаменованъ новымъ блестящимъ парадомъ. Шестъ каре были расположены въ долину * близъ Верпю, седьмой на оплогоспи горы. Первые соспавляли пѣхопа, арпиллериспы и спѣшенная конница; послѣдній наши двѣ гренадерскія дивизіи съ ихъ арпиллериспами. Среди каждаго изъ каре находилась церковная палатка, въ коей опправляемо было Богослуженіе. Монархи и Полководцы различныхъ Державъ присупспвовали при ономъ въ нашемъ каре. Великолѣпное сіяніе упреняго солнца, придававшего сему необыкновенному зрѣлищу новыя красопы; блестящій сонмъ Героевъ; спройность и величеспво священнослуженія; благоговѣніе первыхъ Государей міра, повергающихъ свое величіе передъ алпаремъ Царя Царей; все наполняло душу сладкимъ, неизъяснимымъ воспоргомъ; все горѣ возносило ее!..

Нынѣ Государь Императоръ пріѣзжалъ въ нашъ лагерь *прощаться* съ Гренадерами. Его Величество благодарилъ Начальниковъ, Офицеровъ и солдатъ за усердіе въ поддержаніи ихъ славы передъ взорами знаменипыхъ зрипелей и добраго имени въ земляхъ чуж-

* Только не въ той, въ которой происходилъ смотръ войскамъ.

дыхъ — благодарилъ небольшою рѣчью, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя, говоря душѣ каждаго, возвышали ее. Нынѣшній день Гренадеры наши возрасли еще болѣе благородною гордостью.

Завтра шапры исчезнутъ на равнинахъ Верпю; проспимся съ полями Шампаніи — и сопровождаемые уваженіемъ народовъ, направимъ путь свой къ роднымъ хижинамъ, которыхъ
 и дымъ намъ кажется пріятенъ!

Веймаръ, 12 Октября. Не любопытство видѣть Аѳины Германіи, опечесиво Виланда, Гёте и другихъ знаменитыхъ писателей; но желаніе принести дань преданности Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, влекло насъ въ Веймаръ. Генераль Полуектовъ, пользуясь днемъ отдыха, назначеннымъ его Карабинерной бригадѣ, отправился со мною 10-го изъ Эрфурта. Того же дня вечеромъ пріѣхали мы сюда и пристали въ гостиницѣ подъ вывѣскою Наслѣднаго Принца (Hotel du Prince Héritaire). Рядомъ съ нами остановился Русской Леонидъ, Графъ Осперманъ Толстой. Съ нимъ была и супруга его.

11 по утру отправились мы пѣшкомъ во дворецъ. На пути къ нему перегнала насъ

четверомѣстная дорожная карета:—въ ней сидѣла Великая Княгиня Екатерина Павловна, захватившая сюда мимоѣздомъ для свиданія съ Сестрою. Свита Ея состояла изъ одной Шпагсъ-Дамы и Гофмаршала Ея Князя Ггарина. Въ пріемной комнатѣ Великая Княгиня Марія Павловна не заставила насъ долго ожидать Себя. Какая Ангельская кропоспѣ на лицѣ Ея изображена! Какое милоспивое обращеніе съ окружающими Ее! Особенно Русскимъ показывается Она ошличное вниманіе, и какъ будто ищепѣ для каждаго изъ нихъ содѣлапѣ Дворѣ Свой любезнымъ и пріятнымъ, какъ будто спараетсѣ, благосклонноспію Своею, окружипѣ ихъ благами драгоцѣнной родины. Поговоривъ нѣсколько времени съ Генераломъ моимъ, Ея Высочество изволила подойти ко мнѣ и спрашивала меня о службѣ моей, о прежнихъ Начальникахъ, о мѣспѣ моего рожденія. Слушая Ее, мнѣ казалось, что Небожительница удостоила со мною бесѣдовать. Въ сіе время вошла и Великая Княгиня Екатерина Павловна. Въ простомъ дорожной одежды казалась Она еще прекраснѣе. Обращивъ нѣсколько словъ къ Генераламъ, Ея Высочество не забыла броситѣ милоспивый взоръ и на Русскаго Офицера: Сама первая поклонилась ему, и сказала нѣсколько лестныхъ словъ. Подобный мнѣ бѣдный, неизвѣстный воинъ готовъ

бы сквозь мечи пробраться, чтобы достигнуть до такой чести; а меня судьба такъ легко награждала ею!... Какъ не благодарить мнѣ судьбу сію!

Здѣсь оживился въ моемъ сердцѣ 1813 годъ, когда брань кипѣла и, въ ярости своей, повергала тысячи жертвъ на одры болѣзни и смерти. Тогда, въ образѣ Великихъ Княгинь, Любовь и Надежда посѣщали обители скорби и спрада-ній, утѣщали словами печальныхъ воиновъ, помогали бѣднымъ, облегчали для нихъ тяжкій переходъ изъ сей жизни въ другую, и Ангельскою улыбкою умилоспивляли самую смерть. Кто изъ раненыхъ воиновъ, въ Теплицѣ лѣчившихся, не видалъ Ихъ у одра своего, не имѣетъ похвалиться какою-либо нѣжною о нихъ заботою Великихъ Княгинь? Кто изъ защитниковъ опечества и правъ народныхъ не испыталъ на себѣ благодѣяній Ихъ Высочествъ, и не читаетъ Ихъ въ душѣ своей Ангелами-Хранителями человѣчества? Закипѣла новая брань — и оживленные сими благодѣяніями воины поспешили на смерть или къ побѣдѣ съ именами Маріи и Екатерины!

По случаю ранняго отъѣзда Великой Княгини Екатерины Павловны, вмѣсто обѣденнаго стола, при Дворѣ назначенъ былъ завтракъ, къ которому именемъ Ея Высочества Наслѣдной Принцессы пригласили Генерала

Полуектова и меня. Екатерина Павловна была чрезвычайно весела до завтрака и за нимъ; Сама взяла руку старой Герцогини и повела ее къ столу; опивчала иногда Нѣмцамъ по Русски и Ангельскою живостію Своею одушевляла весь Дворъ. За столомъ имѣлъ я счастье сидѣть очень близко, напропивъ Великихъ Княгинь—счастье, которое равняло меня въ душѣ моей съ первыми богачами и счастливыми свѣта. Какъ скоро Екатерина Павловна спала готовившись къ отъѣзду, веселіе спорхнуло съ лица ея и дало мѣсто кропкому унынію. Прощаніе Вѣнценосныхъ Сестръ было прогипельно: Одна опускала Друга въ милое, драгоцѣнное Опечесство, которому нѣтъ нигдѣ замѣны; другая распавалась съ нѣжною Сестрою, оставляя ее хопя среди новаго семейства Ея, но все на землѣ чуждой, не у сердца Матери, не въ кругу нѣжныхъ Братьевъ. Великія Княгини, проливая слезы, обняли другъ дружку въ послѣдній разъ у дверей кареты; горестное прощаніе было сказано — — и спукъ экипажа исчезъ на пространствѣ дворцовой площади. Казалось, у всѣхъ зрителей сего прогипельнаго прощанія навернулись на глазахъ слезы.

Вечеромъ были мы приглашены опъ Наслѣдной Принцессы въ театръ и къ ужину. Нося въ сердцѣ своемъ новое сильнѣйшее чув-

ство преданности къ Царскому Дому, сполько
богатому милостию и любовію къ вѣрнопождан-
нымъ Своимъ; не жалѣя, что не успѣли ви-
дѣть Веймарскихъ ученыхъ, сей часъ отпра-
вляемся мы отсюда къ Кюзень....

К О Н Е Ц Ъ .

Lažečnikov, Ivan Ivanovič,

Pochodnyja zapiski russkago oficera

Moskva 1836

Eur. 1018 d

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10409517-0